И 322/196

И 322/196

ЭБ

Г VI-2 / 413
И 322 / 196
355.3 / Л. 34.

ОПАСНОСТЬ МИЛИЦІИ

(LE DANGER DES MILICES).

Соч. генерала ЛЕВАЛЯ

изъ

„JOURNAL DES SCIENCES MILITAIRES".

Переводъ съ французскаго.

Оттискъ изъ газеты „АСХАБАДЪ".

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ ... ФЛОТА
Единая Фундаментальная Библиотека Г. У. В. У.
№ 1872 гл. 1

АСХАБАДЪ.
Типографія Штаба 2-го Туркестанскаго армейскаго корпуса.
1899.

Объявленіе о цѣнѣ книги **„Опасность Милиціи“** *мною было разослано до полученія самой книги. Въ настоящее время, получивъ книгу, я не нахожу возможнымъ продавать ее дороже 1 р. 50 к., (съ пересылкой 1 р. 75 к.)*

Издатель.

Вознесенскъ.
21 Ноября, 1899 г.

2007111435

Редакторъ выпускаемаго въ свѣтъ труда генерала Левалл проситъ читателей указать ошибки въ терминологіи,—быть можетъ, за неимѣніемъ подъ руками военно-техническаго словаря, не вездѣ правильно переданы французскіе термины. Что касается слога перевода, то, сознавая, что не вездѣ онъ удаченъ, редакторъ объясняетъ это спѣшностью работы вслѣдствіе печатанія въ газетѣ. Поспѣшить же печатаніемъ этого труда казалось необходимо ввиду того интереса, который представляютъ теперь вопросы военной организаціи, въ особенности въ то время, когда шли засѣданія мирной конференціи. Быть можетъ, эта книга дастъ русскимъ читателямъ данныя для сравненія.

ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА
2-го Гренадерскаго Ростовскаго полка

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ Переводчиковъ		1.
I	Формы рекрутскаго набора	2.
II	Постоянная военная каста въ Египтѣ	6.
III	Толпа у Израильтянъ	8.
IV	Регулярныя азіатскія войска	9.
V	Военная служба въ Греціи	11.
VI	Рекрутчина въ Римѣ	14.
VII	Нашествіе варваровъ	26.
VIII	Рекрутчина феодальная	28.
IX	Возвратъ къ жалованью. Наемники	32.
X	Рекрутчина при Карлѣ VII	35.
XI	Вербовка	39.
XII	Призывы при республикѣ и Имперіи	46.
XIII	Рекрутчина во время реставраціи	56.
XIV	Рекрутчина во время конституціонной монархіи	57.
XV	Рекрутчина во время второй Имперіи	61.
XVI	Военныя силы, созданныя въ 1870—71 годахъ	66.
XVII	Обязательная служба, введенная въ 1872 году	68.
XVIII	Военная служба въ Англіи	75.
XIX	Рекрутчина въ Соединенныхъ Штатахъ	79.
XX	Военныя учрежденія Швейцаріи	84.
XXI	Осужденіе закона 1872 года	90.
XXII	Законъ 1889 года	97.
XXIII	Законъ 1893 года	104.
XXIV	Нападки на военныя учрежденія	109.
XXV	Независимость и дисциплина	115.
XXVI	Условія для того, чтобы уменьшить энергію, ослабить духъ предпріимчивости, уменьшить военное чувство	122.

XXVII Все-же во Франціи любятъ армію . . 138.
XXVIII Объединеніе арміи и ея резерва неисполнимо 145.
XXIX Средства, предлагаемыя для сокращенія обязательной службы . . . . . 152.
XXX Предложеніе уменьшенія продолжительности службы . . . . . 163.
XXXI Предложеніе уничтоженія постоянной арміи . 172.
XXXII Подготовительное обученіе передъ военной службой ведетъ къ уничтоженію арміи . . . 181.
XXXIII Значеніе резервовъ происходитъ отъ дѣйствующей арміи . . . . . 187.
XXXIV Вооруженная сила, которая вотируетъ разрушить армію, которая не вотируетъ . . 196.
XXXV Красная стачка . . . . . 206.
XXXVI Милиціи недостаетъ профессіональныхъ знаній 210.
XXXVII Недостатокъ духа части (l'esprit de corps) у милиціи и у всѣхъ импровизированныхъ воиновъ . 219.
XXXVIII Чтобы побѣдить противника, надо его стоить 230.
XXXIX Заключеніе 235

ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА
2-го Гренадерскаго Ростовскаго полка

Опасность милиціи.

(Le danger des milices).

Предлагая вниманію читателей настоящій переводъ труда генерала Леваля (Lewal), помѣщеннаго въ „Journal des sciences militaires“ за 1897 и 1898 годы, мы считаемъ появленіе его своевременнымъ въ виду того, что въ настоящее время военные вопросы привлекаютъ всеобщее вниманіе. Вооруженный миръ и связанные съ нимъ непомѣрные расходы, лежащіе тяжелымъ бременемъ на всѣхъ народахъ—съ одной стороны, настойчивый призывъ къ миру дѣйствительному и разоруженію—съ другой, вотъ что въ настоящее время заставляетъ всѣхъ интересоваться войскомъ и военными вопросами. Предлагаемый трудъ представляетъ краткій очеркъ развитія различныхъ военныхъ системъ въ различныхъ государствахъ, начиная съ военной касты въ Египтѣ и кончая милиціонными системами Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ. Если общество наше нѣсколько знакомо съ устройствомъ и комплектованіемъ военныхъ силъ Средней Европы, по сходству ихъ съ нашими русскими войсками, то очень немногіе, даже изъ числа военныхъ, мало знакомы съ организаціей военныхъ силъ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Швейцаріи. А между тѣмъ въ нихъ много оригинальнаго.

Вторая половина труда посвящена изложенію нападокъ со стороны различныхъ общественныхъ группъ на существующія военныя системы и критикѣ этихъ нападокъ самого генерала Леваля.

Не вдаваясь въ разборъ того, кто правъ, кто виноватъ, въ этомъ безконечномъ спорѣ, мы считаемъ весьма полезнымъ предложить читателямъ полный переводъ сочиненія генерала Леваля и думаемъ, что она представитъ интересъ для всякаго читателя, не только спеціалиста-военнаго, и освѣтитъ вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, быть можетъ даже и съ такихъ, съ которыхъ русскій читатель на него не смотрѣлъ.

Если появленіе этого перевода заинтересуетъ русское общество и вызоветъ обмѣнъ мнѣній въ литературѣ, то мы почувствуемъ, что нашъ скромный трудъ не пропалъ даромъ.

Переводчики.

I.

Формы рекрутскаго набора.

Среди задачъ, которыя держитъ въ своихъ когтяхъ сфинскъ будущихъ временъ, военный вопросъ занимаетъ первое мѣсто. Онъ связанъ со всѣми общественными интересами, какого бы то ни было рода. Между миромъ и войной не можетъ быть колебаній въ выборѣ. Миръ предпочтительнѣе, а война необходима. Война противорѣчитъ естественному чувству самосохраненія. Принципы религіозные, какъ и начало человѣчности осуждаютъ ее; однако-же она всегда существовала, и продолжается.

Первые пѣвцы распространяли пѣсни о любви и войнѣ. Самый древній извѣстный поэтъ Гомеръ прославлялъ битвы.

Чувства древнихъ временъ существуютъ и теперь. Они, вѣроятно, всегда будутъ сущетвовать въ сердцахъ людей. Форма измѣнилась, она быть можетъ измѣнится и въ будущемъ, но сущность останется неприкосновенной.

Война болѣе мира есть объектъ. Средство, это армія, вооруженная нація, милиція или ничто, смотря по точкѣ зрѣнія.

Постоянная армія или вооруженная толпа, милитаризмъ или система милиціи—вотъ два противо-положные взгляда въ этомъ спорѣ. Какъ разрѣшить ему загадку будущаго, съ точки зрѣнія большей выгоды для нашей страны, а затѣмъ человѣчества? Этотъ вопросъ представляется всегда, рѣшеніе его остается спорнымъ.

Теперь во всѣхъ странахъ человѣкъ образованный, ученый, матеріалистъ, моралистъ, политикъ чувствуютъ сильное влеченіе къ изученію его. Каждый разсматриваетъ его съ точки зрѣнія своей спеціальности, внося туда обыкновенно мало знанія вопроса. Слишкомъ поверхностныя сужденія штатской части населенія противорѣчатъ мнѣніямъ военныхъ, конечно, болѣе компетентныхъ.

Распря не есть зло, если она зиждется на глубоко изслѣдованныхъ аргументахъ. Часто дѣло обстоитъ не такъ, и иногда судятъ о военныхъ учрежденіяхъ съ легкомыслiемъ, достойнымъ сожалѣнія. Патріотизмъ долженъ бы внушать болѣе серьезности; онъ и основа, и цѣль; онъ властвуетъ надъ всѣмъ въ этомъ спорѣ

Странная вещь: соціалисты требуютъ теперь милиціи, которая существовала еще при образованіи обществъ и являлась много разъ съ тѣхъ поръ. Какая эволюція совершилась въ соціальныхъ идеяхъ, чтобы до такой степени перевернуть верхъ дномъ военныя идеи? Пройдя періодъ постоянныхъ армій, теперь восхваляютъ упадокъ военныхъ учрежденіи. Въ тоже время страстные приверженцы численности, партизаны вооруженныхъ націй, напуганные самой многочисленостью, возвращаются мало по малу къ интенсивной формѣ сокращенной службы и хотятъ вновь установить сокращенныя постоянныя арміи.

Какъ съ одной, такъ и съ другой стороны нѣкоторые говорятъ противъ того, что существуетъ, противъ результата столькихъ усилій. Въ этомъ можно видѣть только малооправдываемое стремленіе къ нововведенію. Двѣ рѣзко опредѣленныя и противоположныя системы на лицо: одни выражаютъ болѣе или менѣе обдуманныя желанія о замѣнѣ арміи милиціей, другіе предлагаютъ армію ограниченную, чисто професіональную.

Эти двѣ формы предлагаются въ различныхъ изданіяхъ. Они появляются въ законопроэктахъ, предлагаемыхъ въ большомъ количествѣ съ трибуны палаты депутатовъ, особенно въ послѣднее время. Ихъ можно резюмировать въ двухъ выраженіяхъ: армія или милиція. Пренія объ нихъ и сравненіе ихъ-наиболѣе важный и интересный предметъ настоящаго времени.

Долгіе періоды мира имѣютъ дурное вліяніе; благосостояніе занимаетъ тамъ огромное мѣсто. Забываютъ уроки прошлаго, ошибки, заблужденія, перемѣны и, пытаясь подготивить будущее, возвращаются къ исходной точкѣ, которая кажется новостью. Вращаются въ колесѣ, думая, что двигаются впередъ.

Общественное мнѣніе, увлекаемое мечтателями, интернаціоналистами, утопистами, готово слѣдовать за ними по недостатку знакомства съ вопросомъ. Оно пришло къ необходимости уменьшить срокъ служ-

бы, казавшейся очень тяжелой, не сообразивъ, какъ быстры переходы при спускѣ. Безъ своего вѣдома подвергаясь вліянію устарѣвшихъ вѣяній тѣмъ болѣе опасныхъ, что они кажутся соблазнительными, оно постепенно признало сокращенія. достойные сожалѣнія во многихъ отношеніяхъ.

Нѣсколько разъ требовали уменьшенія срока службы, увѣряя, что это ничего не измѣнитъ въ количествѣ бойцовъ, скрывая измѣненіе въ степени ихъ подготовленности. Нація согласилась на это, стали просить большаго.

Въ 1895 году въ моей брошюрѣ: „Противъ двухлѣтняго срока“, *) я оспаривалъ предложенія объ уменьшеніи срока съ 3-хъ лѣтъ на два года. Въ 1896 г. въ другой брошюрѣ: „Химера разоруженія“ **) я боролся противъ сокращенія съ двухъ лѣтъ до одного года—начала разоруженія.

Теперь усилія продолжаются, даже разгораются. Соціалисты и анархисты довольно ясно предлагаютъ уничтоженіе арміи и замѣну ея милиціей. Ярко выступаютъ голоса въ пользу уничтоженія военнаго устройства.

*) Contre le service de deux ans.
**) La chimère du desarmement.

Надо бороться снова и постоянно противъ безсмысленныхъ попытокъ полнаго уничтоженія войска. Это будетъ предметомъ этого, 3-яго, очерка. Всѣ вмѣстѣ они представятъ такимъ образомъ трилогію: „*Противъ двухъ-лѣтняго срока службы*“; „*Противъ годичнаго срока*“; „*Противъ уничтоженія арміи*“.

Основа одна и та-же. Мы пытаемся прибавить къ представленнымъ уже доводамъ новыя соображенія, чтобы помѣшать нашей странѣ слѣдовать за неблагоразумными людьми, которые ведутъ ее къ гибели, прикрывая свои цѣли обманчивыми соблазнами, безумными обѣщаніями.

Лучшее средство разоблачить ихъ ознакомить хорошо съ вопросомъ, указать его нужды и настаивать на опасности коварныхъ предложеній, которыя съ ожесточеніемъ стараются представить прогрессивными.

Система набора военныхъ силъ есть центръ всѣхъ споровъ, предметъ всѣхъ нападокъ. Удержать ее или почти совсѣмъ уничтожить, такова въ результатѣ точная основа выраженныхъ требованій.

Исполненіе военнаго долга есть самая существенная обязанность обществъ, дикихъ и цивилизованныхъ, древнихъ и новыхъ. Смотря

по времени, оно принимало очень разнообразныя формы и направленія. Долго на него смотрѣли, какъ на право, на честь, впослѣдствіе пытались уподобить его крѣпостному состоянію, повинности. Совершено разрушивъ теперь сознаніе долга, стараются уменьшить значеніе военной службы въ глазахъ многихъ; силятся представить ее тягостью; называютъ податью крови, и слѣдовательно хотятъ ограничить ее, обойти или совсѣмъ уничтожить.

Принципъ рекрутчины существовалъ во всѣ времена; приложеніе его производилось по весьма различнымъ системамъ. Бѣглый обзоръ всѣхъ измѣненій, сопровождавшихъ его, будетъ полезенъ, даже необходимъ въ началѣ этого труда, чтобы оживить ихъ въ памяти тѣхъ, кто забылъ и познакомить съ ними тѣхъ, кто никогда не зналъ этихъ подробностей, столь настоятельно необходимыхъ теперь.

Въ первыхъ вѣкахъ образованія обществъ появляются воины (guerriers) и ратники (milices). Послѣ столькихъ протекшихъ вѣковъ, прогресса въ нравахъ, различныхъ обычаяхъ, цивилизаціи, все измѣнившей — все еще требуютъ солдатъ и ратниковъ.

Удивительная страность человѣческаго ума. Несомнѣнно поучительно напомнить измѣненіе идей въ системѣ рекрутчины, указать эволюціи ихъ изъ года въ годъ, съ ихъ причинами и послѣдствіями. Это вовсе не будетъ историческій обзоръ, но приведеніе доказательствъ, вытекающихъ изъ самыхъ фактовъ. Въ бѣгломъ пересказѣ этой удивительной эпопеи, увидятъ конецъ, приблизительно тождественный началу. Не смотря на измѣненіе нравовъ и обществъ теперь возвращаются къ старой колеѣ; намъ хотятъ представить прогрессивными учрежденія столь же древнія, какъ человѣчество и столько разъ осужденныя практикой.

Читатель найдетъ, конечно, въ этомъ очеркѣ элементы поучительные и по крайней мѣрѣ онъ будетъ остерегаться воображаемыхъ новинокъ, проповѣдуемыхъ теперь декадентами.

Военное ремесло самое естественное и самое древнее. Всѣ согласны съ этимъ. Происхожденіе его вытекло изъ необходимости защищать свою семью, что и заставило человѣка стать воиномъ. Установленіе обществъ утвердило и расширило этотъ долгъ или преимущество. Нація принуждена бороться за свою

независимость подъ страхомъ не существовать. Ктовладѣетъ ею, желаетъ сохранить, у кого нѣтъ—хочетъ пріобрѣсти. Съ одной стороны столкновеніе и воровство, съ другой—война и побѣда. Война есть борьба за существованіе, за собственность, за вѣру, за свободу. Она сама по себѣ вѣчная. Чтобы поддержать ее всегда нужны были воины.

Безъ организаціи, безъ уставовъ у первобытныхъ народовъ всякій человѣкъ есть воинъ и идетъ на врага всякій, безъ исключенія, безъ протеста. Такъ поступаютъ еще всѣ дикіе народы. Необходимость поставляетъ это въ законъ; награда – это честь, слава.

Сущность древняго воина быть готовымъ, когда бы не позвали, пока силы позволяютъ ему идти. Онъ вооружается самъ, кормится на свой счетъ, не получаетъ никакого жалованья. Онъ исполняетъ обязанность — долгъ преданности своимъ близкимъ. Наградой является добыча, почетъ, общественныя должности.

Когда семья стала племенемъ, а племена образовали націи, способъ рекрутчины измѣнился. Генералъ Гиберъ такъ описываетъ эту перемѣну: „Первое искусство изобрѣтенное человѣкомъ, было искусство „вредить другъ другу. Страсти родились вмѣстѣ съ міромъ; онѣ породили войну. Она пробудила желаніе побѣждать и успѣшнѣе вредить другъ другу, наконецъ—военное искусство. При своемъ появленіи оно составляло лишь передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію умѣнье извлекать пользу изъ своей ловкости и силы. Съ развитіемъ обществъ оно расширилось, комбинировало болѣе средствъ и силъ, собрало большее количество людей".

Арміи образовались вслѣдствіи необходимости имѣть людей, опытныхъ въ бою, вмѣсто импровизированныхъ волонтеровъ. Это замѣчаніе, относящееся къ самымъ древнимъ временамъ, имѣетъ необычайную важность. вслѣдствіе именно противоположнаго принципа, столь проповѣдуемаго теперь.

II.

Постоянная военная каста въ Египтѣ.

Самыя древнія войска составляли сначала военную касту. У перваго извѣстнаго народа, египтянъ, нація дѣлилась на три касты: жрецы, воины и народъ. Эта древняя община, первоначальная законодательница

міра, прежде всѣхъ имѣла понятіе о постоянномъ военномъ учрежденіи и примѣняла его.

По Геродоту „число воиновъ про„стиралось до 250,000 и каждый „пользовался клочкомъ земли (12 „аруровъ [arours]), свободной отъ „налога. Расположенные въ 17 уѣ„здахъ или провинціяхъ, они не „имѣли другихъ занятій, кромѣ изу„ченія и постоянныхъ упражненій „во всѣхъ отрасляхъ военнаго ис„кусства, которымъ они занима„лись даже въ мирное время, чтобы „быть готовыми, когда настанетъ „опасность".

Эти нѣсколько строкъ отца исторіи въ точности воспроизводятъ принципы, руководящіе нами теперь. Военное ремесло создано, постоянная армія учреждена, корпусъ въ 12—14000 человѣкъ находится въ каждой провинціи. Жрецы молятся, народъ работаетъ, воины обязаны охранять ихъ и защищать страну. Имъ ничего не платятъ, они получаютъ земли за военную службу, которую они вынуждены нести. Это еще въ обычаѣ и въ наши времена: у племенъ Макзенъ (Makhzen) въ Алжирѣ, въ пограничныхъ областяхъ Россіи; а между тѣмъ эта организація процвѣтала уже въ Египтѣ, когда Іосифъ былъ правителемъ у Фараона.

Долина Нила отчасти, безъ сомнѣнія, ей обязана своей пышностью вслѣдствіе безопасности, которую она ей обезпечивала. Эта организація измѣнилась и это сопровождалось такимъ упадкомъ, что Египетъ, покоренный какими-то Гиксами (кочевники) принужденъ былъ отпустить Евреевъ, которые были тамъ рабами, не смѣя, или будучи не въ силахъ удержать ихъ.

Упадокъ военный, повелъ за собой упадокъ политическій, а затѣмъ соціальный.

Этотъ фактъ слѣдуетъ запомнить.

Я настойчиво указываю на это начало набора постоянныхъ силъ въ такую отдаленную отъ насъ эпоху. Постоянство военныхъ силъ это та форма, къ которой въ наше время обращаются нѣкоторые умы послѣ скольких вѣковъ. Это, въ концѣ въ концовъ, спеціализація воина и отреченіе всего остального населенія отъ активной защиты страны. Эти идеи, совершенно противоположныя нашимъ настоящимъ нуждамъ, находятся именно въ проэктѣ закона, представленномъ однимъ депутатомъ въ послѣдніе мѣсяцы 1896 года.

Многочисленныя перемѣны имѣютъ мѣсто между этими двумя

крайними, но по существу подобными положеніями.

——

III.

Толпа у израильтянъ.

Евреи, около 1720 года до нашей эры, начиная свое переселеніе въ Палестину, представляютъ народъ странствующій. При уходѣ ихъ насчитывали до шестисотъ тысячъ пѣшихъ мужчинъ, кромѣ дѣтей (Исходъ, глава XII, 37), и множество разноплеменныхъ людей вышли съ ними, и мелкій и крупный скотъ, стадо весьма большое (Исходъ, глава XII, 38).

Если каждый мужчина представлялъ 6 человѣкъ, въ общемъ это составило бы 3 милліона съ половиной. Это конечно большое преувеличеніе.

Въ главѣ III-й, стихъ 43, исчисленіе первенцовъ-мальчиковъ всякаго возраста дало 22,273 человѣка, цифра сравнительно малая и не дающая въ общемъ населенія болѣе 200,000—300,000 человѣкъ (Числа).

Между тѣмъ, въ главѣ XXVI сдѣланная „въ равнинахъ Моавитскихъ у Іордана противъ Іерихона“ перепись всѣхъ могущихъ идти на войну, начиная съ 20-лѣтняго возраста и старше (стихи 2 и 4), дала, въ общемъ, 601,730 человѣкъ (стихъ 51).

Во время годовъ странствованія имъ приходилось бороться и они всегда были побиваемы, пока поколѣніе, воспитанное въ рабствѣ замѣнилось другимъ, болѣе закаленнымъ.

Израильтяне, знакомые только съ ручнымъ трудомъ, не были воинами. У нихъ, такъ сказать, не было оружія и они дрались палками и камнями. Въ различныхъ обстоятельствахъ выбирали среди разныхъ колѣнъ менѣе плохихъ людей и посылали ихъ на врага. Пятикнижіе, передавая этотъ способъ рекрутчины, не указываетъ ни видовъ его, ни условій.

Израильтяне бросились на завоеваніе земель, какъ всѣ первые дикіе народы. Долго смѣшивали этихъ выходцевъ съ арміей и цѣлыя народности съ сражающимися, но это совсѣмъ несходныя вещи.

Пріобрѣтя осѣдлость въ Іудеѣ, они образовали небольшое войско. Оно одерживаетъ нѣсколько побѣдъ надъ сосѣдними племенами. Народъ процвѣтаетъ, но вскорѣ потомъ клонится къ упадку. Въ постоянной войнѣ армія ея портится вмѣсто, того, чтобы улучшаться. Народъ, много разъ подпадавшій подъ иго тѣхъ, которыхъ часто побѣждалъ, выноситъ 7 періодовъ рабства въ

теченіи 4-хъ вѣковъ. Онъ падаетъ и поднимается, въ зависимости отъ политическаго положенія страны, но постоянно сохраняетъ свои дурныя военныя учрежденія — результатъ плохаго соціальнаго устройства.

Они вновь стали независимыми при царяхъ; сначала Давидъ, потомъ Соломонъ учреждаютъ довольно сильную постоянную армію, которая снова даетъ странѣ перевѣсъ.

IV.

Регулярныя азіатскія войска.

Рядомъ съ Іудеей, Ассирія достигла высшей степени могущества, вслѣдствіе численности и качества своихъ войскъ. Нинъ одерживаетъ свои побѣды съ милліономъ человѣкъ, какъ гласитъ легенда.

Семирамида совершаетъ набѣги на Индію и Африку. Она расширяетъ Вавилонъ и увеличиваетъ Ниневію. Конечно, явное преувеличеніе — эти 3.000,000 солдатъ, 500,000 лошадей и 100,000 колесницъ, сопровождающихъ ее во время похода въ Индію.

Отдавая дань поэзіи въ этихъ баснословныхъ разсказахъ, гдѣ чудесное искажаетъ истину, все же это доказываетъ существованіе большихъ военныхъ силъ въ ту отдаленную эпоху. Ниневія, со своими высокими стѣнами, Вавилонъ, окруженный гигантской оградой, великолѣпіе этого царства и его значительныя побѣды—указываютъ на существованіе прочной арміи, также какъ и на цвѣтущее состояніе военнаго званія.

Отмѣтимъ частную особенность. Во времена Семирамиды каждый годъ въ Ниневію призывали 400000 солдатъ, набранныхъ изъ разныхъ частей царства. Они были подъ командой областныхъ офицеровъ и подчинены генераламъ, выбраннымъ самимъ царемъ. Черезъ годъ эти солдаты замѣнялись другими. Такимъ образомъ не существовало ни привиллегированной милиціи, ни неподвижности гарнизоновъ, ни генераловъ, которые имѣли-бы время привлечь на свою сторону войска, т. е. ничего того, что погубило позже столько династій.

Въ Египтѣ, со времени царствованія Хеопса (около 713 года до Р. Хр.), произошла большая перемѣна въ военномъ устройствѣ. Жрецъ Сетосъ, достигнувъ высшей власти, отнялъ земли, пожалованныя воинамъ; эти удалились со службы; постоянная сила исчезла, ее замѣнили волонтеры.

Религіозное чувство, сильно развитое у народностей, въ связи съ большимъ числомъ грековъ, введен-

ныхъ въэти импровизованныя войска, дало возможность господствовать надъ уволенными воинами, которые направились къ Эфіопіи. Энтузіазмъ, эфемерная добродѣтель волонтеровъ, доставила имъ сначала успѣхъ.

„Сетосъ напалъ и побѣдилъ сосѣдей“ иностранцевъ съ купцами, „ремесленниками и массой народа, „добровольно ставшаго подъ его зна„мена, и далъ, такимъ образомъ, въ „руки толпы оружіе, которое до „сихъ поръ было привиллегіей вои„новъ“. (*Геродотъ*, гл. II, отд. 141).

Толпа занимаетъ мѣсто воиновъ и торжествуетъ. Какой предметъ для размышленій послѣ того, что мы видѣли въ концѣ прошлаго вѣка и что видимъ еще теперь. Послѣдствія почти тѣ-же самыя. Огонь отъ соломы очень блестящій и быстро потухающій.

Эта египетская революція 26 вѣковъ тому назадъ, теократическое дѣло правительства и соціальное—народа—уничтожила военную касту и тотчасъ же начался упадокъ страны. Онъ шелъ быстро и менѣе чѣмъ два вѣка спустя, страна является слабой и легко побѣждается сосѣдями: мидянами, персами и т. д. . . . .

Тогда появляется великій военный преобразователь: Киръ. Съ 160000 человѣкъ и 36000 лошадей онъ разбиваетъ на берегахъ Пактоля армію Креза въ 360000 пѣхоты и 60,000 кавалеріи. Побѣда при Кимврахъ (541 года до Р. Хр.) предоставила во власть Кира почти всю Азію. Онъ основалъ Персидское царство, простиравшееся отъ Средземнаго моря до Оксуса и до Индійскаго океана.

Онъ далъ ему сильное военное устройство. Войско состояло изъ 4 категорій или родовъ оружія: тяжелая пѣхота, легкая, стрѣлки изъ лука и пращники и кавалерія.

Онъ первый основываетъ гвардію или сильный резервный корпусъ изъ 15,000 чел. пѣхоты и 10,000 кавалеріи, причемъ, такъ какъ вакансіи здѣсь постоянно пополнялись, то эти войска получили названіе Безсмертныхъ.

Киръ особено предался обученію своего войска и оно стало непобѣдимымъ. Но послѣ всѣхъ одержанныхъ побѣдъ, пріобрѣтенія добычи и богатствъ, общеніе съ побѣжденными испортило нравы побѣдителей. Благосостояніе замѣнило простоту, изнѣженность—энергію. Войско ослабѣло и въ качествѣ и въ количествѣ и, безсильное, пало подъ ударами греческаго народа, который возвысился тогда молодой, ма-

лочисленный и храбрый.

Передавая всѣ эти подробности, Ѳукидидъ далъ намъ большой урокъ для размышленія. Судя по различнымъ современнымъ сочиненіямъ, кажется, что онъ остался мертвой буквой.

— —

V.

Военная служба въ Греціи.

Троянская война, изукрашенная блестящими легендами Гомера показываетъ намъ царьковъ, соединявшихъ свои небольшія части для общаго дѣла. Пятьдесятъ семь греческихъ государствъ, острововъ и материка, принимаетъ въ немъ участіе. Ихъ соединенныя силы составляютъ до 10,000 человѣкъ. Это независимыя племена, подчиненныя временно высшему вождю.

До тѣхъ поръ у Грековъ не было военнаго принципа. Сборище воиновъ, слѣдующихъ за своими вождями и сражающихся по вдохновенію,—вовсе не походило на войско.

По разрушеніи царской власти греческіе республики учредили военное устройство, аналогичное въ общемъ, но различное въ каждомъ государствѣ. Спартанцы, Ѳиванцы, Аѳиняне были во главѣ.

Въ 884 году до Р. Х. Ликургъ, желая сдѣлать Спартанцевъ народомъ воиновъ, предписывалъ мужчинамъ и даже женщинамъ постоянныя физическія упражненія на воздухѣ, помимо обычныхъ занятій. Въ дѣйствительности онъ организовалъ вооруженную націю и всѣ мысли направилъ на войну. Военная служба, начинаясь съ 20 лѣтняго возраста, продолжалась до 60 лѣтъ. Всѣ, подготовленные въ мирное время, брались за оружіе лишь только приближался врагъ.

Въ Аѳинахъ граждане служились 18 до 40 лѣтъ и могли быть призываемы еще и послѣ. Лишь только рѣшено было идти на войну, вожди предлагали народу планъ и начинался наборъ. На площади устроивали пріемные пункты и вожди призывали изъ каждаго племени тѣхъ, кому была очередь идти. Всѣ должны были идти, исключая имѣвшихъ какую нибудь законную причину. Давали 7 дней льготы для устройства домашнихъ дѣлъ и нарушали этотъ законъ лишь въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ.

Дѣти, которыхъ заставляли дѣлать гимнастическія упражненія получали въ тоже время военное образованіе. Этотъ искусъ продолжался до 15 лѣтъ въ Спартѣ, до 18-ти въ Аѳинахъ. Эти воспоминанія внушили злополучное созданіе

школьныхъ батальоновъ во Франціи въ послѣдніе годы. Тогда какъ обученіе въ Греціи было такъ хорошо прежде, у насъ оно было такъ отвратительно, что пришлось отмѣнить эту систему.

Для всѣхъ гражданъ служба была обязательна. Она составляла долгъ и была привиллегіей, какъ-бы честью. Люди свободные, главы семействъ, собственники—имъ однимъ дозволено было носить оружіе, почти они одни имѣли званіе гражданъ.

Въ наборъ попадали тогда всѣ находившіеся въ этихъ условіяхъ. Между ними выбирали сначала самыхъ молодыхъ и богатыхъ и ихъ отправляли, смотря по военнымъ надобностямъ. Такимъ образомъ забирали самыхъ способныхъ, самыхъ богатыхъ,—тѣхъ, которые имѣли болѣе интересовъ въ защитѣ.

Гражданинъ и воинъ смѣшивались въ греческихъ республикахъ. Войска представляли въ нѣкоторомъ родѣ все государство. Они составляли собраніе защитниковъ интересовъ, нарушаемыхъ войною и въ тоже время оно состояло только изъ тѣхъ, кто могъ выносить тягости войны.

Преданность государству была въ результатѣ преданностью частнымъ интересамъ; никто не отступалъ передъ исполненіемъ этого перваго долга, никто не считалъ его гибельнымъ или тяжкимъ, потому что всѣ одинаково призывались исполнять его.

Естественно исключали изъ войска бѣдныхъ и рабовъ, потому что не имѣя ничего, они не были нисколько заинтересованы въ значеніи республики.

Военная служба образовала, такимъ образомъ, родъ особаго достоинства, аристократіи, узаконенной опасностью. Солдаты собственники имѣли слугъ среди рабовъ. Каждый имѣлъ по крайней мѣрѣ одного слугу, чтобы носить его оружіе и съѣстные припасы. Его отправляли въ обозъ во время дѣйствія, когда его господинъ, силы котораго щадили, бросался въ бой. Число слугъ часто было значительно. При битвѣ при Платеѣ каждый солдатъ спартанецъ имѣлъ до семи слугъ (479 г. до Р. Хр.)

Еще недавно пытались воскресить этотъ древній обычай подъ именемъ человѣка-тендера въ добавокъ къ сражающемуся, не замѣчая разницы во времени. Равенство все сгладило и нѣтъ болѣе разницы между сражающимися.

Греческое устройство представляло большую прочность, доказатель-

ство чему дало со времени своей борьбы противъ персовъ.

Дарій I, покоривъ Индію, надвигается на Грецію съ 100.000-мъ войскомъ. Оно разбито при Марафонѣ десятью тысячами Аѳинянъ.

Сынъ его Ксерксъ съ 1,000.000 воиновъ, въ сопровожденіи такого же числа или даже болѣе женщинъ, слугъ и т. д., представляющихъ весь народъ, нападаетъ на Грецію. Его останавливаетъ Леонидъ съ 300 спартанцевъ при Ѳермопилахъ, а флотъ его разбитъ у Саламина. Эта побѣда людей обученныхъ надъ массой маленькихъ, но крѣпкихъ войскъ, надъ толпою вооруженнаго сброда.

Этотъ блестящій періодъ отмѣчаетъ начало упадка. Онъ начался какъ только въ среду избранныхъ людей, составлявшихъ войска, ввели элементы низшаго разбора, по крайней мѣрѣ нравственно.

Греческія республики по словамъ Аристотеля предоставляли право носить оружіе лишь гражданамъ собственикамъ. Остальныя вспомогательныя войска не имѣли никакой дисциплины, были не пригодны.

Когда Дарій—а затѣмъ Ксерксъ напали на Аттику, опасность показалась громадной. Вопреки обычаямъ и предразсудкамъ, Аѳины вооружили своихъ рабовъ.

Лакедемоняне часто вводили Илотовъ въ свои войска во время необычайныхъ кризисовъ. Ихъ было особенно много при первой Мантинейской битвѣ.

Войны съ Персіей, между прочимъ, принуждали высшіе чины во всѣхъ государствахъ набирать народъ, давать ему случаи пріучаться къ войнѣ, а затѣмъ требовать званія гражданъ. Развился демократическій образъ правленія и Аристотель указалъ причины его въ доступѣ къ правленію большого числа лицъ.

Пріемъ рабовъ увеличилъ число сражающихся, уменьшивъ число войскъ. Выдающійся фактъ во время войны и еще больше важный по своимъ послѣдствіямъ. Общая опасность уравниваетъ сражающихся и поэтому было трудно отказать въ свободѣ тѣмъ, кто поддерживалъ государство съ оружіемъ въ рукахъ. Военная служба возвысила, такимъ образомъ низшихъ и въ тоже время вліяніе демократіи.

Когда были набраны многіе изъ народа, они пріобрѣли значеніе и дисциплинировались. Они пріобрѣли вѣру въ себя и, выполнивъ свои обязанности, какъ граждане, требавали званія ихъ и правъ; потомъ,

обратили противъ своихъ угнетателей оружіе, которымъ они ниспорвергли олигархіи.

Это—время величія Аѳинъ и Спарты. Успѣхи Грековъ отозвались въ Азіи. Въ свою очередь они сдѣлались ихъ жертвами. Успѣхи грековъ усилили ихъ гордость, между ними начались раздоры и Пелопонезская война, ужасная гражданская война, разворила Грецію.

Все же военная сила оставалась въ ней. Въ 401 году (до Р. Хр.) послѣ побѣды надъ Киромъ младшимъ въ равнинахъ Кунаксы, отступленіе 10,000 грековъ подъ предводительствомъ Ксенофонта, продолжавшееся восемь мѣсяцевъ, указываетъ на высокое состояніе войска у Грековъ.

Эта оцѣнка подтверждается нѣсколько лѣтъ спустя могущественнымъ значеніемъ Ѳиванцевъ и побѣдой Эпаминонда при Левктрахъ.

Затѣмъ Греція, истощенная столькими внутренними войнами и во власти риторовъ, замѣнившихъ дѣло словомъ, теряетъ свое первенствующее значеніе и подпадаетъ подъ иго Филиппа Македонскаго. Этотъ царь, какъ отецъ Фридриха II Прусскаго, долго набиралъ хорошее войско и заботливо обучалъ его. Благодаря катафрактамъ (конница въ желѣзной бронѣ) и фалангѣ, онъ создалъ изъ него силу, достойную удивленія по качеству, хотя и малочисленную.

У него было только 30,000 чел., а греки, признававшіе его генералиссимусомъ, располагали въ разныхъ контигентахъ 200.000 пѣхоты, и 15,000 кавалеріи. Какой примѣръ!

Сынъ его Александръ Великій отправляется во главѣ этого избраннаго войска (въ 336 до Р. Хр.) и покоряетъ Азію, Египетъ, затѣмъ доходитъ до Индіи. Съ 30,000 пѣхоты и 4.500 кавалеріи онъ побѣждаетъ 600.000 Персидскую армію. Маленькое войско, хорошо набранное, хорошо организованное легко побѣждаетъ многочисленную толпу. Это замѣчаніе, уже сдѣланное раньше, часто еще будетъ повторяться.

VI.

Рекрутчина въ Римѣ.

Во время этихъ событій въ Азіи, въ Италіи укрѣплялась македонская колонія, бѣжавшая отъ осады Трои. Сначала разбойники, Римляне быстро организовали военныя учрежденія, взявъ въ основу тѣ, которыя были еще въ Греціи.

Всякій гражданинъ обязанъ былъ военной службой, лишь только его

призывали. Онъ самъ заботился о своемъ вооруженіи и продовольствіи, а послѣ войны возвращался къ своему полю.

При каждой пятилѣтней переписи всякій былъ обязанъ заявлять цензору, выполнилъ-ли онъ число кампаній, требуемыхъ закономъ, соотвѣтственно его возрасту.

Римляне не различали тогда штатскихъ и военныхъ. Каждый былъ тогда собственникомъ и при нуждѣ воиномъ; шелъ на непріятеля въ случаѣ опасности, потомъ, по окончаніи войны, возвращался къ своему очагу, гдѣ опять принимался за полевыя работы.

По постановленіямъ Ромула, каждый обязанъ былъ службой въ возрастѣ отъ 17—46 лѣтъ. Служба лишь изрѣдка состояла въ упражненіяхъ на Марсовомъ полѣ, но надо было совершить 13 кампаній, чтобы быть свободнымъ.

Сервій Туллій раздѣлилъ населеніе на шесть классовъ. Послѣдній, самый многочисленный, состоящій изъ бѣдняковъ, былъ освобожденъ отъ военной службы. Онъ (Серв. Тул.) принималъ въ войско лишь собственниковъ, уплачивающихъ подать. Такимъ образомъ богачи тѣмъ чаще ходили на войну, чѣмъ они были богаче. Тяжесть ложилась всецѣло на нихъ, а бѣдняки не несли ничего — ни подати денежной, ни дани крови. Это кажущееся неравенство имѣло свою хорошую сторону въ справедливомъ распредѣленіи повинностей.

„Наличный составъ войскъ не былъ чрезмѣрнымъ, такъ какъ обращали вниманіе на то, чтобы брать въ милицію только людей довольно состоятельныхъ, чтобы они были заинтересованы въ охранѣ города“. (Монтескье).

Какъ и въ Греціи, собственность въ Римѣ была основой рекрутчины. Надо было имѣть средства, чтобы содержать себя во время войны и слугъ для полевыхъ работъ, въ отсутствіи хозяина, потому что всѣ принадлежали къ землепашцамъ.

Бѣдные, не удовлетворявшіе этимъ условіямъ, были освобождены или исключены. Эта принудительная мѣра, въ дѣйствительности, была политической мудростью. Неисполненіе службы закрывало имъ доступъ ко всякимъ должностямъ, исполненіе которыхъ было открыто лишь для тѣхъ, кто выполнилъ воинскій долгъ. Вслѣдствіе этого военная служба и власть ввѣрялась только знати, самымъ благоразумнымъ, тѣмъ, кто былъ заинтересованъ въ сохраненіи республики и исключали оттуда са-

мыхъ неугомонныхъ.

Свобода, столь чтимая въ Римѣ въ первую эпоху, обнимала гражданина, иначе говоря собственника. Кто не былъ свободенъ—не могъ быть принятъ въ качествѣ воина. Это основной принципъ римской рекрутчины, какъ и греческой. Честь служить и возможность служить—составляли нераздѣльное цѣлое. Званія гражданина и собственника одни давали право носить оружіе.

Въ теченіе долгаго времени Римляне привязались къ этой рекрутчинѣ избранныхъ. Они набирали только людей порядка, главъ семействъ, однимъ словомъ, знать и эти условія обезпечивали хорошую дисциплину и превосходство надъ врагами.

Составленный изъ избранниковъ населенія легіонъ не принималъ ни иностранца, ни отпущенника, ни пролетарія (Дюрюи. Римская исторія т. VII). Преступники, несостоятельные должники, люди низкихъ ремеслъ: содержатели питейныхъ домовъ, повара, шуты и т. д. не принимались въ войска. Военная служба считалась честью, а не тяготой. Изъ нея удаляли всѣхъ, кто не былъ заинтересованъ въ существованіи республики, или не былъ достоинъ уваженія.

Тѣмъ не менѣе были нѣкоторыя исключенія, допускавшія полуслужбу. Отпущенники могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступать въ легіоны. Они не занимали тамъ такого положенія, какъ граждане и не получали никакого повышенія въ чинахъ.

Всякій свободный, человѣкъ гражданинъ, собственникъ представлялъ борда и былъ записанъ въ рекрутскихъ листахъ. Число ихъ было значительно въ сравненіи со степенью нужды. Между классами была очередь и въ каждомъ классѣ производился выборъ.

Въ случаѣ войны люди собирались на Марсовомъ полѣ по призыву декуріоновъ и консулы набирали войско по извѣстнымъ установленнымъ правиламъ. Они выбирали послѣдовательно тѣхъ, кто казался имъ болѣе надежнымъ, болѣе способнымъ переносить тягости войны. Законъ назначалъ классы, а выборъ въ нихъ дѣлали должностныя лица. Рекрутскій наборъ, такимъ образомъ, производился двумя способами, обезпечивавшими одновременно справедливость и достоинство.

Властная система Римлянъ допускала средства, которыя наши нынѣшнія идеи, слишкомъ независимыя, упорно отвергаютъ. Они

смягчали то, что по принципу было очень сурово, они облегчали походъ, уменьшали тяжесть его. Законъ былъ всеобщій и служба обязательна для всѣхъ. Существовали, впрочемъ, нѣкоторыя изъятія, потому что послѣ осады Рима Галлами, диктаторъ Камиллъ, призывая къ оружію всѣхъ гражданъ, отказался признать какія либо исключенія.

Сила римскихъ войскъ была въ несравненной пѣхотѣ. Кавалерія играла лишь вспомогательную роль. Ее набирали въ Римѣ среди владѣльцевъ лошадей въ небольшомъ количествѣ и увеличивали союзниками. Всадники, обязанные кормить своихъ лошадей, принадлежали слѣдовательно къ самымъ состоятельнымъ классамъ. Мало по мало имъ были дарованы привилегіи и они составили классъ римскихъ всадниковъ или конницу, промежуточный классъ между патриціями и гражданами.

Когда война, совершаясь быстро, сводилась къ кратковременному дѣйствію, обязательность военной службы представлялась легкой и выполнялась безпрекословно. Но если кампанія затягивалась, миссія становилась тяжкой для призываемыхъ, обязанныхъ содержать себя на свой счетъ. Республика ничего не давала на содержаніе. Служба была въ одно и тоже время мучительна, опасна, особенно тягостна и легіонеры жаловались.

Увеличеніе продолжительности войны привело къ серьезному нарушенію военной организаціи. Было установлено жалованье (solde) и свободный воинъ сталъ солдатомъ (soldat).

До этого времени война ограничивалась нѣсколькими кратковременными вторженіями въ непріятельскую страну и нѣсколькими битвами. Кампанія въ 20—30 дней истощала средства, принесенныя воиномъ и надо было торопиться съ возвращеніемъ его домой.

Это средство, конечно, экономное для государства, часто примѣнялось и послѣ того и неудобства представлялись еще съ большой силой, порождая роковымъ образомъ, какъ и прежде, мародерство и грабежъ.

Чтобы избѣжать этого неудобства для дисциплины и имѣть довольно времени для окончанія начатыхъ предпріятій, надо было прибѣгнуть къ общественной казнѣ, что бы обезпечить содержаніе войскъ.

Осада Веи, грозившая затянуться надолго, заставила сенатъ назначить жалованье осаждавшимъ городъ

войскамъ, каторыя хотѣли поддержать, чтобы дать имъ возможность доставать необходимые припасы. Эта мѣра принятая относительно пѣхотинцевъ, (въ 347 году до р. Хр.), три года спустя распространилась и на конницу. Эти, болѣе состоятельные, могли содержать себя долѣе, но осада все продолжалась и, такъ какъ средства ихъ истощались, то и имъ было назначено жалованье. (Титъ Ливій книга 4 глава 59).

Войска на жалованьи во время войны представляли родъ революціи въ настоящее время, а особенно въ будущемъ. Люди недальновидные видѣли только фактъ и радовались ему. Сражающіеся, большею частью задолжавшіе вслѣдствіе заключенныхъ займовъ ради службы, были въ восторгѣ отъ этого облегченія. Они выразили большую благодарность сенату и обѣщали нещадить крови за свою страну.

Минутный энтузіазмъ не могъ длиться. Обманчивы хвалы мѣрѣ, которая должна была роковымъ образомъ измѣнить условія военной службы и затронуть и гражданскія учрежденія республики. Народные трибуны противились голосованію жалованья. Они указывали на возможныя и вѣроятныя неудобства. Они видѣли правильно и говорили мужественно; но ихъ не послушали.

Общественнымъ мнѣніемъ овладѣла тогда мысль продолжать великія дѣла безпрерывно. Войско призываемое на короткое время благодаря жалованью становилось какъ бы постояннымъ. Войска содержимыя на общественный счетъ, занятыя упражненіями и всегда готовыя къ походу, составили естественно большую силу. Оно будетъ очень полезно странѣ и покоритъ міръ до тѣхъ поръ пока бунтовщики искажая учрежденіе, не воспользуются имъ, чтобы угнетать отчизну.

Войска на жалованьи въ IV вѣкѣ до Р. Хр. это значительное измѣненіе въ первоначальной рекрутчинѣ Римлянъ и составляютъ замѣчательное событіе.

Обширность римской территоріи, необходимость содержать на готовѣ большія боевыя силы и посылать ихъ далеко, заставляли большую часть гражданъ жить въ лагеряхъ, внѣ дома и слѣдовательно пренебрегать собственностью и семьей. Сельско-хозяйственная культура отъ этого очень страдала. Отсюда является необходимость пользоваться гражданами въ небольшомъ количествѣ и чтобы увеличить войска республики слѣлали призывъ иностранцевъ.

Консульское войско состоявшее изъ 2-хъ легіоновъ, или 13000 челов. обыкновенно усиливалось 2-мя легіонами союзниковъ, взятыхъ у сосѣднихъ подвластныхъ народовъ. Римляне держали ихъ возлѣ себя но не въ своихъ рядахъ, граница рѣзко обнаруживалась. Это конечно, не были національныя войска, но благодаря однородной организаціи они обыкновенно стоили ихъ.

Все же это былъ печальный, особенно по своимъ послѣдствіямъ, обычай. Онъ мало по малу провелъ у иностранцевъ высшее обученіе войскъ римлянъ и позже сдѣлалъ изъ нихъ страшныхъ враговъ.

Не смотря на это нарушеніе принципа, войско было сама нація, временно оторванная оть своихъ обычныхъ занятій. Каждый подвергался опасности, движимый личной выгодой охраны, которая смѣшивалась съ общественнымъ интересомъ республики. Въ эпоху Пуническихъ войнъ римскія силы казалось не имѣли равныхъ себѣ. Горячая страсть къ побѣдамъ и славѣ, извѣстная простота нравовъ, привычка владѣть оружіемъ, строгая дисциплина, очень высоко подняли этотъ воинственный народъ и позволили ему избѣгнуть самыхъ большихъ опасностей, даже когда появился Ганнибалъ.

Этотъ великій человѣкъ привелъ войско исключительно составленное изъ корыстолюбцевъ наемниковъ. Торговый Карѳагенъ вовсе не имѣлъ войскъ и доставалъ ихъ себѣ за деньги. Тамъ можно было видѣть Африканцевъ, Ливійцевъ, Нумидійцевъ, Балеаровъ, Иберійцевъ, Грековъ, Галловъ. Любовь къ родинѣ не руководила ими у нихъ ее не было вовсе Лишь выгода воодушевляла ихъ и часто приводила къ бунту. Тѣмъ не менѣе, и этотъ фактъ слѣдуетъ отмѣтить,—это сборище людей, содержимыхъ на жалованьи, но подъ предводительствомъ искуснаго и строгаго начальника, совершало великіе подвиги перешло изъ Испаніи въ Италію, побѣдило Римлянъ, стояло лагеремъ подъ стѣнами ихъ столицы и чуть не разрушило ее. Сила латинскихъ учрежденій смогла отвратить эту опасность. Національныя войска одержали окончательную побѣду надъ наемными и разрушили Карѳаген.

Въ своемъ пораженіи онъ нанесъ злополучный ударъ Риму. Онъ ввелъ тамъ гибельный принципъ, столь распространенный въ немъ (въ Карѳагенѣ). Наборъ при помощи денегъ есть уменьшеніе достоинства рекрутчины. Развитіе этихъ поро-

ковъ привело сначала къ гибели войско, а затѣмъ Римъ.

Принятіе въ войско рабовъ было вызвано повторяющимися пораженіями. Какъ-бы ни было плохо это средство, надо было прибѣгнуть къ нему что-бы помѣшать гибели государства. Сила обстоятельствъ заставила прибѣгнуть къ нему. Послѣ пораженія при Каннахъ (216 г. до Р Хр.), происшедшаго послѣ многихъ другихъ, Римляне призвали всѣхъ оставшихся способныхъ гражданъ и въ своей бѣдѣ поколебали свои принципы рекрутчины. Какъ это сдѣлали и греки, они открыли ряды своихъ легіоновъ для рабовъ.

Эта перемѣна была началомъ общественной эмансипаціи. Консулъ Семпроній (Sempronius) обѣщалъ свободу тому, кто принесетъ вражескую голову послѣ побѣды. Война избавляла отъ рабства, оружіе облагораживало человѣка униженнаго. Недостаточно отмѣтили важность этого принципа, примѣненнаго тогда; онъ много разъ потомъ повторится во Франціи до полнаго его торжества, даже чрезмѣрнаго.

Вооруженіе рабовъ, повторенное нѣсколько разъ нанесло гибельный ударъ римскимъ войскамъ. Освобожденіе дарованное, отказанное, оспариваемое застало толпу неподготовленной къ этой перемѣнѣ. Нельзя было непосредственно сдѣлать свободныхъ людей изъ находящихся долго въ рабствѣ и которые по выраженію Флора (Florus) составляли другую породу людей. „*Почти второй родъ людской*“. „Quasi secundum hominum genus sunt“ (Книга III глава XX).

Переходъ былъ очень рѣзкій и, какъ въ нашихъ колоніяхъ въ 1789 году, привелъ къ большимъ бѣдамъ. Мало по малу люди, незаинтересованные матеріально въ защитѣ страны заняли мѣсто прежнихъ владѣльцевъ земли, класса консервативнаго, свободнаго и республиканскаго. ослабленіе если не полное исчезновеніе этого надежнаго и устойчиваго элемента позволило голоднымъ взбунтовать страну, обезсилить ее гражданской войной ниспровергнуть законы и водворить тамъ владыку.

Общественная война 91 года (до Р. Хр) привела къ гражданской войнѣ 88 года. Бунтовщики ввели въ войско всевозможнаго сорта людей, чтобы увеличить своихъ приверженцевъ и награждали ихъ, чтобы удержать ихъ въ вѣрности. Сулла раздалъ земли своимъ старымъ солдатамъ и показалъ что война можетъ привести къ богатству.

Войско римское клонилось къ упадку, какъ и республиканскія добродѣтели. Возмущенія рабовъ, руководимыя преступившими сословныя преграды, возобновлялись часто. Возмущеніе Спартака было еще ужаснѣе. Во главѣ 120000 людей онъ угрожалъ Риму (въ 71).

Къ такому великому злу присоединилось еще болѣе серьезное. Уничтоженіе сословныхъ преградъ понизило войско, порча нравовъ докончила его. Деньги, раздаваемыя главами партій, чтобы привязать ихъ къ себѣ, проникли въ легіоны. Въ это самое время покореніе Азіи предало Римское войско всѣмъ соблазнамъ восточныхъ странъ.

„Роскошь, тщеславіе и изнѣженность, которыя ни въ какомъ вѣкѣ не покидали азіатскіе дворы, особенно царили при Сирійскомъ дворѣ. Зло перешло къ народу и солдатамъ и стало заразительно для самихъ Римлянъ, потому что война, которую они вели противъ Антіоха есть настоящая эпоха порчи“, (Монтескье, глава V).

Разрушительное дѣйствіе жаркаго климата—гибель войскъ. Онъ разомъ дѣйствуетъ и на физическую и на нравственную сторону. Онъ изнѣживаетъ какъ тѣло такъ и характеръ и ослабляетъ личности. Климатическія вліянія и соблазны востока произвели разслабляющее дѣйствіе на римскія войска. „Сулла въ своей азіатской экспедиціи погубилъ всю военную дисциплину; онъ пріучилъ свое войско къ грабежу и у него появились потребности, какихъ никогда не было, Онъ испортилъ солдатъ, которые впослѣдствіи должны были испортить начальниковъ“. (Монтескье, глава XI). Исчезла суровость, составлявшая силу легіоновъ; жажда благосостоянія охватила римское войско при Лукуллѣ. Можно сказать, что съ этого времени не стало болѣе солдатъ, а остались военные предприниматели идущіе не на завоеваніе страны, а за добычей. Позже стало еще хуже.

Нравы востока совсѣмъ измѣнили римскіе. Дѣйствіе арміи на народъ и воздѣйствіе его на легіоны.

Послѣ покоренія Сиріи, Помпей даровалъ каждому изъ своихъ пѣхотинцевъ по 1500 драхмъ, покупая, такимъ образомъ, сторонниковъ солдатъ, на счетъ республики.

Чувство славы стирается въ общественныхъ смутахъ, чтобы уступить мѣсто личному тщеславію и золоту. Старая, честная и нравственная армія не существуетъ болѣе. Существуетъ только грубая

сила, покупаемая за деньги. Это положеніе сдѣлало возможнымъ диктатуры, изгнанія, гражданскія усобицы. Порча войска породила Суллу, Марія, Помпея, Цезаря, наконецъ, который на нѣсколько лѣтъ привелъ къ побѣдѣ, возстановивъ на время дисциплину войскъ.

Во время галльской войны, онъ держалъ легіоны въ повиновеніи и достигъ огромныхъ результатовъ... Комплектованіе ихъ не было тогда плохо. Онъ набралъ ихъ тогда большею частью въ Сѣверной Италіи, по старому способу. Живя вдали отъ Рима, они не прониклись еще дурными нравами. Цезарь увлекъ ихъ своими успѣхами, вознаградилъ ихъ богатой добычей и фанатизировалъ своею щедростью.

Послѣ первой-же компаніи въ Галлію (57 г. до Р. Хр.) энтузіазмъ Римлянъ дошелъ до высшей степени. Цезарю продлили срокъ проконсульства въ Галліи еще на 5 лѣтъ. Его уполномочили набрать столько войскъ, сколько заблагоразсудится, требовать отъ королей и союзныхъ народовъ столько денегъ и помощи, сколько онъ сочтетъ нужнымъ. Съ этихъ поръ онъ могъ располагать всѣмъ и широко воспользовался этимъ.

Онъ обогатилъ своихъ офицеровъ и солдатъ, которые не принадлежали болѣе своей отчизнѣ, какъ замѣчаетъ это Монтескье: „Римлянинъ, проводя жизнь въ лагеряхъ, не возвращался никогда къ своему маленькому полю; большая часть не имѣла даже другихъ домашнихъ боговъ, кромѣ орловъ легіоновъ“.

Продленіе войны и злоупотребленіе вознагражденіемъ измѣнили рекрутчину. Одни и тѣже люди оставались подъ ружьемъ, подкрѣпляемые безпрестанно итальянскими рекрутами, пополняющими убыль. Прежніе составляли главную силу войска. Такимъ образомъ создался новый родъ людей, солдаты по профессіи, люди, единственнымъ ремесломъ которыхъ была война.

Легіоны, съ давнихъ поръ постоянные, смѣшивались съ нѣкоторымъ числомъ иностранцевъ. Принципъ пользованія людьми завоеванныхъ странъ, путемъ набора ихъ, примѣнялся отчасти Цезаремъ. Онъ создалъ въ Галліи туземный легіонъ, называемый Алуда, (l'Alauda) (жаворонокъ), состоявшій только изъ галловъ. Это было, быть можетъ, немного преждевременно во время побѣды и при шаткомъ положеніи римскаго правительства. Этому примѣру послѣдовали въ наше время всѣ европейскіе народы въ своихъ колоніяхъ.

Благодаря своей щедрости, Цезарь развилъ институтъ ветерановъ, солдатъ, издавна преданныхъ его особѣ. Этотъ кадръ солдатъ, опытныхъ и всегда участвующихъ въ кампаніи, былъ ему особенно дорогъ. Съ малыми, прекрасными войсками, подчинивъ Галлію, онъ покорилъ Римъ и восторжествовалъ надъ Помпеемъ при Фарсалѣ въ Египтѣ, въ Африкѣ. Въ награду онъ раздалъ своимъ ветеранамъ земли и деньги.

Правильной рекрутчины не существовало болѣе. Ее замѣнило добровольное поступленіе. „Въ послѣднія вѣка республики, пишетъ Дюрюи, видишь солдатъ Марія, Суллы, Помпея, Цезаря. Не видишь болѣе римскаго войска“ (*Римская исторія*, т. VII).

Оно, дѣйствительно, перестало существовать. Счастливый подражатель Катилины, овладѣвъ властью, замѣнилъ республику имперіей, гражданъ обративъ въ подданныхъ, легіонеровъ—въ преторіянцевъ. Все принадлежало Цезарю. Войско, какъ и все остальное, было его. Упадокъ, начавшійся въ войскахъ, быстро завершился.

Римская армія стала постоянной со времени устройства имперіи. Довольно плохо рекрутируемая и находящаяся вдали, она завидовала преторіанской гвардіи, находившейся въ Римѣ и охранявшей государя. Продолжительный миръ уничтожилъ источникъ добычи. Солдаты, руководимые только выгодой, жаловались на свою судьбу. Они вспоминали обильныя раздачи земель во время гражданскихъ войнъ. Они открыто протестовали противъ уничтоженія и замѣны ихъ вознагражденія денежнымъ, при отставкѣ отъ службы.

Они дошли до такой дерзости, что сами назначали себѣ вознагражденіе. Августъ уступилъ и обѣщалъ болѣе значительныя суммы: 12,000 систерцій легіонерамъ, послѣ 20 лѣтней службы и 20,000—преторіанцамъ, за 16-лѣтнюю. Надо было особенно заботиться объ этихъ послѣднихъ, которымъ предоставляли такое вліяніе, что оно не замедлило обратиться въ господство.

Не было больше рекрутовъ, набираемыхъ на основаніи принципа владѣнія. Наборъ на премію ввелъ въ войска, всѣхъ вышедшихъ изъ сословій, и, мало-по-малу, давалъ ходъ интриганамъ и буйнымъ въ преторіанцы. Расходъ увеличился до громадныхъ размѣровъ.

Имперія содержала 10 преторіанскихъ когортъ, или 10.000 чел. для императорской гвардіи, потомъ

25 легіоновъ, доходящихъ до 150000 ч. и почти такое-же количество вспомогательныхъ войскъ оплачиваемыхъ наемниковъ.

Августъ устроилъ особую частную казну, чтобы обезпечить выплату жалованья, подарковъ и наградъ ветеранамъ. Естественно, онъ создалъ новый спеціальный налогъ для содержанія этой казны.

Военныя учрежденія, казалось, существовали, но недоставало основы. Постоянныя измѣненія въ наборѣ влекли за собой роковыя перемѣны общественнаго устройства. Императоръ олицетворялъ отечество: мало-по-малу о немъ, (отечествѣ) болѣе и не заботились. Несостоятельные граждане, рабы, иностранцы составляли войска. Это было римское войско только по имени.

Такъ подготовлялись разочарованія, которыя должны были постигнуть легіоны, прежде столь храбрые, о которыхъ оставалось лишь воспоминаніе.

Странно видѣть такого монарха, какъ Августъ, совершенно заблуждающагося насчетъ набора силъ, призванныхъ поддерживать его и его имперію. По Діону Кассію, онъ держалъ совѣтъ съ Агриппой и Меценой насчетъ военной организаціи. Проэктъ Мецены былъ таковъ: „весь народъ надо раздѣлить на 2 класса: одинъ изъ недостойныхъ и крѣпкихъ людей исключительно предназначенъ для военной профессіи; другой, не военный, составленный изъ людей богатыхъ, ремесленниковъ и слабыхъ, будетъ сѣять, собирать жатву, будетъ жить спокойно и содержать военную часть населенія. Этимъ способомъ въ одно и то-же время будутъ кормить толпу людей безпокойныхъ, буйныхъ, которые производили-бы въ имперіи безпорядокъ и жили бы тамъ грабежомъ. Масса народа мирнаго и счатсливаго будетъ нести лишь общую и постоянную дань на жалованье и содержаніе своихъ защитниковъ“.

Какой упадокъ со времени Сервія Туллія! Какой позоръ—этотъ проектъ рекрутчины! Онъ показываетъ до какого паденія дошелъ уже Римъ.

Августъ принялъ проэктъ Мецены.

Онъ принималъ въ легіоны лишь негодяевъ; а чтобы располагать ими, платилъ имъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы удалить богачей отъ военнаго ремесла и убить охоту къ нему. Подъ предлогомъ предоставить ихъ дѣламъ и удовольствіямъ, онъ ихъ удалилъ отъ военной службы,—вѣрное средство лишить ихъ вліянія и подчинить ихъ.

Онъ усилилъ начавшееся уже отдѣленіе военнаго класса, отличавшагося отъ населенія, которое оставалось чуждымъ защитѣ государства и ограничивалось платежомъ подати для содержанія войскъ.

Въ то время это было недѣло. Никогда Римъ не чувствовалъ большей нужды въ защитникахъ серьезныхъ и честныхъ. Ихъ удаляли чтобы прибѣгнуть къ людямъ буйнымъ и порочнымъ. Августъ поддерживалъ добровольныя поступленія на военную службу среди свободныхъ людей, не имѣющихъ средствъ къ жизни и среди рабовъ. Однимъ онъ предлагалъ деньги и земли во время отставки, другимъ обѣщалъ свободу; всѣхъ соблазнялъ непосредственной денежной преміей.

Къ этому, уже очень плохому контингенту, онъ присоединилъ союзниковъ, колонистовъ, иностранцевъ и даже варваровъ.

Среди статей, циркулирующихъ въ настоящее время у насъ, во Франціи, сколько есть внушенныхъ духомъ Мецены... Предлагаютъ теперь, какъ и тогда, уменьшеніе, если не отмѣну, обязательной службы, вербовки съ преміями, ветерановъ. Малая разница, а между тѣмъ наше политическое и соціальное положеніе, безъ сомнѣнія, лучше. Спрашивается; почему мы увлекаемся этими, мало нравственными способами, которые привели къ полному разрушенію римской имперіи и которые очень скоро привели-бы и къ нашей гибели, если бы были приняты.

Послѣдствія этого способа набора быстро обнаружились въ Римѣ. Легіоны, составленные изъ бродягъ и иностранцевъ, не имѣли національности. Деньги замѣняли имъ патріотизмъ. Злоупотребленія стали такъ велики, что не могли быть уничтожены.

Септимій Северъ попытался сдѣлать это. Онъ обновилъ преторіанскія когорты солдатами, выбранными въ легіонахъ. Эта гвардія, обыкновенно, изъ 12,000 человѣкъ была доведена до 40.000. Онъ увеличилъ, такимъ образомъ, число профессіонально испорченыхъ воиновъ, дающихъ примѣръ отсутствія дициплины, одинаково готовыхъ выбрать или задавить императора, живя иногда войною и всегда—щедротами, продавая тронъ за деньги. Онъ увеличилъ количество, но не качество и паденіе продолжалось быстро.

Чтобы увеличить неуваженіе къ военному дѣлу и польстить толпѣ императоръ Галліенъ (въ 268) воспретилъ сенаторамъ командованіе

войсками. Они, конечно, обратились къ гражданской дѣятельности. Тогда увидѣли безпримѣрное нововведеніе: законное разложеніе единой власти и раздѣленіе ея между двумя категоріями: гражданской и военной.

Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный римскимъ войскамъ сверху, когда уже столько причинъ разстраивали ихъ снизу. Конецъ имперіи былъ близокъ. Она разстраивала свои силы, а варвары наступали.

VII.

Нашествіе варваровъ.

Сѣверо-восточные народы бросаются на римскую имперію. Они наводняютъ Европу, какъ потокъ, съ центральнаго азіатскаго плоскогорія, внося грабежъ, разрушеніе, безпорядокъ. Все испытываетъ на себѣ ихъ смѣлую, безсознательную силу. Какъ у первыхъ народовъ Востока, у нихъ нѣтъ никакой организаціи. Они составляютъ орды, толкающіе тѣхъ, кто ихъ опережаетъ и сталкиваемые тѣми, кто слѣдуетъ за ними.

Чудовищные и голодные выходцы, они нисколько не похожи на войска. Жены и дѣти сопровождаютъ воиновъ. Это снова кочующіе народы, ищущіе болѣе мягкаго климата, болѣе плодородныхъ земель.

Въ отличіе отъ израильскаго народа, простого сборища ремесленниковъ, или отъ толпы персовъ и мидянъ, состоявшей изъ изнѣженныхъ рабовъ, эта толпа сѣверныхъ дикарей состояла изъ воиновъ, не знавшихъ ничего, кромѣ охоты—для добыванія средствъ существованія, и войны—для пріобрѣтенія земель для населенія. Ихъ суровое существованіе въ хижинахъ и преслѣдованіе животныхъ въ лѣсахъ, выработали въ нихъ чрезвычайную грубость и привычку играть опасностью.

Нужда заставляла ихъ биться. Они бьются ожесточенно и умираютъ мужественно. У нихъ нѣтъ никакого принципа военной организаціи. Всѣ безъ исключенія мужчины воины. Они соглашаются говорить публично съ своими дѣтьми, лишь когда тѣ будутъ въ состояніи владѣть оружіемъ. Во время опасности всѣ принимаютъ участіе въ борьбѣ. Даже женщины имъ помогаютъ.

Будучи кочевниками, они дорожили лишь своими стадами. Охота была ихъ постояннымъ занятіемъ а иногда война. Собираясь родами, племенами, иногда цѣлымъ народомъ, они признавали различныхъ степеней начальниковъ, которымъ

подчинялись во время битвъ. Старики, особенно храбрые, имѣли полную власть надъ своими родами, какъ это мы видимъ еще и теперь у независимыхъ арабовъ Юга. Они шли по знаку своихъ вождей.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ вооруженныхъ нашествій было нашествіе Атиллы въ 451 г. Онъ явился опустошить Галлію, во главѣ 20 народовъ или племенъ: гунновъ, сарматовъ, татаръ, аллановъ и т. д. Орды эти, всѣ вмѣстѣ, составляли отъ 500.000 до 700.000 человѣкъ. Все это двигалось въ безпорядкѣ, при полномъ отсутствіи организаціи. Это былъ дикій кортежъ, огромная толпа безъ большой силы. Мужество, личная борьба—составляли единственные элементы войны. Толпа бросалась безъ всякой солидарности. Ее, въ сущности, легко было отбить остаткамъ римскихъ легіоновъ и войскамъ франковъ.

Франки проникли небольшими партіями въ сѣверовосточную Галлію. Они сначала дѣлали набѣги и грабежомъ добывали средства существованія. Мало, по, малу, они прикрѣпились къ землѣ и устроились тамъ, занимаясь земледѣліемъ. Они покорили земли и обратили жителей въ рабство.

Хотя побѣдители и находились подъ вліяніемъ галло-римской цивилизаціи, но они не измѣнили свои традиціи и обычаи въ дѣлѣ рекрутчины. Ихъ прибытіе измѣнило лишь одно въ положеніи галло-римлянъ. Они потеряли въ большей части право владѣнія землей и, въ тоже время, право носить оружіе.

Побѣдители сохранили тотъ родъ военной службы, который помогъ имъ побѣдить. У нихъ военная служба была слѣдствіемъ владѣнія ихъ землями. Вновь появляется прежняя доктрина грековъ и римлянъ, въ примитивныхъ обществахъ, впрочемъ, соотвѣтствующая нуждѣ. Владѣлецъ самъ обязанъ защищать свою собственность.

Такимъ образомъ, устанавливается два различныхъ класса: народъ, побѣжденный, рабъ, привязанный къ землѣ и обрабатывающій ее, и народъ - побѣдитель, собственникъ, всегда вооруженный. Воинъ и рабъ. Галлы работали; франки одни несли военную службу.

Хлодвигъ, укрѣпивъ свое владычество, установилъ извѣстный порядокъ. Онъ раздѣлилъ и подраздѣлилъ завоеванныя земли между своими товарищами, подъ условіемъ идти на войну, какъ только ихъ потребуютъ. Нѣкоторое число галло-римлянъ было принято въ это

подраздѣленіе и они пріобрѣли, такимъ образомъ, право участвовать въ войскахъ.

Это было примѣненіе рекрутчины, основанной на владѣніи землей. Земля доставляла необходимыя средства, чтобы удовлетворять потребностямъ военной службы, и создавала для собственника необходимость защищать ее отъ алчныхъ желаній. Франки, довольные своей судьбой, знали въ своихъ общественныхъ учрежденіяхъ лишь военныя формы. Начальники творили судъ съ мечемъ на боку. Щитъ указывалъ мѣсто засѣданій этого судилища.

Всякій свободный человѣкъ шелъ на войну по требованію своего начальника или сеньора, подъ знаменемъ котораго онъ слѣдовалъ и приказанія котораго исполнялъ.

Военные всѣ содержались на свой счетъ. Они обыкновенно жили на землѣ, которую грабили за недостаткомъ правильныхъ поставокъ продуктовъ.

Это положеніе, безъ писаннаго военнаго закона, существовало долго, среди затрудненій и злоупотребленій всякаго рода. Начальники округовъ, провинцій и королевствъ одно время окруженные многочисленными войсками, видѣли, какъ ихъ покидали нѣсколько дней спустя. Когда страна была пуста, когда недоставало средствъ, воины просились вернуться къ себѣ и часто дѣлали это безъ дозволенія. Тогда заключали миръ или война заканчивалась, за недостаткомъ воиновъ.

VIII.

Рекрутчина феодальная

— Карлъ Великій попытался сдѣлать общественныя и военныя преобразованія, которыя были необходимы въ силу новыхъ обычаевъ. Раздѣленіе страны на герцогства, графства и владѣльческія земли предоставило титулованнымъ лицамъ почти всю власть. Имъ принадлежали земли и люди. Они дѣлали наборъ изъ всѣхъ собственниковъ и свободныхъ людей. Они, кромѣ того, налагали на всю область содержаніе и прокормленіе военныхъ во время кампаніи, продолжавшейся хотя бы около 3-хъ мѣсяцевъ.

Водворяя порядокъ и администрацію, Карлъ Великій снова принялъ римское начало рекрутчины. Число призываемыхъ было основано на размѣрѣ собственности, а не на численности населенія. Одинъ только собственникъ можетъ быть солдатомъ, такъ какъ ему выгодно защи-

щать и у него есть средства придти на помощь даровой службой. Рабъ, крѣпостной, даже освобожденный, не владѣя ничѣмъ, не обязаны ничего давать ни фиску, ни войску.

Дошедшія до насъ капитуляріи указываютъ способы рекрутированія. Военная служба даровая. Солдатъ на свой счетъ добываетъ себѣ оружіе и припасы. Служба обязательно пѣхотная для владѣющаго пространствомъ земли, которое могутъ обработать въ 4 дня однѣ рабочія руки, конная для владѣльца земли, требующей обработки 12 дней.

Укого было 4 участка былъ обязанъ идти на войну; у кого было только 3 присоединялся къ тому свободному, у котораго былъ лишь одинъ; этотъ платилъ 1/4 и оставался дома. Такимъ же образомъ соединяли двухъ свободныхъ людей, изъ которыхъ каждый имѣлъ по 2 участка; тотъ изъ двухъ, который шелъ, получалъ половину отъ того, кто оставался. (Монтескье, книга 30, глава 13).

Система ложилась бременемъ на богача. Ничего не спрашивали съ бѣднякa; онъ оставался на [землѣ, занимаясь ея обработкой. Онъ былъ внѣ опасности идти на войну. Только богачъ подвергался этой опасности и это было справедливость, привиллегія, честь, долгъ, какъ хотите, прославляемыя страданіемъ, опасностью, самопожертвованіемъ.

Составъ войска требовалъ тогда этого измѣненія. Франки, какъ и Германцы, какъ всѣ первобытные народы, имѣли только пѣхоту. Очень немногочисленная конница составляла свиту начальника.

Со времени паденія Римской Имперіи, численность конницы увеличивается до такой степени, что она почти совсѣмъ затираетъ пѣхоту.

Азіаты, Татары, Мусульмане въ своихъ обширныхъ побѣдахъ, хлопотали о конницѣ, могущей быстро переходить большія пространства. Такъ дѣйствуютъ послѣдователи Магомета, овладѣвая Африкой и частью Европы, до битвы при Пуатье, когда ихъ останавливаетъ Карлъ Мартелъ. Также Китай, опустошаемый постоянными набѣгами Татаръ, призываетъ къ себѣ на помощь Монголовъ. Ихъ орды, называемыя сотнями, подъ начальствомъ Чингисъ-Хана, освобождаютъ его, но становятся властителями ихъ страны.

Обычай сраженія на лошади все болѣе и болѣе развивается. При

Карлѣ Великомъ, конница взяла замѣтный перевѣсъ надъ пѣхотой, которая мало по малу почти совсѣмъ исчезла.

Принятіе тяжелаго вооруженія потребовало лошадей; военные расходы возросли. Немногіе могли ихъ выдержать. Отсюда — уменьшеніе личнаго состава войскъ. Конница появилась въ концѣ царствованія Карла Великаго и паладины пустили въ ходъ свою удаль взамѣнъ тактики.

Военная профессія требовала большую физическую силу, искусство фехтованія, верховую лошадь и большіе расходы. Она роковымъ образомъ стала привиллегіей небольшого числа. По мѣрѣ того, какъ собственность увеличивалась, количество собственниковъ уменьшалось. Это было логично.

Владѣлецъ земли, помѣщикъ, взялся покровительствовать и защищать своихъ крѣпостныхъ и своихъ вассаловъ. Онъ проливалъ свою кровь взамѣнъ работы другихъ. Привиллегія война, представлявшая какъ бы защиту для бѣднаго, оплотъ противъ врага, оправдывалась, съ одной стороны, видимой преданностью и обязанностью широко жертвовать своей кровью и жизнью Она тѣмъ не менѣе освящала соціальное неравенство и повлекла притѣсненіе слабаго сильнымъ.

При феодальномъ режимѣ не существовало военныхъ учрежденій. Общественная сила раздробленная на тысячи рукъ представляетъ лишь временные группы недисциплинированныхъ бароновъ, окруженныхъ порабощенными крестьянами. Постоянныя распри, ссоры; бьются всюду; не видать болѣе большихъ битвъ.

Одно дворянство сражается и на лошади. Главная масса войска состоитъ только изъ дворянъ, рыцарей и оруженосцевъ; остальное—вся пѣхота составлена изъ множества крестьянъ, плохо вооруженныхъ, плохо одѣтыхъ, приведенныхъ сеньерами скорѣе для того, чтобы служить имъ, чѣмъ сражаться.

Со времени Гуго Копета войска, набранные сеньерами, были обязаны лишь 40 дневной службой,—предѣлъ ихъ средствъ существованія. Послѣ чего они уходили цѣликомъ или по частямъ и надо было ихъ распустить, или терпѣть ихъ дезертирство.

Внутреннія распри между сеньерами и особенно отъѣздъ дворянъ въ крестовые походы, изъ которыхъ вернулась лишь меньшая часть, ослабили средства рекрутчины. Войско замѣтно уменьшалось.

Малое число конницы и отсутствіе пѣхоты несоотвѣтствовали болѣе потребностямъ войны. Пробовали увеличить личный составъ сражающихся различными способами.

Прежде всего Людовикъ Толстый (въ 1106), видя непослушаніе крупныхъ вассаловъ въ доставленіи ему контингента, попытался обойтись безъ ихъ содѣйствія. Онъ обратился къ общинамъ съ просьбой субсидій и солдатъ.

Этотъ новый способъ налагалъ на города обязанность набирать самимъ извѣстное количество пѣхоты и кавалеріи и содержать на свой счетъ. Воины должны были идти отъ каждаго прихода и коммиссія изъ 12 человѣкъ, смотря по центрамъ населенія, должна была организовать всѣ подробности исполненія.

Такимъ образомъ, наборъ войскъ не зависѣлъ болѣе отъ высшихъ бароновъ. Общинная милиція принадлежала городамъ, которые отдавали ее въ распоряженіе короля.

Такимъ образомъ, провозглашенъ былъ новый принципъ призыва въ войска. Онъ былъ основанъ на численности населенія. Брали столько-то человѣкъ на сотню или тысячу жителей, а земля болѣе не имѣла значенія въ условіяхъ рекрутчины. Эта реформа, хотя и маловажная, въ началѣ, оставленная, потомъ снова принятая, осталась и до нашихъ дней, постоянно расширяясь, основой военныхъ установленій.

Учрежденіе общинной милиціи, конечно, не избавляло сеньеровъ и дворянство отвѣчать на призывъ короля въ случаѣ войны и идти туда въ сопровожденіи извѣстнаго числа своихъ вассаловъ, свободныхъ или крѣпостныхъ. Начальники, вооруженные люди назывались рыцарями или оруженосцами. Каждый изъ рыцарей имѣлъ свиту слугъ, кліентовъ, тѣлохранителей, находящихся при немъ лично и число которыхъ составляло—5, 6, 7 человѣкъ.

Пополненіе войскъ происходило двумя способами и потому въ войскахъ было два сорта людей: дворяне съ свободными людьми, а затѣмъ крестьяне, конные и пѣшіе. Страсть къ панцырямъ развилась до высшей степени, съ начала второго поколѣнія и до крестовыхъ походовъ, когда она достигла максимума. При Филиппѣ-Августѣ воины были такъ герметически закупорены въ свою броню, что было почти невозможно добраться до ихъ тѣла. Но за то она была настолько тяжела, что

человѣкъ не могъ иначе дѣйствовать, какъ на лошади. Ходить пѣшкомъ ему было невозможно и, разъ упавъ, онъ не могъ подняться.

Рядомъ съ этой желѣзной броней существовали большія орудія нападенія: топоръ, палица и т. д. Копье, шпага, кинжалъ, булава—принадлежали только аристократіи, прикрытой сталью. Лукъ, самострѣлъ—служили мужикамъ и были въ большомъ ходу съ конца царствованія Филиппа-Августа. Тогда уже проявилось слѣдующее различіе: холодное оружіе считалось аристократическимъ, метательное—демократическимъ.

IX.

Возвратъ къ жалованью. Наемники.

Повидимому, наступала эра либерализма. Милиція казалась силой оппозиціонной королевскимъ войскамъ и болѣе расположенной поддерживать духъ независимости, который усиливался въ освобожденныхъ общинахъ.

Однако-же, арміи снова возстановились и ихъ численность увеличилась. Военныя дѣйствія стали продолжительныя, тягости, все возростая, породили со стороны общинъ, нѣкоторый протестъ. Вслѣдствіе этого снова перешли къ системѣ жалованья, когда то введенной въ Римѣ и исчезнувшей со времени паденія имперіи.

Это возобновленіе началось въ Англіи, которая признала необходимость его, чтобы защитить себя отъ бандъ авантюристовъ, въ началѣ XII вѣка. Обычай этотъ проникъ и во Францію, въ царствованіе Людовика Толстаго.

До его примѣненія только богачъ могъ идти на войну; при жалованьи и бѣднякъ былъ въ состояніи принять въ ней участіе и эта мѣра имѣла очень замѣтное демократизирующее вліяніе. Филиппъ-Августъ (1191) давалъ жалованье каждому пѣхотинцу, призванному слѣдовать за нимъ въ крестовый походъ. Затѣмъ онъ распространилъ эту мѣру на всѣ войска, когда онъ задумалъ наказать возмутившагося графа Фландрскаго.

Жалованье стало равно необходимымъ, вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ способѣ рекрутчины. Національныя средства, мало, по, малу, были оставлены и въ теченіе долгаго времени прибѣгали къ наемникамъ. Съ Филиппа-Августа до Карла VII короли Франціи держали на жалованьи сбродъ лишенныхъ правъ (declassés) воиновъ или бандитовъ по профессіи.

До тѣхъ поръ властвовалъ воинъ,

потому что онъ одинъ былъ вооруженъ. Разночинецъ, безъ орудій защиты, имѣя только свою палку или свою пращу, ничего не могъ сдѣлать дворянину на лошади, защищенному сталью. Народъ представлялъ массу, но эта масса не была силой, болѣе вслѣдствіе недостатка средствъ сражаться, чѣмъ недостатка знанія. Открытіе пороха уничтожило эту общественную ересь. Онестрѣльное ружье стало главнымъ орудіемъ народнаго возвышенія Всякій плебей могъ помѣряться съ самымъ отмѣннымъ храбрецомъ и возвратить себѣ свободу. Съ тѣхъ поръ ему было возможно стать солдатомъ и онъ сдѣлался гражданиномъ. Онъ не могъ-бы забыть первоначальной причины своего освобожденія.

Послѣ крестовыхъ походовъ много людей очутилось въ нищетѣ. Лишенные правъ, привыкшіе къ приключеніямъ, дерзкіе, предпріимчивые, они долго жили войной. Незная или не желая дѣлать ничего другого, они продавали свои услуги враждующимъ князьямъ, соглашавшимся платить имъ жалованье.

Вымогая у друзей и враговъ, грабя по дорогамъ, существуя грабежомъ и хищеніемъ, они принимали удары и раны, взамѣнъ удовольствій и добычи. Безъ всякой вѣры, безъ отечества и состоянія, они жили на общественный счетъ, войну дѣлали ремесломъ: это былъ ихъ промыселъ.

При Филиппѣ-Августѣ эти пройдохи, мошенники — состояли изъ сброда крестьянъ, которыхъ страсть къ разбою ставила подъ начальство падшихъ рыцарей или незаконныхъ дѣтей знатныхъ домовъ. Эти искатели приключеній, собиравшіеся большими компаніями, съ XIII по XV вѣкъ, отдавались честолюбцу самому щедрому, начальнику самому предпріимчивому.

Подъ именемъ арабскихъ разбойниковъ или брабансоновъ, они набирались въ самыхъ оборышахъ націи, въ подонкахъ всѣхъ странъ. ихъ начальники, какъ и начальники бродягъ (routiers), ихъ предшественниковъ, были просто военными предпринимателями. Ожидая открытія непріятельскихъ дѣйствій, для которыхъ они заключили договоръ, они заставляли своихъ людей жить грабежомъ, чтобы избѣжать платы имъ за бездѣлье.

Эти старые воины не были новостью. Ихъ прежде видѣли въ Греціи, предлагающими свои услуги сатрапамъ Азіи. Затѣмъ они снова появились въ XIII вѣкѣ для того-же

назначенія. Они заняли мѣсто, оставшееся свободнымъ. Конница была большею частью уничтожена продолжительными заморскими экспедиціями, а пѣхота, потерявшая значеніе, служила только въ важныхъ случаяхъ. Принуждены были прибѣгнуть къ другому способу рекрутчины; приняли наемниковъ, воиновъ платныхъ, служащихъ то одному, то другому.

Ихъ много находили заграницей. Между ними фигурировали швейцарцы, шотландцы, нѣмецкіе рейтеры (кавалеристы), германскіе ландскнехты (ратникъ, мальчикъ на фермѣ), итальянскіе страдіоты (шатуны), разбойники (испанскіе) и другія банды, начальники которыхъ назывались кондотьери (отъ словъ cum и ducere—вести съ собой)

Это были авантюристы, предприниматели сраженій, собирающіе бездѣльниковъ и заключающіе за нихъ договоры съ монархами или генералами.

Другія банды формировались во Франціи. Ничтожные люди, походившіе на страдіотовъ; пройдохи (routiers), бродяги, полуночники, живодеры, состоящіе на жалованьи, брабансоны, большія товарищества и т.д.

Мало по малу, число ихъ увеличилось; въ тоже время регулярные иностранные отряды вступили на службу Франціи. Это—эпоха наемниковъ и подкупленныхъ бандитовъ, замѣняющихъ отчасти національное войско.

Несмотря на это уклоненіе военнаго духа, старая традиція сохранялась, и поддерживался принципъ—призывать на защиту страны землевладѣльцевъ, наиболѣе заинтересованныхъ оборонять ее. Его не мѣняли и, мало по малу, онъ ослабѣвалъ и почти исчезъ. Тѣмъ не менѣе ФилиппъIV (Красивый)(1285), запретилъ вступать въ фландрское войско тому, у кого менѣе 100 ливровъ движимаго имущества или менѣе 200 турскихъ ливровъ, какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Это была дань, отдаваемая истинному началу, лучь истины среди столькихъ заблужденій. Онъ послужитъ тому, чтобы освѣтить будущее и позже вернуться на народный путь, когда злоупотребленія достигнутъ апогея.

Разновидности бандъ, въ концѣ концовъ, расплылись подъ названіемъ большихъ товариществъ, начальники которыхъ назывались капитанами и пользовались большимъ значеніемъ. Всѣ сеньеры и дворяне обыкновенно пришедшіе къ упадку, брали на жалованье бандитовъ, ко-

торыхъ они могли собрать, составляли рать, худо-ли, хорошо-ли одѣтую, и продавали ее на службу королю.

Закаленные въ многочисленныхъ стычкахъ, они храбро шли въ огонь; любовь къ приключеніямъ и перспектива наживы увеличивали ихъ храбрость, какъ и пренебреженіе опасностью. Отдыхъ тяготилъ ихъ, а отсутствіе дисциплины дѣлало ихъ опасными. Лишь только оканчивалось ихъ временное обязательство, они искали другого и часто нанимались къ противникамъ, съ которыми только-что сражались.

Если у нихъ не было занятій, если отдыхъ затягивался, жалованье и добыча равно прекращались. Они грабили, чтобы жить, то тутъ то тамъ, безсознательно опустошая однихъ и другихъ. Они шли грабить далеко деревни, на которыя наваливались большими набѣгами, называвшимися наѣздами (chevauchées) и которые были настоящими быстрыми опустошеніями.

Франція много страдала отъ этого. Бѣды, причиняемыя ими, ставъ неисчислимыми, требовали лѣкарства, такъ великъ былъ ужасъ. Дю-Геклену удалось уничтожить этихъ грабителей, отведя ихъ въ Испанію, гдѣ они погибли почти всѣ.

X.

Рекрутчина при Карлѣ VII.

Уничтоживъ банды, пробовали замѣнить ихъ древними регулярными военными силами и тутъ встрѣтилось затрудненіе. Оказались различныя препятствія, казавшіяся непреодолимыми.

Съ одной стороны, сеньеры призывали своихъ вооруженныхъ людей и своихъ вассаловъ, раздѣленныхъ на первый призывъ, второй и всеобщее народное ополченіе и вели ихъ на сходбище; эти силы были въ ихъ полной зависимости. Они припосили съѣстные припасы только на 15 дней и по окончаніи этого срока уходили. Вотъ къ чему сводились феодальныя силы въ XIII вѣкѣ.

Съ другой стороны, общинная милиція имѣла достоинства, особенно независимость отъ аристократіи; свободный духъ ихъ развивался, среди нихъ господствовалъ духъ оппозиціи даже королевской власти, и правитель не могъ расчитывать на ихъ полную покорность.

Землевладѣлецъ всегда представлялся прирожденнымъ солдатомъ. Землю надо защищать и собственникъ, силою вещей—воинъ. Только увеличеніе собственности сильно сократило число владѣльцевъ.

Все же надо было обезпечить власти войска, а она видѣла себя въ большомъ затрудненіи набрать военную силу, которая могла бы бороться съ иностранцами и крупными вассалами.

Правители боялись французскаго народа, который, между тѣмъ, проявлялъ себя. Одаренный военнымъ инстинктомъ, онъ продолжалъ любить войну. Уничиженный рабствомъ, онъ могъ подняться. Пренебрегаемая и принесенная въ жертву храбрость его укрѣпилась, когда никто не боролся уже съ норманднами. Почти одинъ онъ боролся и одинъ именно побѣдилъ при осадѣ Парижа и Ивоны (Sens). Свобода дала-бы средства вернуть ему его прошлую славу; ему боялись даровать ее.

Попробовали средства на сторонѣ.

Долгое время было затруднительно обезпечить жалованье и даже давать его; затрудненіе устранили освобожденіемъ отъ налога. Приграничные, окраинные жители, первые подвергавшіеся нападеніямъ, были въ нѣкоторомъ родѣ.

О солдатчены. Ихъ освободили отъ поземельной подати, съ условіемъ браться за оружіе, въ случаѣ надобности. Защита земли еще составляла принципъ службы; и свобода отъ всѣхъ тягостей послѣдовала, какъ вознагражденіе за принятыя военныя обязательства.

Эта естественная система всегда была и существуетъ и теперь во во многихъ странахъ. Примѣры ея многочисленны: пограничныя колоніи римлянъ, франкскія колоніи, вольныя стрѣлки, избавленные отъ податей, военныя колоніи Венгріи и Россіи, казацкіе орды, дуеры (douairs), змело (zmèlas), племена макзенъ въ Алжирѣ.

Во всѣхъ мѣстахъ и во всякое время избавленіе отъ податей и преимущество владѣнія земель даруются взамѣнъ военной службы, имѣя характеръ на половину добровольный, на половину вынужденный.

Этотъ способъ, превосходный какъ вспомогательное средство, недостаточенъ для созданія войска. Онъ не даетъ ни сплоченности, ни достаточной подвижности; онъ страдаетъ особенно недостаточностью обученія. Недостатокъ этотъ казался меньшимъ тогда, потому что вовсе не занимались дрессировкой людей. Однако, уже начинали признавать ея необходимость.

До этого времени войска представляли, въ дѣйствительности, лишь родъ національной гвардіи, моби-

лизованной или собранной въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Иногда получая жалованье, они жили, обыкновенно, на всемъ готовомъ, одѣваясь, питаясь, получая небольшую помощь отъ общинъ и ничего не стоя королю. Система, конечно, ненадежная. Призывали людей, нѣсколько недѣль удерживали ихъ, а когда запасы истощались, войско исчезало, расплывшись среди народа до новой реквизиціи.

Сравнительно съ бандами, роты, всегда получающія жалованье изъ королевской казны, имѣли болѣе постоянный характеръ. Они стоили гораздо дороже регулярныхъ войскъ, проявляли на войнѣ относительную вѣрность, часто предписывали свои требованія и въ мирное время совершали невыносимое множество незаконныхъ поборовъ.

Столѣтняя война до очевидности показала негодность этой системы рекрутчины. Столь длинный рядъ сраженій, какъ бѣдственные дни при Креси, Пуатье и Азинкурѣ, уничтожили большую часть конницы, также какъ и военныя силы. Разъ возстановился миръ, почувствовали необходимость болѣе прочной организаціи, способной удовлетворять нуждамъ великой націи. Дѣло было въ томъ, чтобы составить ее изъ постоянныхъ военныхъ элементовъ, лучше обученныхъ, чѣмъ волонтеры изъ дворянъ, толпа вассаловъ или общинная милиція.

Въ это время рыцарскія идеи ослабѣвали. Признали всѣ недостатки военнаго невѣжества, виновнаго въ столькихъ неудачахъ. Вновь обратились къ прежнимъ знаніямъ, которыя Макіавелли одинъ изъ первыхъ изложилъ снова вполнѣ ясно и которыя казались новостью.

Карлъ VII задумалъ создать постоянное войско. Для кавалеріи онъ создалъ конныхъ латниковъ, изъ 15 ордонансовыхъ ротъ, по сто копій каждая. Туда принимались только дворяне. Каждый изъ нихъ приводилъ съ собою 3-хъ стрѣлковъ изъ лука (archers), оруженосца, пажа и пажа, или 6 всадниковъ на копье.

Король стремился вновь создать пѣхоту, роль которой была такъ не значительна, и важность которой начинали сознавать, благодаря усиліямъ Швейцаріи. Эта маленькая страна, въ 1307 г., провозгласила свою независимость и послѣдовательно дополняла ее до побѣды Грансона надъ Карломъ Смѣлымъ (1476). Храбрость, которую проявили эти горцы, а также и умѣніе

управлять батальонами, дала имъ возможность сбросить нѣмецкое иго и придала большое значеніе пѣхотѣ, которая дѣйствовало такъ успѣшно.

Карлъ VII, пораженный примѣромъ швейцарцевъ, вздумалъ имъ подражать. Онъ уничтожилъ во Франціи общинную пѣхоту, доставляемую городами и деревнями и на которую, не смотря на проявленную ею во многихъ случаяхъ энергію, обращали мало вниманія. Онъ предписалъ, взамѣнъ нее каждому приходу содержать во всякое время, по крайней мѣрѣ, по одному лучнику, всегда готовому въ походъ. Въ цѣломъ это образовало наличность въ 16,000 челов. и составляло постоянную силу.

Въ воскресенье они облекались въ военный костюмъ, соединялись въ группы, упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука, состязались на призы и производили небольшія примѣрныя сраженія. Имъ старались внѣдрить извѣстное военное образованіе.

Содержимые общинами, они были избавлены отъ податей, откуда и произошло ихъ названіе вольныхъ стрѣлковъ. Принципъ ихъ набора основывался не на владѣніи землею но на цифрѣ населенія.

Два отдѣла войскъ—9000 кавалеріи и 16000 пѣхоты, составляли постоянную армію. Чтобы обезпечить жалованье конницы установили новый налогъ называемый военной податью (taille des gendarmes). Вольные стрѣлки получали жалованье лишь тогда когда, призывались на войну. Въ остальное время имъ ничего не полагалось.

Эта первая правильная организація не препятствовала существованію феодальныхъ наборовъ. Всѣ люди обязаны были исполнять военную службу и становиться подъ знамена своего сеньера, въ случаѣ войны.

Разные способы рекрутчины дѣйствовали одновременно: регулярныя войска на жалованіи, одни постоянныя, другія на случай войны; приграничныя земли, обязанныя службой, феодальныя войска, которыя должны идти въ походъ; иностранные корпуса и наемныя банды.

Эти военныя преобразованія представляли прогрессъ. Регулярность дополнялась уничтоженіемъ спеціальныхъ независимыхъ корпусовъ.

Послѣ орлеанскаго съѣзда, въ 1439 г., Карлъ VII запретилъ военнымъ всякія насилія; не позволилъ начальникамъ набирать роты безъ приказанія короля, а солдатамъ—идти къ нимъ подъ команду; онъ

запретилъ всѣмъ грабить церкви, нападать по дорогамъ, срѣзать деревья, вырывать виноградники, сжигать жатвы и т. д. Онъ воспретилъ налоги, наложенные владѣльцами замковъ, дорожныя пошлины, аресты путешественниковъ и, особенно, купцовъ, съ цѣлью брать выкупъ за проѣздъ.

Наконецъ, онъ сдѣлалъ общій смотръ войскамъ, указалъ тѣ, которыя онъ оставлялъ и отослалъ другія, приказавъ тотчасъ-же вернуться домой. Двѣ недѣли спустя по дорогамъ не было больше ни одного солдата. Это благодѣяніе— слава Карла VII и коннетабля Ришмона, который помогалъ ему.

Система рекрутчины Карла VII была хороша. Она могла быть улучшена. Онъ ничего не сдѣлалъ для этого. Мрачная подозрительность Людовика XI не довѣряла національнымъ войскамъ. Онъ уничтожилъ вольныхъ стрѣлковъ и замѣнилъ ихъ иностранцами, швейцарской пѣхотой, нѣмецкой пѣхотой и конницей, шотландской пѣхотой и т. д.

При Карлѣ VIII m-me де-Бежо, регентша, отослала назадъ 6000 швейцарцевъ и распустила нѣкоторые другіе корпуса національныхъ войскъ, которыя стали жить грабежами. Вскорѣ снова призвали нѣмецкихъ ландскнехтовъ и нѣсколько итальянскихъ ротъ.

Людовикъ XII принялъ къ себѣ на службу страдіотовъ, греческихъ всадниковъ, которыхъ называли албанской конницей.

Мало по малу, при ничтожныхъ монархахъ всѣ злоупотребленія снова появились. Забывъ предшествующія большія войны и ихъ уроки, они оставили заботу о военномъ устройствѣ, которое было ихъ слѣдствіемъ. Національныя войска уничтожились, исчезли, уступая мѣсто наемникамъ - иностранцамъ. Для объясненія этого нельзя придумать другого довода, какъ необходимость сдерживать силы феодаловъ чужеземными солдатами. Конечно, очень плохой доводъ!

Это затмѣніе національнаго чувства не было продолжительно. Францискъ I, принимаясь за дѣло Карла VII, далъ преимущество французскимъ силамъ. Онъ распустилъ часть наемниковъ и учредилъ провинціальные легіоны.

XI.

Вербовка.

Уничтожать злоупотребленія очень трудно. Францискъ I попытался сдѣлать это. Онъ сдѣлалъ

добро, не исправивъ всего. У него не было еще опредѣленной системы и ему недоставало необходимой настойчивости. При его наслѣдникахъ дѣла не улучшились, а только болѣе осложнились.

Генрихъ IV уничтожилъ иностранныхъ наемниковъ, кромѣ Швейцарцевъ. Высоко ставя французскую національность, онъ желалъ бы имѣть только національныя войска. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ эту уступку обычаямъ времени. Ему стоило большого труда разогнать остатки бандъ, проступки которыхъ превосходили сильно ихъ заслуги, и которыя перенесли войны начала царствованія.

Въ это время приняли, какъ обычную систему, добровольное поступленіе на службу; принципъ превосходный, но дурное примѣненіе его привело къ злоупотребленіямъ другого сорта и не избавило отъ необходимости прибѣгнуть еще къ принудительному набору.

Король съ довольно прогрессивными стремленіями долженъ былъ бороться съ рутиной, много вѣковъ тому назадъ установившейся въ странѣ. Злоупотребленія ея были признаны, констатированы и тѣмъ не менѣе все-же продолжались. Ихъ поддерживали, подкрѣпляли, благодаря обычаямъ сосѣднихъ странъ. Хотя сообщенія между различными государствами были очень рѣдки, но недостатка въ нихъ все-же не было. Военныя учрежденія тѣхъ и другихъ были хорошо извѣстны и, какъ всегда, оказывали взаимное вліяніе.

Вообще остальная Европа въ дѣлѣ рекрутчины была менѣе передовой, чѣмъ Франція и, тѣмъ не менѣе, она испытывала на себѣ ея проводѣйствіе.

Во время 30-лѣтней войны наемники существовали въ большой степени и превосходили размѣры прежняго времени. Формированіе войска составляло настоящую антрепризу. Фердинандъ II, императоръ Австрійскій, поручилъ Валленштейну, одному изъ самыхъ знаменитыхъ кондотьери, составить таковое. Своей репутаціей, обѣщаніями и подарками онъ привлекъ къ себѣ всѣхъ наемниковъ Европы. Онъ назначилъ полковниковъ и поручилъ имъ образовать полки. Эти подъ-купщики выбрали капитановъ, изъ которыхъ каждый набралъ роту. Въ короткое время изъ этого странаго сброда была сформирована довольно значительная армія въ Богеміи и на войнѣ этотъ способъ

комплектованія войскъ далъ себя почувствовать.

Такихъ авантюристовъ находили почти во всѣхъ арміяхъ и ихъ удальство до нѣкоторой степени сглаживало ихъ гнусность. Они долго держались во Франціи, несмотря на безчисленные протесты противъ ихъ образа дѣйствій. Ихъ спасало волонтерство; ихъ терпѣли въ этой Франціи, столь расположенной къ войнѣ, но гдѣ рабство убило вкусъ къ ней. Исключая аристократіи, которая одна сражалась, народъ боялся войны.

Способъ волонтерства и договоровъ при Людовикѣ XIV могъ, конечно, быть признанъ прогрессивнымъ. Дурно примѣняемый, онъ не привелъ къ результатамъ, которыхъ были вправѣ ждать отъ нихъ.

Сначала пробовали привлечь молодыхъ людей, дѣйствуя на ихъ честолюбіе. Образовался родъ бюро, публиковавшее заманчивыя объявленія. Сержанты-вербовщики проходили время отъ времени и хвалили благостояніе корпусовъ ихъ войскъ. Объявленія, вывѣшиваемыя въ общественныхъ мѣстахъ, говорили въ томъ-же духѣ. Тамъ вохвалялось изящество формы, хорошее обхожденіе офицеровъ, многочисленные разрѣшаемые отпуски, правильность выдачи жалованья, хорошая пища, умѣренная работа, веселость товарищей, балы два раза въ недѣлю, и т. д. Эта соблазнительная программа привлекала нѣкоторыхъ молодыхъ людей къ зачисленію на службу.

Тѣмъ не менѣе число ихъ было недостаточно. Соблазнъ не производилъ достаточнаго впечатлѣнія, пустили въ ходъ хитрость. Наборъ обратился въ вербовку; воспользовались печатью, очень вліятельной въ Англіи. Подъ разными предлогами завлекали молодыхъ людей въ разные притоны, здѣсь ихъ напаивали до пьяна и заставляли подписать обязательство. На другой день, очнувшись, они протестовали противъ такого подлога. На это не обращали ни малѣйшаго вниманія. Они дали свою подпись, ихъ заставляли отправляться добровольно, или силою. Это были вообще честные люди, которые падали, сами того не зная; потомъ, завербовавшись, они портились отъ общенія съ другими.

Документъ того времени откровенно установливаетъ эти факты хитрости, лишенія свободы, насилія. „Въ 1656 году маршалы осуждали офицеровъ, которые, чтобы облегчать себѣ наборъ рекрутъ,

БИБЛІОТЕКА

заключали договоры съ какими бы то ни было городовыми, стрѣлками, или другими лицами, чтобы доставить имъ людей. Названные городовые берутъ дѣтей, школьниковъ, ремесленниковъ подъ предлогомъ найти имъ мѣста, помѣщаютъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, удерживаютъ силой, заставляютъ выходить ночью, чтобы передать ихъ капитанамъ".

Эти полицейскіе были просто торговцы людьми, арестанты или бродяги и нѣсколько приговоровъ не останавливали ихъ торговли.

Дѣло шло еще дальше. Подъ предлогомъ очистить города и деревни, открыто дѣйствовали насиліемъ, чтобы набирать людей противъ желанія. Власти во время прохода сержантовъ - вербовщиковъ, предоставляли въ ихъ распоряженіе всѣхъ находящихся въ сибиркахъ, тюрьмахъ-подвѣдомственныхъ судебнымъ палатамъ, т. е. всѣхъ повѣсъ и негодяевъ, задержанныхъ по какому нибудь поводу. Ихъ заставляли подписывать обязательства поступленія въ войска.

При извѣстныхъ обстоятельствахъ, по приказанію окружныхъ правителей, войска охотились по деревнямъ, окружали крестьянъ и уводили силой тѣхъ, кого могли захватить.

Эта безстыдная вербовка просто поразительна. Абсолютная монархія, прочно установившаяся во Франціи, возвращалась къ печальной системѣ рекрутчины, которую когда-то Месена заставилъ Августа принять. Она вела къ пополненію войска подонками населенія, сдѣлала изъ него притонъ для всякихъ людей безъ призванія, которыхъ туда привлекали или заставляли вступать силой.

Вмѣсто прежнихъ способовъ призыва къ военной службѣ—собственниковъ, работниковъ, обращались къ бродягамъ; вмѣсто честныхъ людей брали почти все людей запятнанныхъ. Королевскій приказъ 1643 года предписывалъ вербовать, по преимуществу и даже силой, лѣнтяевъ, негодяевъ, людей безъ кола и двора.

Это былъ гнусный способъ рекрутчины. Тѣмъ не менѣе онъ существовалъ очень долго. Капитаны, хозяева своихъ ротъ, должны были ихъ набирать. Всѣ способы были для нихъ хороши. Принципъ добровольнаго обязательства съ преміей безпрестанно нарушался силой и хитростью, а деньги выплачивались далеко не полностью.

Роты составляли настоящую антрепризу: командиры брали жало-

ванье на полный комплектъ людей, и представляли ихъ въ дни смотровъ; обыкновенно же они оставляли своихъ людей дома и не платили имъ ничего. Это злоупотребленіе стало очень значительнымъ. Въ дѣйствительности, королевская казна платила много, а имѣла мало солдатъ.

Недостаточность наличнаго состава обнаруживалась вслѣдствіе установившагося обычая оставлять всегда часть войска на готовѣ, а не распускать его послѣ каждой кампаніи. Такъ въ 1688 г., чтобы увеличить силы и уравновѣсить жалкіе результаты вербовки, королевскій приказъ возстановилъ общинную милицію, взимая въ случаѣ невыполненія, по 2000 ливровъ контрибуціи за человѣка.

Милиціонеровъ набирали въ каждомъ приходѣ между мужчинами отъ 20—40 лѣтъ, вооруженныхъ и экипированныхъ имъ. Деревни въ среднемъ доставляли одного или 2-хъ человѣкъ. Они брались по жребію, но существовало множество привиллегій, которыя избавляли или освобождали отъ него.

При Людовикѣ XV плохое состояніе арміи дѣлало раззорительнымъ ея содержаніе, а наличный составъ ея былъ смѣшонъ. Въ ротахъ насчитывалось только по 33 человѣка въ пѣхотѣ и по 23 въ кавалеріи.

Столь непріятное положеніе, критикуемое многими лицами, обратило вниманіе высшихъ военныхъ начальниковъ. Уже они замѣтили, что въ Пруссіи была лучшая система. Страна дѣлилась на округа. Каждый изъ нихъ формировалъ полкъ и долженъ былъ содержать его вполнѣ. Такимъ образомъ, народъ былъ связанъ съ войскомъ. Въ этой странѣ увѣковѣчился порядокъ рекрутчины областной и особенно мѣстной.

Нѣкоторымъ умамъ снова представилась необходимость національной службы. Саксонскій маршалъ опубликовалъ свои идеи по этому предмету. Онъ испрашивалъ законъ, обязывающій всякаго, въ какомъ бы то не было положеніи, служить въ продолженіи 5 лѣтъ и онъ прибавлялъ въ своихъ „*Мечтаніяхъ*“: „Этотъ законъ нельзя не одобрить, потому что онъ естественъ, и справедливо, чтобы гражданами пользовались для защиты государства. Но, чтобы достигнуть этого, слѣдовало-бы не освобождать никого, не обращая вниманія ни на какое положеніе, быть строгимъ въ этомъ отношеніи и стараться, чтобы исполняли этотъ законъ по преимуществу дворяне и богатые люди; бѣдный утѣшался бы

примѣромъ богача, а богачъ не смѣлъ бы жаловаться, видя службу дворянина".

Маршалъ съ этого времени ставилъ принципъ обязательной службы. Теоретически мысль была хороша. Она была не понята. Она казалась не примѣнимой на практикѣ. Между тѣмъ ея вліяніе не было ничтожно.

Идеи назрѣвали, становились гласными, чувствовались всѣ недостатки существующей системы, искали чего-нибудь иного. Неудобства добровольнаго поступленія на службу такъ поражали, что вмѣсто того, чтобы уничтожить злоупотребленія имъ, устранили самый принципъ.

Приказъ 1724 года преобразовалъ національныя милиціи, введя жеребьевку. Онѣ стали постоянными съ 1726 года, сохраняя свое названіе.

Король воспретилъ добровольныя поступленія на службу и замѣну. Срокъ службы былъ установленъ четырехлѣтній для всѣхъ холостыхъ мужчинъ, отъ 16—40 лѣтъ, среди которыхъ выбирали рекрутъ по жребію.

Льготы и привиллегіи были введены въ очень большомъ количествѣ для отдѣльныхъ лицъ или категорій. Дворянство не принимало участія въ жеребьевкѣ. Оно служило добровольно и по праву.

Слѣдуетъ отмѣтить эту очень любопытную льготу, потому что она представляетъ возвратъ къ греческимъ и римскимъ обычаямъ. Слуги были лишены права службы въ милиціи, конечно, потому, что ихъ не считали свободными.

Приказъ 1762 г. занимался предположеніями будущей войны. Онъ установилъ составленіе кадровъ, такъ что каждый корпусъ могъ при открытіи непріятельскихъ дѣйствій получить добавленіе къ наличной численности, что значительно увеличивало его силу. Это въ зародышѣ одно изъ началъ мобилизаціи, принятой теперь.

Эта мѣра представляла кромѣ того выгоду, облегчая выучку рекрутъ, давая имъ сильный кадръ, служившій имъ инструкторами и руководителями. Это то, что теперь оспариваютъ противники арміи.

Не смотря на сдѣланные успѣхи, большія злоупотребленія продолжали имѣть мѣсто. Роты оставались на содержаніи командировъ и составляли ихъ собственность. Такое положеніе дѣлъ вело къ непріятнымъ послѣдствіямъ для набора и наличнаго состава войскъ.

Вскорѣ рядомъ съ арміей, пре-

образованной на очень не прочныхъ основахъ, замѣчается появленіе новой, прочной силы, старыхъ солдатъ, носящихъ древнее названіе ветерановъ, которыхъ теперь хотятъ опять возстановить въ чести.

Происхожденіемъ своимъ они обязаны ротамъ Дворца Инвалидовъ, (Hotel des Invalides), которые въ 1696 году просили, чтобы ихъ послали служить на границы. Эти отставные ставили на видъ, что если ихъ возрастъ, недуги, раны дѣлали ихъ неспособными выдерживать кампанію и трудные походы, то все же они способны были къ службѣ мѣстной и просили предоставить имъ такую службу.

Вняли этой просьбѣ, и были учреждены отдѣльныя роты ветерановъ. Къ нимъ стали питать очень сильное пристрастіе. Приказъ 1724 года довелъ ихъ до 177, считая въ каждой 6 офицеровъ и 60 нижнихъ чиновъ, а общее число въ 1760 году доходило до 12000 чел.

Это было самое большое число ихъ; съ тѣхъ поръ оно постоянно уменьшалось. Маршалъ Саксонскій въ своихъ запискахъ восхвалялъ ветерановъ. Онъ мечталъ замѣнить ими гренадеръ и даже составить изъ нихъ отборный корпусъ. Приказъ 1771 года даровалъ даже это званіе нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ въ полкахъ. Тѣмъ не менѣе эти старые, утомленные солдаты не оказывали особенно большихъ услугъ. Это были отставные, почти безъ убѣжища, и ихъ держали изъ состраданія.

Въ 1776 въ общемъ ихъ было не болѣе 5846 чел. Ихъ служба, какъ бы она ни была почтенна, была лишь добавкой, аксесуаромъ, а армія всегда страдала отъ несовершенства способа набора. Этимъ вопросомъ занимались все болѣе и болѣе, но ничего не находили. Болѣе хода имѣли старыя, а не новыя идеи.

Графъ Сенъ-Жерменъ, военный министръ съ 1775—1777 гг., такъ выражаетъ ихъ въ своихъ запискахъ: „конечно, было-бы желательно, чтобы арміи составлялись изъ людей надежныхъ, хорошо выбранныхъ и лучшихъ; но, чтобы составить армію, не надо уничтожать націи, а это значило бы уничтожать ее, отнимая отъ нея то, что у нея есть лучшаго. При настоящемъ положеніи вещей арміи могутъ быть составлены лишь изъ тины націй и изъ всего, что безполезно обществу. Затѣмъ уже дѣло военной дисциплины очистить эту испорченную массу, образовать ее и сдѣ-

лать ее полезной".

Это воспроизведеніе плана Месены, принятаго Августомъ. Составить армію изъ людей испорченныхъ, негодныхъ, презрѣнныхъ— одна и таже безнравственная идея на разстояніи 18 вѣковъ.

Многіе и теперь не далеки отъ того, что бы раздѣлять эти чувства, прикрывая ихъ различной формой. Во время самаго министерства Сенъ-Жермена краснорѣчивые голоса протестовали противъ этой мысли дать Франціи армію негодяевъ. Особенно энергично осуждалъ это генералъ Жиберъ: „это—сборище наемниковъ, бродягъ или иностранцевъ, которыхъ подъ знамена приводитъ непостоянство характера или нищета, а дисциплина тамъ удерживаетъ." (Т. I стран. 14).

Воодушевляясь болѣе возвышенными идеями маршала Саксонскаго, онъ указалъ на возможность существованія національной арміи, указывая на болѣе раціональные способы рекрутчины. Онъ былъ предтечей военнаго обновленія.

Во время революціи 1789 г. онъ еще писалъ: „Это задача, достойная занять національное собраніе, такъ какъ она имѣетъ цѣлью связать армію съ націей и сдѣлать такъ, чтобы армія гражданская, не переставая быть военной, достаточно энергичная, но не недисциплинированная, защищала бы королевство, но не могла бы стать опасной въ рукахъ монарха." (Томъ V, стр. 192).

Его пожеланія не были исполнены въ то время; тѣмъ не менѣе усилія его не были безплодны, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ смутъ онѣ оказали замѣтное вліяніе на рекрутированіе войскъ.

XII.

Призывы при республикѣ и Имперіи.

Въ 1789 г. было 102 полка пѣхоты, 7—артиллеріи, 62—кавалеріи, около 173,000 человѣкъ, набранныхъ добровольнымъ зачисленіемъ на службу. Милиція или провинціальныя войска, пополняемыя жеребьевкой, имѣли 29 полковъ и 78 гарнизонныхъ баталіоновъ или около 55,000 человѣкъ.

Когда началась революія, сентиментальныя идеи сначала взяли верхъ. Большее значеніе имѣло воображеніе, чѣмъ разумъ. Вѣрили братству народовъ. Были противъ арміи, несмотря на опасности, грозившія со всѣхъ сторонъ. Ее боялись внутри. Рѣшили, между прочимъ, что рекрутчина будетъ

совершаться единственно по добровольнымъ обязательствамъ, не думая о томъ, что изъ этого могло бы произойти.

Вскорѣ невозможность примѣненія привела къ явному неодобренію провозглашеннаго принципа. Объявили, что каждый гражданинъ обязанъ нести военную службу или лично или черезъ замѣстителя. Это было установленіемъ унизительной системы замѣстительства, продолжавшейся $^3/_4$ вѣка и она казалась справедливой,—такъ спутаны были тогда идеи.

Теоретически было установлено равенство правъ и обязанностей. Въ то время, какъ живо привязывались къ первымъ, мало заботились объ уравненіи или хотя бы уравновѣшеніи вторыхъ.

Въ порывѣ наивнаго воодушевленія думали, что достигли этого въ военномъ отношеніи, создавая съ 1789 года національную гвардію, печальныя дѣйствія которой затянулись на 80 лѣтъ.

Въ началѣ національная гвардія не проявилась своими существенными особенностями. Войско полугражданское, но исключительно гражданское по замыслу и идеѣ,—національная гвардія представила большое затрудненіе для создавшихъ ее. Безначальная въ мирное время, неспособная къ дѣйствію во время войны, она оказывается во всѣхъ бунтахъ или революціяхъ почти всегда противъ правительства, проявляя неуваженіе къ власти, мѣшая ея дѣйствію.

Это не было новостью; прежняя монархія испытала это не разъ. Лига и Фронда явно показали всѣ невыгодныя стороны независимой по существу силы, свободной въ своихъ дѣйствіяхъ, подвергающейся всякимъ политическимъ вліяніямъ, естественно склонной идти противъ власти, которую она должна была поддерживать и которую ослабляла и даже разрушала. Сабля господина Прюдома (Prudhomme) долго дѣйствовала прежде, чѣмъ ее опредѣлили. Тѣмъ не менѣе эти прецеденты не остановили; примѣръ прошлаго не одержалъ вовсе верхъ надъ немного легкомысленнымъ одушевленіемъ, царившимъ въ это время.

Разложеніе прогрессивно проникало въ армію; 1-го октября 1790 г. не хватало болѣе 30000 чел.; это нисколько никого не озабочивало. Такъ-называемые патріоты не любили ея и боялись. Для нихъ достаточно было національной гвардіи. Ее теоретически считали имѣ-

ющей 2.500,000 ч. и жили этой невѣроятной иллюзіей.

Умы, обуреваемые прежними греческими и римскими доктринами, воображали, что возвращаются къ прежнимъ временамъ, призывая всю націю къ оружію, пробуждая старыя начала военнаго долга, священный законъ защиты территоріи своими собственными дѣтьми. Національное собрчніе, убѣжденное, быть можетъ, увлеченное несомнѣнно, установило національную гвардію, и раздѣлило ее на 16 легіоновъ, въ которыхъ должно было находиться до 480000 человѣкъ.

Это было много или очень мало. Въ примѣненіи результатъ былъ посредственный. Всѣ тогда говорили, но мало кто шелъ. Какъ бы велико ни было еще число, уже очень сокращенное, обстоятельства не замедлили показать, какъ безполезно было это учежденіе. Предписывались другія мѣры, поспѣшныя и случайныя.

Декретъ 28 января 1791 года предписалъ наборъ по добровольному обязательству 100,000 вспомогательныхъ войскъ. Они не получили этого назначенія и тѣ, кто отправился, стали первыми національными волонтерами.

Въ мартѣ 1791 г., по единодушному почти протесту провинціи противъ жеребьевки, уничтожили милицію, хотя довольно хорошую.

Въ іюнѣ учредительное собраніе предписываетъ свободный наборъ добровольцевъ національной гвардіи, въ числѣ 1 на 20.

Въ іюлѣ и августѣ пускаютъ въ ходъ національную гвардію въ количествѣ 100000 чел. и рѣшаютъ, что офицеры будутъ назначаться по выбору. Было организовано только около половины этого числа.

Мѣры примѣненія, плохо выполненныя, имѣли самый посредственный результатъ; несмотря на преувеличенія объявленій и возбуждающія рѣчи, вся армія насчитывала едва 140000 подъ знаменами.

Тѣмъ не менѣе война была объявлена, врагъ приближался, надо было приготовиться къ сопротивленію. Были приняты разныя полумѣры, болѣе фиктивныя, чѣмъ реальныя: вольные партизаны, окружныя роты, легіоны и т. д. Выступили они отовсюду. Появились всякія войска, большею частью, неизвѣстныя министерству. Все это воевало по собственной охотѣ и между тѣмъ было совершенно недостаточно. Рѣшили возможно лучше преобразовать войско.

Законъ 20 іюля 1792 года назначилъ новый чрезвычайный наборъ подъ именемъ добровольной національной гвардіи, чтобы поднять наличный составъ арміи до 450000 чел. Тотъ же законъ создалъ новый корпусъ ветерановъ, раздѣленный на 100 ротъ, которыя составились изъ соотвѣтственныхъ старыхъ королевскихъ ротъ. Туда принимали только людей, прослужившихъ до этого 24 года, тогда какъ въ армію призывали всю молодежь, много несовершеннолѣтнихъ, дѣтей, даже хилыхъ.

Это противорѣчіе указываетъ на путаницу, царившую тогда какъ въ идеяхъ, такъ и въ дѣлахъ. Сохраняли старое монархическое устройство ветерановъ, истощенныхъ, утомленныхъ, рядомъ съ новыми волонтерами, молодыми, очень молодыми, большею частью, неспособными къ сопротивленію.

Это были волонтеры только по имени. Они являлись вовсе не по доброй волѣ, и ихъ число въ рядахъ было недостаточно сообразно съ потребностью. Думали заставить ихъ идти на службу реквизиціей и массовымъ наборомъ. Дѣйствительно назначили обязательную службу для всѣхъ, но не смѣли примѣнить этого. Съ одной стороны, просили волонтеровъ, съ другой, принуждали ихъ идти. Противорѣчіе и путаница, и результатъ неважный. Положеніе все ухудшалось.

11 іюля 1792 года отечество было объявлено въ опасности. Всѣхъ гражданъ, годныхъ къ службѣ, потребовали и ихъ заставляли выбрать изъ своей среды требуемый контингентъ. Отовсюду взываютъ къ доброй волѣ. Одни покидаютъ свои корпуса, чтобы поступать въ другіе. Роты партизановъ, призывныхъ, затребованныхъ, волонтеровъ произвели довольно нестройную смѣсь, изъ которой вышло нѣсколько сводныхъ баталіоновъ. Въ общемъ увеличеніе наличнаго состава мало подвигалось впередъ.

Чтобы помочь поскорѣе произвести наборъ 30,000 человѣкъ въ Парижѣ и окрестностяхъ, къ нимъ присоединили различные корпуса гарнизоновъ и остатки прежнихъ линейныхъ войскъ. Таковы силы, частью импровизованныя, побѣдившія въ Вальми. Успѣхъ этой арміи почти не организованной, надъ дисциплинированными противниками, есть дѣло необычайнаго нравственнаго возбужденія, наэлектризовавшаго ихъ. Оно вызвало большое воодушевленіе и повернуло умы противъ хорошей организаціи войскъ.

Волонтеровъ восхваляли, ихъ возбуждали, не хотѣли никого, кромѣ нихъ

Результатъ не замедлилъ показать заблужденіе, въ которое впали. Чрезмѣрныя возбужденія непродолжительны. Эту истину постоянно забываютъ. Когда нервное напряженіе доходитъ до высшей степени, то не можетъ удержаться и быстро падаетъ. Напрасно призывали людей, числа поднимались лишь на бумагѣ.

Съ одной стороны, конвентъ допустилъ замѣстительство среди волонтеровъ. Люди достаточные покупали человѣка и заставляли его идти вмѣсто себя. Въ этой системѣ призываемые бѣдняки представляли честность, патріотизмъ, а богачи были представлены нѣсколько испорченными субъектами. Эта никуда негодная мѣра, особенно при данныхъ обстоятельствахъ, вызывала многочисленныя осужденія, которыхъ не хотѣли слушать.

Съ другой стороны декретомъ отъ 28 декабря 1791 г. неосторожно предоставили волонтерамъ право покидать ряды арміи послѣ каждой кампаніи, срокъ которой былъ назначенъ на 1-е декабря, съ единственнымъ условіемъ увѣдомлять объ этомъ командировъ за два мѣсяца впередъ. Поэтому, 1-го декабря 1792 года волонтеры 1791, лучшіе по происхожденію, толпами просили увольненія домой. Многіе уѣхали даже ранѣе. Конвентъ обратился къ нимъ съ адрессомъ, прося остаться. Это не произвело почти никакого дѣйствія. Суровая зима и почти абсолютная бѣдность болѣе чѣмъ на треть уменьшили силы къ веснѣ 1793 года и опасность увеличивалась.

20 февраля снова былъ изданъ декретъ о призывѣ 300.000 челов., примѣняя требованіе ко всѣмъ гражданамъ отъ 18 до 40 лѣтъ. Съ каждой общины было опредѣлено извѣстное число волонтеровъ. Къ этому прибавили знаменательное предписаніе: „Если добровольныя записи (втеченіи 3-хъ дней) окажутся недостаточны для пополненія требуемаго контингента, общины должны принять мѣры, какія покажутся имъ наиболѣе цѣлесообразными, чтобы достигнуть цѣли“. Такимъ образомъ, ослабѣвающій энтузіазмъ хотѣли замѣнить вынужденнымъ волонтерствомъ и, тѣмъ не менѣе, не добились желаннаго результата. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя оказалась необходимой новая, болѣе радикальная мѣра. Она была мотивирована слѣдующимъ образомъ въ адрессѣ, поданномъ 12

августа 1793 г. конвенту комитетомъ Общественнаго Спасенія. „Если вы потребуете 1,000,000 республиканцевъ, вы увидите, какъ они поднимутся, чтобы пойти раздавить враговъ свободы. Народъ не хочетъ болѣе тактической войны. Такъ какъ великое и всемірное дѣло французовъ состоитъ въ спасеніи республики *пусть васъ не безпокоятъ средства исполненія.* Опредѣляйте только принципъ".

23-го числа того же мѣсяца по рапорту Баррера былъ назначенъ общій наборъ при кликахъ: „Долой рекрутчину,—всеобщій наборъ".

Презрѣніе къ средствамъ исполненія ясно обнаруживается въ этой декламаторской фразелогіи. Указанія общей цѣли было недостаточно: не было предложено мѣръ для упорядоченія. Декретъ вотированъ, всѣ были призваны, но не всѣ явились. Милліоны требуемыхъ республиканцевъ ограничились нѣсколькими сотнями тысячъ. Національное движеніе свелось къ пустякамъ. Удовлетворились только внѣшностью и ее восхваляли. Говорили: вся Франція на ногахъ. Это было очень неточное выраженіе.

На самомъ дѣлѣ дѣйствовала незначительная часть. Малая партія сражалась съ удивительнымъ мужествомъ. Среди откликнувшихся на призывъ многіе постепенно уходили. Другихъ съ трудомъ удерживали на службѣ. Факты говорятъ громче всякихъ аргументовъ.

Шесть мѣсяцевъ послѣ общаго призыва, назначили новые сборы. Дюбуа-Крансе, указывая на необходимость новаго призыва въ 300,000 человѣкъ раньше мѣсяца, прибавлялъ: „Этотъ призывъ можетъ осуществиться лишь наборомъ всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, по ихъ наличному числу, *но не позволяя призываемымъ замъстительства*".

Конвентъ издалъ этотъ декретъ 24 февраля 1793 года, воспроизводя въ 4 пунктѣ такое печальное ограниченіе: „Волонтеры могутъ быть обязаны службой лишь на одну кампанію". Тѣмъ не менѣе замѣна была запрещена пунк. 7, потому что наборъ былъ общій.

По мѣрѣ увеличенія декретовъ цѣнность корпусовъ шла, все умеръшаясь. Первый прызывъ: волонтеры 1791 г., реквизиція 1792 и всеобщій наборъ 1793 г. обнаруживали замѣтное уменьшеніе въ качествѣ.

Изъ 900,000 человѣкъ, призванныхъ въ 3 раза, лишь малая часть оставалась въ войскахъ. Рапортъ Дю-

буа-Крансе конвенту 7-го февраля исчисляетъ ихъ въ 517 баталіоновъ, которые, казалось, составляли до 289,000 чел. Изъ этихъ состоящихъ въ войскахъ насчитывалось 1/3 неспособныхъ ни къ какой службѣ: неизлѣчимо больные, глухіе, кривые, хромые, старые, слабые, дѣти. Чтобы доставить свой контингентъ, города набирали негодяевъ, людей безъ призванія; въ деревняхъ брали нищихъ, бродягъ. Каждая мѣстность искала, такимъ образомъ, очищенія, отправляя безполезныхъ солдатъ.

Какое странное пониманіе рекрутчины! Идея гибельная, но очень древняя, восхваляемая какъ выгодная, царящая еще и теперь въ нѣкоторыхъ головахъ, и все же идея бѣдственная для арміи и, такъ сказать, для всей страны.

Армія оставалась прекрасной, хотя и ослабленной. Невозможно было болѣе ее рекрутировать, всѣ шли въ національную гвардію, гдѣ было особенно свободно.

Съ 1792 года Оберъ-Дюбайе, по мемуару генерала Кюстина, предложилъ амальгаму, т.-е. соединеніе одного линейнаго баталіона съ двумя баталіонами національной гвардіи. Это было отвергнуто.

Эта мысль снова была заявлена въ рапортѣ Дюбуа-Крансе конвенту, въ февралѣ 1793 года, отъ имени комитета войны. Онъ выставлялъ какъ принципъ, что всѣ, служащіе подъ знаменами, должны быть равноправны и разсматриваемы, какъ національные волонтеры. Эта ловкость оборота рѣчи заставила собраніе вернуться къ первому своему рѣшенію, и оно утвердило амальгаму 10 іюня 1793 г.. 12-го августа другой декретъ указалъ на способъ исполненія, но многія причины замедлили выполненіе его.

Наконецъ, декретъ 8 января 1794 г. предписалъ немедленное соединеніе полковъ въ бригады и волонтеры фактически исчезли въ линейныхъ войскахъ. Въ то время, даже послѣ реформы всѣхъ воображаемыхъ войскъ, существовало 725 баталіоновъ національныхъ волонтеровъ, которые въ соединеніи съ 213 линейными баталіонами дали 251 полубригаду. Немного спустя, 24 февраля 1794 года, конвентъ предписалъ еще призывъ: „Всѣ „французы, отъ 18 до 40 лѣтъ, не „женатые или вдовцы бездѣтные, назначаются въ продолжительный на„боръ до укомплектованія состава „въ 300,000 чел. и до того времени, „когда эти 300,000 чел., вооружен-

„ныхъ, одѣтыхъ, снаряженныхъ бу„дутъ присоединены къ войскамъ".

Двумя другими декретами предписанъ еще наборъ въ 70,000 чел., назначенныхъ на усиленіе кавалеріи и артиллеріи.

Полный наличный составъ войскъ непревосходилъ 620,000 челов., максимумъ ихъ силы въ 1794 году.

Призывы, реквизиціи и наборы слѣдовали одинъ за другимъ, а за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ, наличный составъ оставался слабымъ. 18 мѣсяцевъ спустя послѣ декрета о общемъ наборѣ (27 августа 1793), 8 мѣсяцевъ послѣ продолжительнаго набора (24 февраля 1794), Мерленъ де Тіонвиль писалъ 24 октября 1795 г. (?) въ своемъ рапортѣ комитету общественнаго спасенія. „Наши батальоны „сведены къ нулю вслѣдствіе дезер„тирства внутри".

Конвентъ, комитетъ общественнаго спасенія, правительство были безсильны. Декреты слѣдовали за декретами и, несмотря на употреблявшіяся тогда строгости, нельзя было добиться возможности ихъ выполненія. Способъ рекрутированія былъ плохъ или скорѣе его совсѣмъ не было. Призывали или требовали всѣхъ здоровыхъ, всѣхъ молодыхъ людей надлежащаго возраста. Ихъ отправляли, но немногіе достигали войска. Тѣ, кто отправлялся туда, вскорѣ въ большинствѣ случаевъ уходили оттуда.

Въ 1796 году Директорія предписала переформированіе первыхъ полубригадъ, слишкомъ ослабленныхъ. Число ихъ съ 251 пало почти до половины,—ихъ осталось только 140.

Чтобы воспользоваться всякимъ матеріаломъ законъ 1797г. учредилъ 200 новыхъ ротъ національныхъ ветерановъ, въ составъ которыхъ принимались раненые солдаты. Число ихъ возросло до 300.

Послѣ столькихъ восхваленій милиціи, стараній набрать волонтеровъ, воззваній къ патріотизму, признали, наконецъ, огромный недостатокъ такого пріема. Надо было, между тѣмъ, помочь отчаянному положенію комплектованія войскъ и отказаться отъ ненадежныхъ волонтеровъ, чтобы получить силы болѣе дѣйствительныя и болѣе постоянныя.

Въ 1798 г. въ совѣтѣ пятисотъ Журданъ настоялъ на введеніи всеобщей воинской повинности (конскрипціи) всѣхъ мужчинъ отъ 20 до 25 лѣтъ, съ пріемомъ на службу по жребію, но безъ замѣстительства. Каждый годъ надо было на-

бирать извѣстное число рекрутъ, другіе были освобождены отъ всякой службы. Никакая уравнительная мѣра не могла ослабить непріятнаго неравенства этой человѣческой томболы (tombola), гдѣ карьера, даже существованіе, зависѣли отъ случая. Эта плохая система казалась превосходной въ эту эпоху; она удержалась и отчасти существуетъ еще и теперь.

Продолжительность службы опредѣлена была въ 6 лѣтъ; вслѣдствіе постоянной войны мѣра эта стала фиктивной.

Этотъ законъ, между тѣмъ, сдѣлался основой комплектованія войскъ въ теченіи 72 лѣтъ, до роковой войны 1870 г. Продолжительность существованія его могла бы, казалось, доказать его доброкачественность, между тѣмъ онъ былъ очень плохъ.

Въ него вносились иногда нѣкоторыя измѣненія, но основы не колебались.

Въ 1799 г. болѣе 150.000 чел. были призваны безъ сопротивленія. Начинала организоваться правильная система.

Въ 1800 году Первый консулъ преобразовалъ корпусъ національныхъ ветерановъ въ 10 полубригадъ по 3 шестиротныхъ батальона каждая.

Эта эпоха славы заставила позабыть недовольства рекрутчиной съ 1790 до 1798 года. Вспоминаютъ только о хорошихъ войскахъ, которыя въ теченіи 17 лѣтъ прославляли наше знамя. Не слѣдуетъ, однако-же, забывать ихъ плачевные дебюты въ началѣ республики. Они даютъ убѣдительное предостереженіе противъ усвоенія всей системы рекрутчины, если бы кто вздумалъ вдохновиться ею.

Мало по малу армія становилась лучше по мѣрѣ того, какъ водворялся порядокъ въ умахъ. Во время консульства она получила разныя усовершенствованія и извѣстную прочность. Бонапартъ измѣнилъ формы существованія національной гвардіи; она принимала участіе лишь въ случаѣ нападенія иностранцевъ. Въ сентябрѣ 1803 года онъ далъ полубригадамъ названіе полковъ. Это былъ законный конецъ милиціи, которая въ дѣйствительности уже не существовала.

Имперія удержала систему конскрипціи съ жеребьевкой. Военныя дѣйствія принудили ее призвать позже старшіе разряды, а также до срока призвать очень молодые разряды; потомъ взять въ армію когорты національной гвардіи. Какъ

преувеличивали цифру войскъ республики, также впослѣдствіи представляли громадными силы имперіи. Онѣ не были такъ велики. „Максимумъ войскъ не превосходилъ „600,000 челов. Было бы страннымъ „заблужденіемъ предполагать, чтовсѣ „назначенные наборы были бы, въ дѣйствительности, выполнены; это была „военная хитрость, которой пользовались, чтобы внушать страхъ „иностранцамъ." (*Комментаріи Наполеона. Т. VI, стр. 92*).

Декретъ 1805 года раздѣлилъ императорскихъ ветерановъ, бывшихъ тогдавъ числѣ 12533 ч., на 100 ротъ, 15 изъ нихъ составили гарнизонный полкъ въ Парижѣ. Другіе были помѣщены въ крѣпостяхъ и фортахъ, чтобы помѣшать разложенію.

Въ 1812 г. національная гвардія была раздѣлена на 1-ое, 2-ое и всеобщее народныя ополченія. Первое, предназначенное для охраны границъ и крѣпостей, состояло изъ мужчинъ 20—26 лѣтъ, которые не попали въ призывъ. Второе состояло изъ мужчинъ отъ 26—40 лѣтъ. Третье состояло изъ мужчинъ отъ 40—60 лѣтъ. Каждая когорта состояла изъ восьми ротъ.

Въ виду новыхъ и большихъ потребностей Наполеонъ, въ 1813 г., составилъ линейные полки изъ когортъ перваго ополченія національной гвардіи, набранныхъ въ 1812 году. Туда присоединили батальоны депо, охотниковъ и т. д. 150 полковъ, сформированныхъ такимъ образомъ, были значительно хуже уничтоженныхъ во время предыдущей кампаніи. Они, конечно, были мужественны, но частью составлены изъ контингента до-срочныхъ, а потому имъ не доставало силы, неутомимости и военной опытности.

Въ 1814 г. ветераны, въ числѣ около 12,000, были преобразованы въ сто ротъ унтеръ-офицеровъ, фузелеровъ и канониpовъ.

Въ виду нашествія на Францію европейской коалиціи были объявлены огромные наборы. Народъ сбѣжался. Было очень трудно ихъ соединить и обучить въ то время, когда остатки кадровъ такъ опустѣли. Чтобы избѣжать замѣшательства, въ депо послали только 160,000 человѣкъ рекрутъ 1815 г.; другіе разряды надо было мобилизовать постепенно.

Въ 1815 году Наполеонъ, по возвращеніи съ острова Эльбы, пробуетъ не преобразовать армію, а только увеличить наличный составъ. Онъ ввѣряетъ защиту крѣпостей

національной гвардіи, которой помогаютъ батальоны отставныхъ Призываютъ всѣхъ, кого возможно, и прежнихъ, и будущихъ, разряды какъ запоздалые, такъ и будущіе. Эти условія не много помогли. Правда, срокъ былъ очень кратокъ. Въ два мѣсяца армія удвоена, а между тѣмъ едва достигаетъ 125,000 чел. для послѣдней борьбы во время подавленія Франціи.

XIII.

Рекрутчина во время реставраціи.

Во время реставраціи произошла реакція, которая дала себя почувствовать и въ рекрутскомъ наборѣ. Для того, чтобы преобразовать разбитую и разсѣянную армію, обращаются отчасти къ старому способу добыванія рекрутовъ. Во время „Ста дней“ конскрипція и жеребьевка были уничтожены и возстановлены пріемъ охотниковъ и премія за поступленіе на службу.

Въ 1815 году снова принимаются швейцарскія войска въ королевскій домъ.

Національная гвардія сперва сохраняется по старому, а затѣмъ вскорѣ преобразовывается: по одному легіону на округъ и по 6 ротъ въ легіонѣ.

Подготовляется окончательное преобразованіе арміи, которое производится законами 1818 и 1824 годовъ.

Вопреки мѣрѣ, установленной 4 года назадъ, принуждены возвратиться къ конскрипціи и жребію, чтобы обезпечить нормальный контингентъ рекрутъ. Замѣстительство скорѣе терпится, чѣмъ разрѣшается. Срокъ службы опредѣленъ въ 12 лѣтъ, изъ которыхъ 6 лѣтъ въ дѣйствующихъ войскахъ, а 6—ветеранами, которые составляли резервъ дѣйствующихъ войскъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, фигурировали въ видѣ него.

Закономъ 1818 года устанавливалось, что люди, окончившіе свой срокъ службы, получали названіе ветерановъ, и на время войны были обязаны шестилѣтней службой въ территоріальныхъ войскахъ. Ихъ называли мѣстными фузелерами и канонирами; у нихъ не было офицеровъ и никакой организаціи ученій. Были 10 ротъ унтеръ-офицеровъ, 35 фузелеровъ и нѣсколько ротъ канониръ. Во время кампаніи 1823 года ихъ призвали къ дѣятельности и отправили служить въ дѣйствующіе батальоны. Но вскорѣ принуждены были отправить ихъ обратно, такъ какъ они отказались заключить контракты на новый срокъ.

Въ 1820 году подролжительность службы была сокращена до 8 лѣтъ, вся служба—въ дѣйствующихъ войскахъ. Закономъ 9 іюня 1824 г. утверждена эта мѣра и уничтожена резервная служба ветерановъ; однако, они сохранили свое названіе.

Контингентъ былъ увеличенъ, и резервъ уничтоженъ закономъ. Въ дѣйствительности онъ отчасти сохранился, въ видѣ отпускныхъ или уволенныхъ до срока.

Національная гвардія была преобразована въ 1818 и 1825 годахъ. Въ Парижѣ кадры были уменьшены на 2 легіона. Либеральный духъ, одушевлявшій ее, принудилъ правительство распустить гвардію въ 1827 г.

XIV.

Рекрутчина во время конституціонной монархіи.

Правительство, свергнутое національной гвардіей, покинуло отечество и король удалился. Образовалась конституціонная монархія, сдѣлавъ большія уступки народной волѣ, представленной національной гвардіей. Вскорѣ по учрежденіи новое правительство занялось очень серьезно военными законами и заставило палаты вотировать ихъ.

Законъ 21 марта 1832 года коснулся и рекрутскаго набора. Онъ объявлялъ, прежде всего, что каждый гражданинъ долженъ жертвовать собою для защиты страны. Такимъ образомъ, онъ провозглашалъ теоретически принципъ обязательной службы, но остановился передъ примѣненіемъ его. Чтобы заставить принять этотъ принципъ, законъ измѣнилъ его различными освобожденіями и увольненіями въ интересахъ семьи или либеральныхъ профессій.

Законъ 1832 года, въ статьѣ 2-ой, гласилъ: „Исключаются изъ военной службы и не могутъ служить „въ арміи, присужденные къ двухлѣтнему тюремному заключенію и „болѣе“.

Статья 3-я раздѣляла контингентъ на двѣ части: 1-я—наличный составъ, содержимый подъ знаменами; 2-я—освобожденные или уволенные въ отпускъ домой. Они образуютъ, такимъ образомъ, родъ необученнаго резерва.

Статья 5-я устанавливала жеребьевку.

Статья 13-я перечисляла всѣ случаи освобожденія и, дѣлая необходимую уступку духу времени, статья 19-я устанавливала замѣстительство. На этотъ разъ оно было введено законодательнымъ порядкомъ, такъ

какъ оно болѣе или менѣе практиковалось съ 1790 года.

Къ этому времени народное богатство получило огромное развитіе. Всѣ старались съ пользою примѣнить свои способности на разнообразныхъ поприщахъ. Стремленіе къ благосостоянію, а также и живое воспоминаніе о продолжительныхъ прошедшихъ войнахъ, отнимало у арміи много людей, особенно зажиточныхъ. Оказалось невозможнымъ отказывать имъ освободиться отъ службы путемъ замѣны себя другимъ.

Государство и военныя власти, конечно, не принимали участія въ этой грязной торговлѣ, которая безчестила армію. Были основаны бюро торговли людьми, гдѣ разыскивали лицъ, которыя добровольно, за извѣстную сумму, величина которой колебалась, подписывали актъ замѣны. Изъ нихъ многіе были порядочные люди и оказывались хорошими солдатами.

Законъ 1832 года (статья 30-я) опредѣлилъ срокъ службы въ 7 лѣтъ, считая съ 1-го января того года, когда тянули жребій. Онъ допускалъ увольненіе въ безсрочный отпускъ и освобожденіе до срока, чтобы облегчить бюджетъ и увеличить резервъ. Этотъ послѣдній можно было привлекать отъ времени до времени къ занятіямъ. Это послѣднее предположеніе не было примѣнено на дѣлѣ и, вслѣдствіе этого, резервъ потерялъ большую часть своей цѣны.

Статья 31-я провозгласила такой принципъ:

„Во французскихъ войскахъ не „будетъ ни денежной преміи и ни„какой награды за добровольное по„ступленіе въ солдаты". Это рыцарское мнѣніе, это отвращеніе къ деньгамъ, связаннымъ съ военной службой, конечно, достойны похвалы, несмотря на статью 19-ю, дозволявшую замѣстительство, не говоря о наградахъ, которыя подразумѣвались.

Статья 33-я опредѣляла срокъ добровольной службы въ 7 лѣтъ, сообразно съ общимъ срокомъ службы, а 36-я статья допускала поступленіе на сверхсрочную службу на сроки отъ 2—5 лѣтъ.

Рядомъ съ этимъ закономъ находились распоряженія для поддержанія ветерановъ.

Въ 1830 г. мѣстныя роты состояли изъ 10 ротъ унтеръ-офицеровъ, 30 ротъ фузелеровъ, 13—канонировъ и 2 ротъ жандармовъ. Приказъ 26 ноября 1830 года учреждалъ въ каждомъ департаментѣ,

путемъ добровольнаго зачисленія, роту ветерановъ арміи. 26 іюля 1831 года мѣстныя роты были уничтожены и преобразованныя въ новыя, которыя получили названія рота унтеръ-офицеровъ-ветерановъ, фузелеровъ, канониръ и проч.

Въ январѣ 1833 года число ротъ было уменьшено съ 66 до 30.

Позднѣе были сформированы еще, но потомъ ихъ сократили. Съ 1840 по 1847 годъ ихъ было только 38. Отъ нихъ было мало пользы и служили онѣ только для того, чтобы удержать старыхъ солдатъ до ихъ отставки, что, давая мало выгодъ, предоставляло много неудобствъ.

Онѣ не составляли резерва. Въ это время объ немъ много говорилось, но безъ осуществленія. Ограничивались только проектами. Резервъ состоялъ только изъ людей, уволенныхъ въ отпускъ или временно освобожденныхъ, которыхъ можно было призвать по ходу событій. Прослужившіе долго, были уже достаточно обучены. Что же касается второй части этого класса, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которые не были въ войскахъ,—они ничего не знали.

Этотъ законъ заключалъ множество несправедливостей. Небольшая часть несла очень продолжительную службу. Всѣ же остальные были отпущены безъ всякой замѣны.

Несмотря на эти несовершенства, законъ этотъ держался до 1848 года, далъ довольно хорошіе результаты и поднялъ военное значеніе страны.

Перевороты 1814 и 1815 годовъ уничтожили могущество но не военное главенство Франціи. Иностранцы признавали его всегда, въ теченіи 15 лѣтъ реставраціи, во время которыхъ армія возстановилась.

Революція 1830 года возвратила арміи свободу развитія. Она сдѣлала большіе успѣхи, а покореніе Алжира сильно способствовало этому. Нельзя сказать, чтобы она вновь завоевала первое мѣсто, потому что она никогда и не теряла его. Другія страны учились у нея, ей подражали и принимали, по частямъ, ея принципы и методы. Франція была тогда образцомъ хорошо организованныхъ военныхъ силъ, очагомъ, изъ котораго сіяла военная наука.

Это блестящее военное положеніе измѣнилось однако съ учрежденіемъ національной гвардіи, которая вызвала соперничество между гражданской милиціей и арміей. Ея преобладаніе подорвало мало-по-малу принципы военныхъ учрежденій.

Національная гвардія, состоявшая изъ избирателей, не представляла изъ себя правительствующаго класса, но классъ людей, обладающихъ цензомъ. Она, конечно, была оберегаема правительствомъ; поэтому чувствовала свое могущество и злоупотребляла имъ. Она имѣла преимущество передъ арміей. Она была многочислена и была силой вотирующей, рядомъ съ дѣйствительной военной силой, которая вотировать не могла. Эта разница, самая важная, роковымъ образомъ, тяготѣла надъ нашими военными учрежденіями, и теперь еще чувствуется въ ней противодѣйствіе.

Комплектованіе національной гвардіи испытывало довольно значительныя ограниченія. Въ нее не допускались ни осужденные, ни несостоятельные должники, ни бѣдняки, ни бродяги, ни слуги и пр., всѣ тѣ, кто не пользовался уваженіемъ, не былъ свободенъ, по старой памяти Греціи и Рима. Въ результатѣ получалась скорѣе гражданская гвардія, чѣмъ національная. Въ этомъ заключались всѣ ея недостатки.

Эра 1830 года получила свои характеристическія черты отъ странной національной гвардіи, которую она держала и которой она могла воспользоваться, только расточая ей всяческимъ образомъ лесть. Жаждущая выгодъ и военной формы, отвергая связанные съ ней тягости, она ждала первенства, почестей, наградъ, отказываясь даже отъ легкой службы, которую возлагали на нее. Она съ удовольствіемъ носила мундиръ и еще съ большимъ султанъ; она парадировала на смотрахъ, въ дни своихъ торжествъ, но не хотѣла идти на занятія, ни нести какихъ бы то ни было карауловъ. Она показывалась на улицахъ во время мятежей, колеблющаяся относительно участія, которое она приметъ. Обыкновенно она дѣйствовала противъ правительства; готовая иногда поддержать его, она чаще готова была свергнуть его.

Безсильная къ добру, всегда расположенная къ критикѣ и разрушенію, политическое учрежденіе, желавшее казаться военнымъ, она начала и продолжала антипатріотическое дѣло уменьшенія арміи. Послѣдняя сопротивлялась, но власти всегда были противъ нея, политика брала верхъ, армія жила въ сторонѣ, сохраняла еще рыцарскій духъ, избѣгала слишкомъ обуржуазиться; между тѣмъ ея нравственное паденіе проявлялось.

XV.

Рекрутчина во время второй имперіи.

Монархія 1830 года пала, благодаря національной гвардіи, къ которой она была такъ снисходительна, а армія, которой не смѣли воспользоваться, чтобы подавить мятежъ, была оплевана.

Положеніе вещей, повидимому, измѣнилось; но въ сущности осталось все также и во время второй имперіи. Не доставало военнаго духа, и невозможно было имѣть его. Обязанная плебисциту, т. е. происшедшая какъ результатъ народнаго голосованія она (вторая имперія) оказалась обязанной дѣлать уступки, благодаря самому своему происхожденію.

Милитаризмъ не вызвалъ къ себѣ болѣе заботъ, чѣмъ при предшествующей монархіи; во всякомъ случаѣ, онъ оказался принесеннымъ въ жертву избирателямъ. Когда эти послѣдніе обсуждали попутно уничтоженіе имперіи, армія, которая не имѣла тамъ никакого значенія, была еще обвинена.

Въ началѣ дѣла шли хорошо; однако, существовалъ серьезный недостатокъ въ рекрутскомъ наборѣ арміи: замѣстительство. Рѣшено было не уничтожить его, но преобразовать.

Торговля бѣлыми (la traite des blancs), хотя и установленная закономъ, совершалась внѣ вѣдѣнія государства, какъ постыдный промыселъ. Вторая имперія, имѣя въ виду всеобщее осужденіе этого торга, обошла затрудненіе. Она отмѣнила замѣстительство и, подъ названіемъ освобожденія, сдѣлала его правительственнымъ установленіемъ, которое назвали административной замѣной (выкупъ). Она устроила спеціальную кассу для сбора пожертвованій на армію. Кто вносилъ туда, опредѣляемую ежегодно, сумму, тотъ оказывался свободнымъ отъ службы, не безпокоясь болѣе о ней. Государство сдѣлало призывъ на сверхсрочную службу, предлагая за это преміи и замѣну; такимъ образомъ, тѣхъ, кто не хотѣлъ идти на службу. Въ результатѣ оказалось тоже самое. Разница заключалась только въ томъ, что не происходило прямого торга между замѣщаемымъ и замѣщающимъ.

Такова была сущность закона 26 апрѣля 1855 года, который имѣлъ претензію уничтожить замѣстительство, устанавливая вмѣсто него освобожденіе.

Другія условія рекрутскаго набора оставались тѣ же самыя, что и прежде. Резервы были слабы, плохо или совершенно не обучены; ими болѣе не занимались. Роты ветерановъ продолжали существовать, уменьшаясь постоянно въ числѣ. Ихъ должны были распустить, за недостаткомъ наличныхъ силъ (faute d'effectif), сначала—въ 1854, потомъ—въ 1858 году. Послѣ этого оставили только одну роту унтеръ-офицеровъ и одну роту фузелеровъ.

Не безполезно напомнить здѣсь прошлое этихъ отрядовъ старыхъ солдатъ, которымъ, въ 1896 году, исполнилось 200 лѣтъ существованія. Очень почтительные и преданные при образованіи, они блистали одно время, во времена имперіи. Затѣмъ, сдѣлавшись безполезными и представляя затрудненія, они исчезли къ концу второй имперіи. Память о нихъ, къ которой нѣкоторые взываютъ, пытаясь ихъ возстановить теперь, представляла-бы настоящій анахронизмъ. Время ихъ прошло и ихъ нельзя воскресить.

Не смотря на успѣхи армій второй имперіи, ихъ нравственныя доблести уменьшились. Монархія 1830 года и плебисцитарная имперія были вынуждены сдѣлать большія уступки гражданамъ и, вслѣдствіе этого, уменьшить армію, которую разрушительныя изданія критиковали, оскорбляли и на которую нападали безпрерывно. Проявилась въ нѣкоторомъ родѣ распущенность. Нравственная зрѣлость пришла къ истощенію. Сантиментализмъ проявлялся со всѣхъ сторонъ. Къ необходимой строгости почувствовали отвращеніе. Власть сама себя обезоружила въ то время, когда элементы неповиновенія размножались.

Упадокъ военныхъ добродѣтелей становился чувствительнымъ. Императорскій фетишизмъ принялъ размѣры, неизвѣстные въ царствованіи Наполеона I. Къ этому присоединилось назначеніе (dotation) сенаторовъ; всякое проявленіе независимости было подавлено. Наполеону III не рѣшались дѣлать такихъ почтительныхъ указаній, которыя выслушивалъ даже Людовикъ XIV. Императоръ не былъ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ, онъ этого требовалъ. Сожалѣли о происходящемъ злѣ, но молчали, хотя однако же его замѣчали.

Монархія 1830 года дала превосходныхъ солдатъ. Ихъ видѣли въ дѣлѣ въ Африкѣ, гдѣ они были удивительны. Они были еще въ Крыму, гдѣ прославляли ихъ храб-

рость. Они служили съ сознаніемъ долга и не заслуживали обвиненія. Въ огнѣ они проявили себя превосходными.

Во время итальянской кампаніи 1859 г. они оказались менѣе хорошими. Нельзя было разсѣять столь очевидные признаки паденія. Эти люди не стоили крымскихъ солдатъ и паденіе арміи проявилось.

Наличный составъ французской арміи былъ очень незначителенъ, вслѣдствіе бюджетныхъ затрудненій. Кромѣ того у нея былъ только незначительный резервъ. Австро-прусская война 1866 г. привлекла общее вниманіе. Нѣкоторые серьезные умы были озабочены серьезной опасностью, которую представляло внезапное развитіе Пруссіи, націи честолюбивой, мало разборчивой въ средствахъ и располагающей огромной силой, благодаря принятой ею системѣ вооруженной націи.

Пруссія мало-по-малу, безъ шума, привела въ дѣйствіе смягченный многими исключеніями и терпимостью, принципъ обязательной службы который она позаимствовала у Швейцаріи. Съ 1792 года Шарнгорстъ поддерживалъ постоянныя арміи, считая ихъ лучше вооруженной націи, волонтеровъ и поголовнаго ополченія этого времени. Позднѣе, побѣды французскихъ войскъ привели его къ другой мысли. Послѣ Аустерлица, въ маѣ 1806 года, онъ предложилъ проектъ національной милиціи, которую Пруссія старалась безпрестанно улучшать.

Ея положеніе, въ 1867 году, стало значительное и угрожающее, какъ военной силы. Если сравнить его съ положеніемъ Франціи, то Пруссія оказалась бы выше и казалась расположенной воспользоваться своимъ превосходствомъ. Слѣдовало рѣшительно позаботиться о себѣ и усилить наши слабые резервы. Маршалъ Ніель (Niel) занялся этимъ и предложилъ мѣры, необходимость которыхъ говорила сама за себя (s'imposait). Онѣ вызвали горячую оппозицію со стороны передовой партіи, не видѣвшей или старавшейся не видѣть опасность. Съ большимъ трудомъ удалось провести законъ 1-го февраля 1868 года. Однако-же этого достигли. Это составляло значительный успѣхъ.

Первая часть или первый отдѣлъ, прежде всего, измѣнялъ правила рекрутскаго набора. Статья 1-я опредѣляла срокъ службы молодыхъ солдатъ, составлявшихъ часть контингента, въ пять лѣтъ; послѣ чего

они переходили въ резервъ, гдѣ служили въ продолженіи четырехъ лѣтъ.

Срокъ службы начинался съ 1-го іюля года вынутія жребія. Въ безсрочные отпуски могли быть увольняемы наиболѣе старые солдаты дѣйствующихъ войскъ.

Право поступленія вольноопредѣляющихся, не менѣе какъ на два года, и поступленія на сверхсрочную службу отъ двухъ до пяти лѣтъ—было сохранено.

Замѣщеніе по окружной росписи и замѣстительство снова оказались утвержденными, согласно правилъ закона 1832 года, возстановленныхъ во всей силѣ. Освобожденіе было уничтожено.

Эти распоряженія улучшили, до нѣкоторой степени, состояніе дѣйствующихъ войскъ, однако, не усиливая ихъ. Ей недоставало достаточнаго и обученнаго резерва, что и старались получить.

Вторая часть закона 1-го февраля 1868 года, или отдѣлъ II, создала дополнительную силу, называемую подвижной гвардіей (la garde mobile). Она состояла изъ людей, не принятыхъ въ наборъ, изъ освобожденныхъ, изъ тѣхъ, которые были замѣнены, наконецъ, изъ тѣхъ, которые желали сюда поступить.

Срокъ службы былъ опредѣленъ пяти-лѣтній, считая съ 1-го іюля года вынутія жребія.

Ее организовали по департаментамъ и надѣялись пріобрѣсти въ ней отъ 110,000 до 115,000 ежегодно или въ 5 лѣтъ 550.000 человѣкъ.

Законъ назначилъ для этой военной силы 15 дней ученій въ годъ, не считая времени на прибытіе на сборный пунктъ. Идея была прекрасна, но политическія затрудненія испортили ее нѣкоторыми дурными мѣропріятіями.

Статья 9-я, напримѣръ, гласила: „Тѣ, кто докажетъ достаточное „умѣнье владѣть оружіемъ и знаніе „школы солдата, освобождаются отъ „занятій“. На это исключеніе, такъ неудачно введенное, позднѣе будутъ ссылаться для противодѣйствія обученію резервистовъ, и мы видимъ, что теперь требуютъ возстановленія его.

Закономъ 1868 года были учреждены роты волонтеровъ—вольныхъ стрѣлковъ. Присоединенныя къ подвижной гвардіи, они все-же получили по закону нѣкоторую, прискорбную въ основаніи своемъ, независимость, результаты которой были печальны.

Однако, въ этотъ законодательный документъ были внесены нѣ-

„которыя полезныя мѣры. Статья 48, между прочимъ, гласитъ: „До дол„ныхъ 30 лѣтъ никто не будетъ „принятъ ни на какую гражданскую или военную должность, если „онъ не докажетъ выполненія обя„занностей, налагаемыхъ настоя„щимъ закономъ“.

Въ этомъ чувствуется, нѣкоторымъ образомъ, возвращеніе къ обычаямъ древнихъ римлянъ. Только военная служба давала возможность получать должности, которыя представляли какъ бы дополненіе ея. Также какъ и многіе другіе принципы, и этотъ остался во Франціи только въ теоріи.

Подвижной гвардіи постарались придать видъ военный, по крайнѣй мѣрѣ, въ формѣ, чтобы отличить ее отъ мѣстной національной гвардіи.

Отчетъ министра, глава II, гласитъ: „Подвижная національная „гвардія не составляетъ части арміи; „но она представляетъ вспомога„тельное войско. На этомъ основа„ніи она должна быть поставлена „исключительно въ вѣдѣніе военнаго „начальства, которое одно только „можетъ дать хорошее направленіе „обученію и обезпечить поддержа„ніе дисциплины“.

Вслѣдствіе этого, на офиціальныхъ собраніяхъ, части мѣстной національной гвардіи занимали мѣсто правѣе арміи, а подвижная гвардія располагалась лѣвѣе ея. Наконецъ, въ случаѣ равенства чиновъ, командованіе принадлежало офицеру арміи.

Законъ 1868 года представлялъ дѣйствительный прогрессъ. Впервые былъ учрежденъ сильный резервъ и онъ долженъ быть обученъ. Онъ образовалъ также военное сословіе, очень важное тогда.

Тогда насчитывалось 270,000 человѣкъ, которые, не будучи собраны и безъ воинскаго образованія, составляли родъ резерва. По истеченіи пяти лѣтъ, подвижная гвардія должна была дать 550,000 человѣкъ, хотя нѣсколько обученныхъ. Если прибавить сюда около 400,000 дѣйствующихъ войскъ, то получимъ въ итогѣ 1.220,000 человѣкъ, которыхъ можно было выставить противъ врага. Кромѣ того, можно было расчитывать на мѣстную національную гвардію, которая, въ случаѣ войны, доставила бы довольно значительную силу для обороны крѣпостей.

Эти предположенія, конечно, преувеличенныя, были бы, безъ сомнѣнія, осуществлены, еслибы дѣ-

лами руководило военное чутье, патріотическій духъ и энергическая воля. Этого-то и не доставало; приготовленія прекратились почти на всѣхъ пунктахъ и когда, два года спустя, началась война, законъ 1868 года не могъ принести еще всѣхъ своихъ плодовъ.

XVI.

Военныя силы, созданныя въ 1870—71 годахъ.

Вслѣдствіе чрезвычайной беззаботности, когда начались враждебныя дѣйствія, армія совершенно не была подготовлена къ войнѣ. Даже дисциплина въ это время была поколеблена необдуманными мѣрами. Ослабленіе военныхъ учрежденій и даже нравовъ чувствовалось вслѣдствіе долгаго періода мира. нападокъ печати и слабости правительства ихъ обуздать.

И армія выступила на границу не вполнѣ сформированная и чувствующая недостатокъ во многомъ. Происшедшія вскорѣ событія послѣдовательно требовали призыва людей.

26-го іюля 1870 года декретъ призываетъ къ дѣйствію 90,000 человѣкъ срока 1869 года.

Оказывается необходимымъ сформированіе четвертыхъ баталіоновъ въ полкахъ. Подвижная гвардія созывается во всей Франціи.

Законъ 10 августа 1870 года предписываетъ созывъ подъ знамена всѣхъ бывшихъ военныхъ, холостыхъ, имѣющихъ менѣе 35 лѣтъ и не состоящихъ въ спискахъ подвижной гвардіи.

Законъ 12 августа возстанавливаетъ національную гвардію во всѣхъ департаментахъ и предписываетъ немедленную реорганизацію.

Закономъ 18 августа, зачисляются въ подвижную гвардію всѣ люди срока 1865 и 1866 годовъ, которые еще не состояли въ ней.

Эти различныя, столь запоздавшія, мѣропріятія естественно неудовлетворительны, какъ въ количественномъ, такъ особенно въ качественномъ отношеніи.

Къ сентябрю мѣсяцу, послѣ нашихъ пораженій, въ депо было около 50,000 человѣкъ, которые по большей части, вовсе не были солдатами. Надлежало создать, изобрѣсти новые источники.

Съ 19 сентября по 10 октября, утилизируя силы депо, войска, прибывшія изъ Алжира и войска, доставленныя флотомъ, собрали приблизительно 100,000 человѣкъ, составлявшихъ два корпуса—15-й и 16-й.

Этого было, конечно, мало противъ наступавшаго врага. Пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ революціоннымъ, подъ различными наименованіями. Была проявлена огромная дѣятельность, сдѣланы огромныя усилія, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, честь страны.

Перечень ихъ очень длиненъ. Они заслуживаютъ того, чтобы напомнить ихъ, въ общихъ чертахъ, чтобы показать опасность, такъ же, какъ и безуспѣшность, поспѣшныхъ рѣшеній въ дѣлѣ рекрутскаго набора.

Декретомъ 29 сентября 1870 г. введена организація въ роты подвижной національной гвардіи, всѣхъ волонтеровъ, не принадлежащихъ ни къ арміи, ни къ подвижной гвардіи, а также и всѣхъ холостяковъ въ возрастѣ отъ 21 до 40 лѣтъ.

Декретомъ 1 октября призваны подлежавшіе призыву по сроку 1870 года,—около 151,000 человѣкъ.

11 октября—новый декретъ, объ организаціи подвижной національной гвардіи. Изъ нея формируются роты по общинамъ, силою 100—200 человѣкъ. Они образуютъ одинъ или нѣсколько батальоновъ въ кантонѣ. Батальоны одного и того-же округа образуютъ легіонъ. Соединеніе легіоновъ составляютъ бригаду, носящую имя департамента. Всѣ младшіе офицеры назначаются по избранію: возобновленіе старой и роковой мѣры великой революціи, которая создала начальниковъ, лишенныхъ всякаго нравственнаго вліянія.

Декретомъ 14 октября соединены, подъ именемъ вспомогательныхъ войскъ, подвижная гвардія, мобилизованная національная гвардія, вольные отряды и пр., все, что не принадлежало къ дѣйствующей регулярной арміи.

Декретомъ 22 октября организована бретонская армія, составленная изъ подвижной гвардіи, мобилизованной національной гвардіи и вольныхъ отрядовъ департаментовъ Запада.

Декретомъ 2 ноября мобилизованы всѣ здоровые люди въ возрастѣ отъ 21—40 лѣтъ, женатые и вдовцы, имѣющіе дѣтей. Префекты должны были сформировать изъ нихъ военные отряды и передать ихъ въ вѣдѣніе военнаго министра не позже 19 ноября.

Декретомъ 3 ноября приказано каждому департаменту сформировать на свой счетъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ по одной полевой

батареѣ на каждые 100,000 жителей.

Таковы были изданныя распоряженія; посмотримъ, какъ это выразилось числомъ людей.

Къ 15 сентября въ африканскихъ войскахъ и депо насчитывалось около 180,000 человѣкъ Прибавить подвижную гвардію (lagarge mobile) 225,000; часть призыва по сроку 1869 года, включенная въ подвижную гвардію—140,000; призывъ 1870 года 160,000; вольные отряды и волонтеры, поступившіе во время войны 30,000; холостяки и бездѣтные вдовцы моложе 35 лѣтъ, призванные закономъ 10 августа—170,000; холостяки и бездѣтные вдовцы призыва 1865 и 1866 года, включенные въ подвижную гвардію закономъ 13 (18?) августа — 10.000. Итого 915,000 человѣкъ. Кромѣ того 16,000 жандармовъ.

Изъ этого числа, можно предполагать, въ теченіи времени съ 10 октября 1870 года по 2 февраля 1871 г. около 600,000 человѣкъ были выставлены противъ наступающихъ и принуждены были служить болѣе или менѣе серьезно.

Большая часть этихъ рекрутъ была совсѣмъ не обучена. Матеріальная часть артиллеріи была неудовлетворительна; въ ружьяхъ и боевыхъ припасахъ чувствовался недостатокъ. Лошадей тоже не хватало. Худо-ли, хорошо-ли, сформировали 12 армейскихъ корпусовъ, импровизированные кадры которыхъ оказались, конечно, довольно посредственными въ смыслѣ профессіональной пригодности.

Напряженіе было значительно въ такое короткое время. Результатъ былъ тотъ, какъ и во всѣхъ временныхъ организаціяхъ. Храбрость и увеличеніе войскъ спасли честь страны, но не могли помѣшать окончательному пораженію, которое многія причины сдѣлали неизбѣжнымъ.

XVII.

Обязательная служба, введенная въ 1872 г.

Миръ заключенъ; оставшіяся военныя силы всѣхъ родовъ были соединены; занялись съ грѣхомъ пополамъ ихъ преобразованіемъ. Военный законъ почти цѣликомъ нужно было передѣлать, особенно часть, касающуюся рекрутскаго набора.

Ужасная дѣйствительность явно доказывала опасность отсутствія обученныхъ резервовъ и недостатокъ постоянно готовой матеріальной части. Стали отыскивать средства устранить это.

Какъ мы въ началѣ изложили, во Франціи послѣдовательно примѣнялись всѣ способы рекрутскаго набора; были проведены всѣ принципы. Въ силу обстоятельствъ, восторжествовалъ принципъ численности.

Дѣйствительное или законное равенство гражданъ, казалось, неизбѣжно влекло за собой равенство налоговъ. Платить подать и защищать страну,—казались двумя безусловными обязанностями, или, лучше сказать, долгомъ: поддержать родину своею кровью и деньгами. Прежде дѣлали ошибку, давая право голоса всѣмъ гражданамъ, не обязывая всѣхъ служить. Даровали право, не наложивъ обязанностей. Между тѣмъ первое не можетъ быть безъ второго. А это былъ естественный законъ, указаніе, добытое здравымъ смысломъ, требованіе національной солидарности.

Долго спорили прежде, чѣмъ формировать способъ примѣненія,—такъ трудно было вкоренить простыя вещи. Вспомнили, что первая республика не провозгласила обязательную службу. Причина казалась явной. Гражданинъ былъ тогда не полноправнымъ—у него не было права голоса. Не обладая всѣми правами, нельзя было исполнять всѣхъ обязанностей. Тогда поступали логично.

Республика 1848 года оказалась, напротивъ, непослѣдовательной. Въ своемъ рвеніи объявить всеобщую подачу голосовъ, она забыла установить всеобщую воинскую повинность.

На національномъ собраніи 1871 года должны были прійти къ истинѣ. Необходимость, несчастія открыла глаза и предубѣжденнымъ. Признали и объявили, что военный долгъ и гражданскія права были между собой тѣсно связаны и составляли двѣ половины одного цѣлаго.

Дѣйствительно, во всѣ времена вольноотпущенный, рабъ, пролетарій добивались военной службы, какъ средства получить званіе гражданина.

Только военная служба съ начала вѣка доставляла ему полноту гражданскихъ правъ. Она націонализировала. Всякій иностранецъ, рожденный во Франціи, выполняя законъ воинской повинности, дѣлался тотчасъ французомъ, избирателемъ, достойнымъ занять всѣ должности.

Это огромное право раньше считалось ничтожнымъ, и не помышляли о томъ, чтобы сдѣлать его

основой народнаго права въ нашей странѣ. Всякій, кто отбывалъ военную службу, исполнялъ, безъ сомнѣнія, свой долгъ, но пріобрѣталъ права, которыя ему нужно было цѣнить, по крайней мѣрѣ, такъ же, какъ и натурализованному. Всѣ должности были ему открыты и тотъ, кто, по той или другой причинѣ, не отбылъ военной службы, не могъ занять мѣсто въ гражданской организаціи страны.

Это правило, такое простое и вѣрное, ускользало иногда отъ законодателей, а на этотъ разъ его утвердили закономъ.

Въ это время дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы проводить разницу въ положеніи гражданъ, какъ въ Греціи и Римѣ. Всѣ отнынѣ были равны по положенію. Благодаря средствамъ, получаемымъ торговлей, ремеслами, искусствами и пр., уничтожившимъ преимущество земли, не разъ останавливались передъ поворотомъ къ первымъ вѣкамъ: призывать всѣхъ и объявить солдатомъ всякаго здороваго субъекта.

Примѣръ Пруссіи, которая побѣдила, далъ ясное и точное указаніе. Позаимствованная въ республиканской Швейцаріи обязательная служба, примѣненная послѣ Іены, усовершенствованная въ продолженіи многихъ лѣтъ прусской абсолютной монархіей, сдѣлалась грознымъ орудіемъ власти. Она была не безъизвѣстна; указывали на опасности его, но не хотѣли этому вѣрить. Но когда оно направилось противъ насъ, очень многіе были удивлены. Оно показалось тогда болѣе значительнымъ, чѣмъ было въ дѣйствительности.

Теоретическія идеи пришли въ соглашеніе съ практическимъ примѣненіемъ. Считали выгоднымъ принять ихъ во Франціи, просто и чисто, не стараясь избѣжать неудобствъ, которыхъ, впрочемъ, не замѣчали.

Законъ 27 іюля 1872 года, освящая новый принципъ массы, провозгласилъ обязательную службу, формулируя ее въ первой статьѣ такъ:

„Каждый французъ обязанъ лич-
„ной военной службой“.

Это теоретическое утвержденіе, неясное и неполное, оказалось сразу и слишкомъ абсолютнымъ, и непримѣнимымъ. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе, пораженное неудачей и жаждущее обновленія, высказалось благопріятно. Обращеніе къ національному собранію, чтобы добиться закона, хорошо выражало чувства страны слѣдующи-

ми словами, сказанными по поводу обязательной службы: „Франція не только принимаетъ ее, она требуетъ ее".

Возбужденіе умовъ, временный пылъ, необузданное желаніе, чтобы принципъ равенства казался удовлетвореннымъ, объясняютъ этотъ родъ опьяненія. Размышленіе очень быстро успокоило это возбужденіе. Теперь видятъ печальное доказательство этого. Въ то же время приходилось считаться съ постановленіемъ очень суровымъ.

На практикѣ оказалось необходимымъ смягчить этотъ законъ, слишкомъ рѣшительный по своему выраженію. Освобожденія, многочисленныя льготы, увольненія до срока, отсрочки, измѣнили его въ основаніи. Однако, было постановлено, что, за исключеніемъ увольненія, остальныя льготы не были окончательнымъ освобожденіемъ (ст. 4).

Не было принято ни замѣстительство, ни льготы; было допущено только поступленіе вольноопредѣляющимся на одинъ годъ, что существовало въ Пруссіи и представляло другой способъ получить льготу на часть всего срока военной службы.

Хотя срокъ службы въ Пруссіи былъ всего трехгодичный рѣшено было, въ силу обстоятельствъ, сохранить во Франціи пятилѣтній, какъ это было установлено закономъ 1868 года. Принимая во вниманіе большое количество призываемыхъ и нужды бюджетныя, оказалось необходимымъ весь контингентъ раздѣлить на двѣ части: одна изъ нихъ служитъ все время, другая же только часть.

Началомъ службы считалось 1-е іюля года вынутія жребія (ст. 38), которое производилось слѣдующимъ образомъ: всѣ люди, признанные годными къ службѣ, призывались (ст. 39). Къ концу года одна часть отпускалась домой (ст. 40). Нѣкоторые, смотря по степени ихъ обученія, могли быть уволены даже по истеченіи 6 мѣсяцевъ (ст. 41). Тѣ и другіе состояли причисленными къ дѣйствующимъ войскамъ и могли быть вновь призваны (ст 42).

Раздѣленіе контингента на двѣ части было предметомъ оживленнаго спора. Считалось необходимымъ принять общую мѣру, одинаковую для всѣхъ, болѣе простую теоретически и исключающую всякое пользованіе милостью. Въ политикѣ соціальныя затрудненія противоставлялись этой химерической справедливости. Пришлось прибѣгнуть

къ уступкамъ. Онѣ выразились исключеніями, льготами, изъятіями, пріемомъ вольноопредѣляющихся, смотря по тому, къ чему они примѣнялись—къ физическимъ свойствамъ, семейнымъ обстоятельствамъ или общественнымъ условіямъ.

Нѣкоторые недостатки сложенія дѣлали неспособнымъ къ военной службѣ, равно какъ и къ добыванію средствъ существованія и, въ такомъ случаѣ, освобожденіе необходимо (ст. 16).

Интересъ семейный не позволяетъ всегда брать у нея главу и единственную опору и льгота до нѣкоторой степени справедлива (ст. 17 и 22).

Отсрочка въ теченіи двухъ лѣтъ казалась необходимой по недостатку роста или слабости сложенія (ст. 19 и 20).

Въ виду необходимости высшаго образованія и на время ученія допускается отсрочка призыва на одинъ годъ, которую можно возобновить на второй годъ (ст. 23).

Наконецъ, былъ установленъ условный пріемъ на одинъ годъ, для молодыхъ людей баккалавровъ, имѣющихъ дипломъ высшаго образованія (dofin d'etudes) или свидѣтельства о знаніи службы (ст. 53), по выдержаніи экзамена, назначеннаго военнымъ министромъ (ст. 54). Принятый условно долженъ одѣться, обзавестись всѣмъ необходимымъ, снарядиться и содержать себя на свой счетъ (ст. 55).

Законъ вводилъ добровольное поступленіе (ст. 46) на пять лѣтъ (ст. 47) и допускалъ увольненіе вышеуказанныхъ лицъ до истеченія пятилѣтняго срока службы подъ знаменами (ст. 48).

На сверхсрочную службу можно зачисляться на сроки отъ двухъ до пяти лѣтъ, при чемъ это зачисленіе возможно возобновлять для капраловъ и рядовыхъ до 29 лѣтъ, а для унтеръ-офицеровъ до 35 лѣтъ (ст. 51).

Законъ установилъ нѣкоторыя преимущества соотвѣтственно продолжительности службы. Всякій, кто прослужилъ подъ знаменами двѣнадцать лѣтъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ четыре года унтеръ-офицеромъ, получалъ, по мѣрѣ открытія вакансій, гражданскую или военную должность (ст. 71). Законъ устанавливалъ, наконецъ, что никто не будетъ принятъ на какую бы то ни было должность ранѣе 30 лѣтъ, если онъ не выполнилъ обязательства, налагаемыя настоящимъ закономъ (ст. 72).

Въ это горячее время, въ 1872

году, національное собраніе декретировало одновременно и худое, и хорошее. Она позабыла нѣчто, что позднѣе послужило для нападокъ на законъ.

Хорошо было ввести обязательную службу для всѣхъ, освобождая отъ нея тѣхъ, кто не могъ выполнить ее по тому или другому мотиву. Только освобожденіе или окончательное увольненіе казалось мѣрой исключительной и это признали позднѣе. Всякій убогій, хилаго сложенія, калѣка, идіотъ, не могущіе добывать средства къ существованію, были освобождены; это справедливо. Однако, поступать также съ людьми кривыми, хромыми, и, особенно, слишкомъ малаго роста, было излишнимъ. Они неспособны служить подъ знаменами, но способны добывать средства существованія, жениться, устраиваться, богатѣть. Полное освобожденіе ихъ отъ военной службы было большой несправедливостью. Было несправедливо не примѣнить къ нимъ нѣкоторыхъ, замѣняющихъ ее, мѣръ: служба вспомогательная, спеціальный налогъ, позволяющій имъ уплатить свой долгъ относительно страны.

Законъ занялся, кромѣ того, созданіемъ надежнаго резерва. Онъ составлялся такимъ образомъ, что людей, оставляющихъ дѣйствительную службу, зачисляли въ резервъ дѣйствующихъ войскъ на четыре года, затѣмъ, по окончаніи этого срока, ихъ зачисляли въ территоріальную армію на пять лѣтъ, а потомъ въ резервъ территоріальной арміи на шесть лѣтъ (36).

Законодатель надѣялся, что такъ какъ всѣ, или почти всѣ, прослужили въ дѣйствующихъ войскахъ и затѣмъ послѣдовательно прошли всѣ три категоріи резерва, то резервъ долженъ быть обученъ, представляя, такимъ образомъ, огромный источникъ для пополненія войска, въ случаѣ мобилизаціи. Все населеніе, въ возрастѣ отъ 20—40 лѣтъ оказалось, въ дѣйствительности, включеннымъ въ различныя категоріи войска. Это была всеобщая повинность здоровыхъ гражданъ, и, въ дѣйствительности, вооруженная нація. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали.

Законъ пошелъ далѣе. Онъ заботился о поддержаніи обученія резервовъ. Онъ напомнилъ, что добрая воля, увлеченіе и патріотизмъ теперь не могутъ замѣнить профессіональную неподготовленность. Онъ призналъ, съ великимъ мыслителемъ Рабле, „что нѣтъ лучшаго оплота, „какъ груди людей“, но людей обу-

ченныхъ, знающихъ военное ремесло, а не неумѣлой толпы. Вслѣдствіе этого онъ ввелъ производство каждые два года ученій резервистами въ теченіи 28 дней, и 13 дней территоріальнымъ войскамъ.

Военное образованіе не менѣе необходимо для всѣхъ, и каждый долженъ его получить. Кто былъ солдатомъ, и потомъ отбывалъ двухгодичные учебные сборы, легко сдѣлается бойцомъ. Кто никогда не служилъ—не можетъ съ пользой быть въ строю. Онъ можетъ при нуждѣ пожертвовать своею жизнью для страны, но онъ не будетъ способенъ придти ей на помощь. Самая тяжелая часть налога крови—это не война, а приготовленіе къ войнѣ, и ни одинъ здоровый гражданинъ не можетъ избѣжать этого обученія. Вотъ чего имѣлъ въ виду добиться законъ 1872 г.; вотъ что выдѣлялось во всѣхъ докладахъ и рѣчахъ, предшествовавшихъ ему.

Таковъ въ краткихъ чертахъ этотъ документъ, чрезвычайно важный, какъ по времени, когда онъ появился, такъ и по идеямъ, которыя онъ заключалъ въ себѣ. Законъ 27 іюля 1872 года, полный добрыхъ намѣреній, провозгласилъ обязательность службы для всѣхъ но не осуществилъ ея: это большой упрекъ по его адресу.

Въ немъ, безъ сомнѣнія, заключалось много неравенствъ. Тѣмъ не менѣе, онъ давалъ многочисленную армію и приготовлялъ огромные резервы, которымъ онъ расчитывалъ обезпечить обученіе. Эти принципы были разумны. Законъ этотъ нашли хорошимъ и приняли его въ самомъ началѣ съ удовольствіемъ. Появившись послѣ нашего разгрома, онъ не встрѣтилъ оппозиціи. Онъ показался умѣреннымъ, подъ своей неограниченной внѣшностью, и позволялъ смягчить суровость первобытнаго принципа. Уступки, давая ему нѣкоторую эластичность, дѣлали примѣненіе его болѣе легкимъ, не задѣвали слишкомъ общественное мнѣніе и устанавливали родъ предохранительнаго клапана, необходимаго во время принятія новой системы.

Его не критиковали слишкомъ въ самомъ началѣ; за то широко вознаградили себя позднѣе. Едва онъ вступилъ въ дѣйствіе, какъ поднялась масса возраженій. На него не нападали прямо, но путемъ сравненія. Очень часто указывали на другія государства, имѣвшія надежныя арміи, основанныя на другихъ принципахъ и приводили въ примѣръ Англію, Соединенные

Штаты и Швейцарію

Тогда усиленно указывали, что во время нашего военнаго преобразованія, большая часть европейскихъ государствъ была вынуждена измѣнить свое военное устройство и прибѣгнуть къ большимъ вооруженіямъ, захватывающимъ все населеніе, подражать прусскимъ образцамъ, подъ страхомъ сдѣлаться жертвами его, какъ уже испытали это Данія, Австрія и Франція.

Указывали, что двѣ націи европейскихъ и одна американская противились этому потоку, увлекавшему всѣ народы къ большимъ вооруженіямъ. Англія, Соединенные Штаты и Швейцарія, благодаря своему нейтральному или изолированному положенію, сохранили свои традиціи и свои военные обычаи, все увеличивая понемногу свои силы, могущія быть мобилизованными.

Опираясь на эти факты, ссылались на военныя учрежденія этихъ странъ, для того, чтобы критиковать наши, и намъ полезно напомнить ихъ, чтобы опровергнуть возраженія, которыя пытались извлечь изъ нихъ.

XVIII.

Военная служба въ Англіи.

Собственно говоря, призыва на службу въ Англіи не существуетъ. Тамъ постоянно существовало отвращеніе къ принудительной службѣ; ее замѣняли болѣе или менѣе добровольнымъ зачисленіемъ. Въ результатѣ, это войска наемныя. При наборѣ играютъ большую роль деньги. Эта система, хотя и съ недостатками, однако-же дала войска надежныя, нѣкогда даже чрезвычайно храбрыя, но которыя, кажется, теперь не представляютъ тѣхъ-же самыхъ достоинствъ.

Въ силу закона 1757 года, всякій англійскій подданный долженъ служить въ милиціи съ 18 до 45 лѣтъ; но, съ давнихъ поръ, этотъ обычай пересталъ примѣняться и различныя части англійской арміи пополняются только волонтерами. Каждый годъ парламентъ публикуетъ, для поддержанія принципа, порядокъ набора въ случаѣ нужды въ милицію.

Существуетъ три вида набора: для регулярной арміи, для милиціи и для отрядовъ добровольцевъ.

Дѣйствующій законъ о наборѣ, 24 іюня 1879 года, касающійся регулярной арміи гласитъ, что поступленіе въ солдаты производится въ возрастѣ отъ 18—25 лѣтъ и зачисляются на 12 лѣтъ, изъ которыхъ семь лѣтъ подъ знаменами и пять—въ резервѣ перваго разряда.

Однако, распредѣленіе времени службы довольно разнообразно. Можно прослужить всѣ двѣнадцать лѣтъ подъ знаменами или только три года въ полку, а девять—въ резервѣ. Большинство служитъ семь лѣтъ.

Люди, окончившіе срокъ дѣйствительной службы, допускаются на вторичную службу до истеченія двадцати одного года службы, послѣ чего они получаютъ право на отставку съ пенсіей. Унтеръ-офицеры могутъ еще увеличить свою пенсію службы въ постоянныхъ кадрахъ милиціи.

Когда политическія обстоятельства хороши, число принимаемыхъ уменьшается, если же плохи, оно увеличивается. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ ежегодно число было около 40,000 человѣкъ.

На практикѣ, число поступающихъ на вторичную службу недостаточно. Много людей не служитъ и семи лѣтъ подъ знаменами; каждый годъ насчитываютъ 5,000 дезертировъ, 2,000 увольняемыхъ за неодобрительное поведеніе, а 1,500 откупались; ежегодный недостатокъ около 10,000 въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ, и это уменьшеніе отзывается на резервахъ.

Поступающихъ въ солдаты вызываютъ различными пріемами. Особенно часто получаютъ ихъ различными соблазнами, а иногда идутъ далѣе. На желѣзнодорожныхъ станціяхъ, во многихъ публичныхъ мѣстахъ, выставляютъ картины, изображающія формы одежды. Въ почтовыхъ конторахъ раздаютъ листки со свѣдѣніями объ арміи и ея преимуществахъ. Унтеръ-офицеры вербовщики также снабжены ими. Въ мѣстныхъ газетахъ печатаютъ объявленія.

Каждому поступившему выдается премія и она выплачивается нѣсколько разъ, послѣ каждаго періода обученія. Рекрутъ получаетъ жалованье самое меньшее по 1 фр. 25 с. въ день. Кромѣ того они получаютъ порціи хлѣба, мяса, дровъ и пр. Равнымъ образомъ, они получаютъ одежду, снаряженіе, бѣлье, разныя вещи; вслѣдствіе этого получается большой расходъ для государства.

Соблазнъ представляется особенно для бѣдноты. Истинная основа—это вербовка подъ видомъ добровольнаго поступленія. Нищета, недостатокъ работы приводитъ къ зачисленію. Половина рекрутовъ имѣетъ менѣе 19 лѣтъ и многіе должны быть оставлены въ депо въ случаѣ войны.

Плохой составъ рекрутовъ ведетъ

къ частымъ побѣгамъ. Болѣе четверти убѣгаетъ до истеченія трехъ лѣтъ службы. Съ другой стороны и число людей, увольняемыхъ за плохое поведеніе, растетъ. Однако-же, благодаря силѣ этихъ учрежденій, уваженію къ законамъ и суровости дисциплины, неудобства этого способа набора сказываются въ ограниченномъ размѣрѣ.

Англійская армія имѣетъ три категоріи резервистовъ. Первая состоитъ изъ людей, отбывшихъ дѣйствительную службу и обязанныхъ еще годами службы въ резервѣ, потомъ изъ людей, вторично поступившихъ, получившихъ право продолжать службу по окончаніи срока своего обязательства. Они могутъ быть призываемы для отбыванія учебныхъ сборовъ, но они не учатся постоянно, и однако же получаютъ дома жалованье по 40 сантимовъ ежедневно.

Вторая категорія, гораздо менѣе многочисленная, включаетъ старыхъ резервистовъ первой категоріи, окончившихъ свою службу и вновь вступившихъ на четыре года во второй разрядъ. Они могутъ быть призываемы на ученья (seances d'instruction) и получаютъ дома жалованье по 40 сантимовъ въ день

Третій классъ заключаетъ въ себѣ всѣхъ старыхъ отставныхъ солдатъ.

Пополненіе милиціи организовано закономъ 1882 года. Онъ устанавливаетъ наборъ отъ 17 до 35 лѣтъ, а для бывшихъ солдатъ и до 45 лѣтъ; срокъ службы, самое бо́льшее, шесть лѣтъ. Подобныя же зачисленія вновь могутъ быть заключаемы послѣдовательно.

Каждый, принятый на службу, если онъ не старый солдатъ, обязанъ прослужить, самое бо́льшее, шесть мѣсяцевъ, въ части дѣйствующей арміи или въ постоянныхъ кадрахъ милиціи. На практикѣ, продолжительность службы всего пятьдесятъ шесть дней. Послѣ этого періода обученія онъ возвращается домой и затѣмъ обязанъ являться на ежегодныя занятія въ продолженіи трехъ-четырехъ недѣль.

Милиціонеры получаютъ премію въ 150 франковъ, которыя выплачиваются постепенно, послѣ каждаго періода обученія. Тѣ, кто зачисляется вновь, получаютъ еще 222 франка и одѣваются и снаряжаются государствомъ. Въ конной милиціи (yeomanry) они сами пріобрѣтаютъ себѣ лошадей.

Милиціонеры не должны быть употребляемы въ дѣло внѣ предѣловъ британскихъ острововъ. Нѣ-

которые изъ нихъ, за особое денежное вознагражденіе, соглашаются, въ случаѣ войны, составить отряды для внѣшнихъ дѣйствій и образуютъ новый классъ резерва дѣйствующихъ войскъ, количествомъ около 30,000 человѣкъ.

Милиція пополняется легче всего изъ среды сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Переходъ изъ милиціонеровъ въ регулярную армію допускается подъ нѣкоторыми условіями. Однако, многіе изъ нихъ поступаютъ туда и составляютъ почти третью часть рекрутовъ регулярной арміи.

На ряду съ этимъ существуютъ злоупотребленія. Многіе милиціонеры зачисляются одновременно въ нѣсколько полковъ и получаютъ оттуда премію за опредѣленіе. Наилучшимъ средствомъ противъ этого было бы производство набора во всѣхъ частяхъ одновременно. Этого не рѣшаются дѣлать въ силу принятаго обычая.

Милиціонеры, въ дѣйствительности, получаютъ только слабое обученіе, а ихъ офицеры имѣютъ только посредственную цѣну, въ смыслѣ профессіональномъ. Этому войску недостаетъ связи, обученія и особенно военнаго образованія.

Отряды волонтеровъ существуютъ по закону 1863 года и по уставу 1887 года.

Волонтеры одѣваются, снаряжаются и пріобрѣтаютъ вооруженіе на свой счетъ. Они образуютъ отряды очень разнообразные, какъ по составу, такъ и по названіямъ и раздѣляются на два разряда: волонтеры дѣйствующіе и не дѣйствующіе.

Первое наименованіе дается тѣмъ, кто докажетъ нѣкоторую степень военнаго обученія. Они получаютъ удостовѣреніе въ знаніи службы и государство назначаетъ отряду вознагражденіе по 43 фр. 75 сантимовъ на каждаго человѣка, котораго онъ можетъ вывести въ строй. Эта сумма не достаточна и офицеры щедро вносятъ излишекъ.

Волонтеры дѣйствующіе довольно многочислены: около 200.000 человѣкъ. Что касается волонтеровъ недѣйствующихъ, то ихъ очень мало.

Волонтеры не привлекаются къ службѣ внѣ предѣловъ страны.

Нѣтъ никакихъ ограниченій относительно условій и продолжительности службы въ отрядахъ волонтеровъ.

Все возрастающія симпатіи къ волонтерамъ вредятъ пополненію милиціи, учрежденію гораздо ме-

нѣе популярному, чѣмъ предыдущее, лучше устроенному, чтобы нравиться независимому характеру англичанъ. Они любятъ разнообразный спортъ и примыкаютъ къ различнымъ военнымъ клубамъ, военнымъ обществамъ, которые очень мало военные по существу. Вслѣдствіе ихъ вкусовъ и вкоренившихся обычаевъ, эта система свободнаго поступленія не позволитъ прійти къ вооруженной націи; далеко до этого!

XIX.

Рекрутчина въ Соединенныхъ Штатахъ.

Англія довольствуется своимъ настоящимъ положеніемъ. Она думаетъ, что разрѣшила военную задачу устройствомъ арміи, состоящей изъ добровольныхъ наемниковъ, хорошо оплачиваемыхъ, хорошо питаемыхъ и усиленной милиціей, опирающейся на вольные отряды добровольцевъ. Являются серьезныя неудобства, особенно вслѣдствіе необходимости уважать свободу личностей и отказа ихъ отъ принудительной службы, откуда происходитъ невозможность дать быстро большое развитіе ихъ военному положенію.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, тѣ же самыя причины, даже усиленныя, привели къ еще большимъ затрудненіямъ.

Армія Соединенныхъ Штатовъ приблизительно равняется 25,000 человѣкъ и пополняется добровольцами. Продолжительность службы различная и опредѣляется время отъ времени. Она бываетъ обыкновенно пять лѣтъ и законъ ограничиваетъ общій срокъ службы солдата десятью годами.

Люди принимаются въ возрастѣ отъ 16 до 35 лѣтъ.

Дисциплина хороша и нарушенія ея рѣдки. Качества принимаемыхъ людей все улучшаются вслѣдствіе особой заботливости, вносимой въ дѣло набора. Тѣмъ не менѣе цифра побѣговъ еще довольно значительна.

Станціи или мѣста производства набора учреждены въ значительныхъ центрахъ. При нуждѣ устанавливаютъ и дополнительныя. Люди приходятъ туда записываться.

Обученіе начинаются тотчасъ-же по подписаніи договора. Каждые десять дней новобранцы отправляются въ штабъ полка, гдѣ ихъ обучаютъ и гдѣ имѣются ротные кадры, и старые солдаты для обученія рекрутъ.

25,500 человѣкъ слишкомъ мало. Въ февралѣ 1896 года былъ по-

данъ парламенту проектъ увеличенія арміи на 4,500 человѣкъ, и тѣмъ, что-бы такимъ образомъ довести ее въ мирное время до 30,000 человѣкъ, а въ военное—до 40,000.

Въ ноябрѣ того-же года, главнокомандующій арміей въ отчетѣ настаиваетъ на необходимости значительно увеличить наличный составъ арміи, которая въ 1866 году была болѣе 51,000 человѣкъ. Онъ предлагаетъ взять за основаніе для опредѣленія числа войска, какъ норму, по крайней мѣрѣ, одного солдата на 2000 жителей и, самое большее, одного солдата на 1000 человѣкъ.

Нѣкоторыя газеты требуютъ для президента права, въ случаѣ войны, увеличить количество войскъ до 85,000.

Эти идеи не симпатичны населенію. Его демократическіе принципы плохо примиряются съ нѣсколько расширенными военными учрежденіями. Оно также имѣетъ особенную склонность къ милиціи.

Численная слабость арміи такъ велика, что истинная сила покоится на милиціи, болѣе соотвѣтствующей американскимъ нравамъ. Милиція представляетъ двойную защиту противъ всякой опасности внутренней или внѣшней. Солидарность интересовъ оказываетъ на нее свое вліяніе, какъ и во всякомъ другомъ вопросѣ. Здѣсь проявляется иниціатива и не жалѣютъ самихъ себя для общей пользы.

Происхожденіе милиціи очень древнее. Законъ о милиціи 1792 года позволялъ призывать подъ знамена всѣхъ здоровыхъ гражданъ отъ 18 до 45 лѣтъ и они обязаны вооружиться и снарядиться на свой счетъ.

Законъ 1808 поощрялъ формированіе добровольныхъ отрядовъ, внося въ расходный бюджетъ снаряженіе ихъ, и жалованье въ продолженіи періодовъ обученія. Въ каждомъ штатѣ союза старались имѣть первую часть дѣйствующей милиціи: select milicia, резервомъ которой служила бы необученная масса. Подробности выполненія установлены не были.

Первая часть устроилась по частной иниціативѣ. Вездѣ или почти вездѣ существуетъ *національная гвардія*, разнообразная, правда, до безконечности, вслѣдствіе отсутствія союзнаго законодательства. Наличный составъ и организація различны, въ разныхъ штатахъ. Всѣ милиціонеры вообще имѣютъ форму, нѣкоторые штаты доставляютъ средства для производства маневровъ,

вооруженіе принадлежитъ Штату.

Достоинство этого войска очень разнообразно. Довольно хорошее въ нѣкоторыхъ Штатахъ Сѣвера, оно фантастично въ остальной странѣ.

Въ настоящее время основанія организаціи аналогичны этимъ. Всѣ здоровые граждане, въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ, внесены въ списки милиціи въ каждомъ Штатѣ, но большая часть ихъ не служитъ. Всѣ раздѣлены на двѣ части. Одна, довольно ограниченная, называется милиціей дѣйствующей, или милиціей организованной; другая, очень многочисленная, эта милиція неорганизованная или резервъ дѣйствующей милиціи.

Первая пополняется добровольцами; продолжительность службы различная,—отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и до пяти лѣтъ, различно въ разныхъ Штатахъ. Милиціонеръ долженъ быть принятъ ротой, куда онъ хочетъ поступить, и каждая рота выбираетъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ.

Выбираютъ по преимуществу богатыхъ людей, для того, чтобы самолюбіе подталкивало ихъ употреблять свои средства на пользу той части, которой они командуютъ.

Здѣсь проявляется характеристическая черта этой американской милиціи, которая на самомъ дѣлѣ представляетъ родъ спорта. Мѣсто расположенія части, называемое арміей (armory), есть одновременно и помѣщеніе, и арсеналъ, мѣсто собраній, родъ военнаго клуба (cercle militaire). Тамъ находятся оружіе, снаряженіе, матеріальная часть, манежъ, учебный залъ, канцелярія, магазины; все это окружено укрѣпленіями. Это—спеціальная сторона арміи. Въ тоже самое время тамъ предлагается милиціонеру нѣкоторый комфортъ и свѣтскія развлеченія.

Армія (armory) заключаетъ залы собраній, ротныя помѣщенія, въ которыхъ собираются и устраиваютъ пріемы. Большія празднества даются въ обширныхъ парадныхъ залахъ, и въ учебномъ залѣ, который превращается въ бальный залъ. Эти учрежденія, содержимыя на средства, собранныя по подпискѣ, на ассигнованіе мѣстнаго правительства, и особенно на широкіе пожертвованія отдѣльныхъ лицъ, достигаютъ въ нѣкоторыхъ городахъ чрезвычайной роскоши. Ничего не щадятъ, чтобы пышно принимать тамъ семейства милиціонеровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій стоятъ 2—3 милліона франковъ и

замѣчательны, какъ по архитектурѣ, такъ и по меблировкѣ.

Дѣлая, такимъ образомъ, службу привлекательной, достигаютъ того, что обезпечиваютъ довольно значительный составъ. Милиціонеръ входитъ во вкусъ своихъ обязанностей, на которыя онъ смотритъ, какъ на отдыхъ, отвлеченіе отъ дѣлъ, *патріотическую рекреацію* (patriotic recreation).

Практическая сторона обученія не далеко ушла по тѣмъ-же самымъ причинамъ. Еженедѣльно происходятъ занятія въ арміи, иногда парадъ или смотръ. Милиціонеры обязаны провести извѣстное количество занятій въ годъ, во время которыхъ они проходятъ одиночное ученье (mauvements de detail) и занимаются стрѣльбой.

Кромѣ того, почти всѣ Штаты обязываютъ свои милиціи производить упражненія и внѣ арміи. Всѣ эти части должны отбывать ежегодные лагерные сборы, въ палаткахъ, лѣтомъ или осенью, въ продолженіи отъ трехъ до семи дней.

Учебныя поля обыкновенно очень хорошо организованы и люди пользуются тамъ большимъ комфортомъ.

Служба чисто добровольческая, несмотря на нѣкоторое вознагражденіе, выдаваемое Штатами и союзнымъ правительствомъ, въ дѣйствительности очень тяжела для милиціонеровъ. *Національная гвардія* воодушевлена бо́льшимъ рвеніемъ. Она независима и немногочислена. Часть, организованная не превосходитъ сто двѣнадцати тысячъ человѣкъ, тогда какъ число внесенныхъ въ списки неорганизованной части превосходитъ восемь милліоновъ.

Такое положеніе вещей обратило на себя вниманіе. Замѣчается нѣкоторое стремленіе къ соединенію различныхъ частей милиціи такимъ образомъ, чтобы приблизить ихъ къ регулярной арміи. Такъ, въ 1893 году было предписано соединить въ батальоны роты одного полка, до того времени раздѣленныя.

Губернаторъ каждаго штата есть начальникъ національной гвардіи. Его вліяніе надъ ней, очень слабое, проводится генеральнымъ штабомъ, составленнымъ по его выбору. Было бы желательно урегулировать и, быть можетъ, преобразовать эту часть милиціи въ резервную силу дѣйствующей арміи.

Дѣло это возможно провести вполнѣ законно. Когда армія регулярная, подкрѣпленная милиціей, окажется недостаточной, союзное правительство можетъ сдѣлать воз-

званіе къ гражданамъ и организовать вторую армію наборомъ за вознагражденіе. Каждый штатъ получаетъ тогда требованіе съ указаніемъ размѣра вознагражденія, продолжительности службы, колеблющейся отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ, а также и сколько требуется поставить войска.

Полки формируются штатомъ; офицеры избираются, за исключеніемъ начальника части.

Такъ было дѣло въ 1861 году. Малыя силы регулярной арміи служили ядромъ огромной арміи волонтеровъ. На это обстоятельство, къ несчастію, указываютъ теперь во Франціи, не замѣчая разницы во времени и мѣстѣ. Федералисты выставили 662,000 человѣкъ, поступившихъ добровольно. Они быстро освоились съ дѣломъ. Большая часть изъ нихъ вела жизнь, полную приключеній, сроднилась съ оружіемъ, не знала усталости и поэтому представляла, отчасти, хорошія качества солдата и, въ то же время, имѣла серьезные недостатки.

Система повторяющихся набѣговъ и зачисленій вновь, для того, чтобы нѣсколько разъ получить вознагражденіе, приняла огромные размѣры и повлекла за собой большіе расходы. Наличный составъ оставался слабымъ и, исчерпавъ всѣ средства, Сѣверъ казался принужденнымъ прибѣгнуть къ набору людей, т. е. къ конскрипціи.

Вспоминается, сколько въ эту эпоху истратили средствъ и времени, вслѣдствіе ошибочной организаціи при подготовкѣ къ мобилизаціи. Этотъ опытъ, указавъ на опасность, подчеркнулъ неудовлетворительность военныхъ учрежденій и думаютъ улучшить ихъ такъ, чтобы они соотвѣтствовали нравамъ и обычаямъ страны.

Въ ожиданіи этого, возводятъ много укрѣпленій, смотря по количеству средствъ, чтобы, такимъ образомъ, защитить порты отъ нападенія крейсеровъ. Пятая часть береговыхъ оборонительныхъ позицій находятся въ состояніи годномъ для сопротивленія. Работу обороны продолжаютъ, утилизируя и обновляя старыя укрѣпленія. Для двѣнадцати новыхъ мѣстъ имѣются уже одобренные планы и требуется ассигнованіе средствъ.

Слѣдствіемъ этого является увеличеніе дѣйствующихъ силъ постоянной арміи, для охраненія новыхъ сооруженій и, вѣроятно, это усиленіе будетъ достигнуто.

XX.

Военныя учрежденія Швейцаріи.

Если Англія имѣетъ армію, пополняемую волонтерами, а Соединенные Штаты—весьма малую постоянную силу, происходящую изъ того-же источника, то Швейцарія оказывается совершенно лишенной какой-бы то ни было постоянно содержимой дѣйствующей силы. Ея организація, установившаяся съ давнихъ поръ, служитъ образцомъ и даже вдохновительницей всѣхъ другихъ государствъ. И что касается всеобщей обязательной службы, она достигла, въ силу особеннаго своего положенія, осуществленія системы вооруженной націи, посредствомъ организованной милиціи, включающей все населеніе.

Вообще питаютъ особое пристрастіе къ Швейцаріи, прошлое которой и настоящее положеніе вызываетъ уваженіе. Однако, чтобы судить о ея военныхъ учрежденіяхъ, необходимо отдать себѣ отчетъ въ ея спеціальныхъ нуждахъ.

Швейцарія--государство нейтральное, занимаетъ горный массивъ и образуетъ небольшую націю. Всѣ обстоятельства налагаютъ на нее роль абсолютно оборонительную. И эту именно роль она преслѣдуетъ настойчиво. Она болѣе всего подтверждаетъ это значительными сооруженіями, которыя она возводитъ, чтобы помѣшать вторженію въ свою территорію. Въ такомъ положеніи, кажется, болѣе умѣстна милиція, а не армія.

Со времени своего освобожденія, она преслѣдовала и совершенствовала старыя традиціи первыхъ народовъ. Въ прошедшемъ она не знала постоянной силы. Всякій здоровый человѣкъ брался за оружіе въ случаѣ нужды, а разъ опасность миновала, онъ возвращался къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Военная служба была періодическая, случайная и ограничивалась временемъ войны. Солдата, такъ сказать человѣка нанятаго для того, чтобы сражаться, не существовало.

Вопросъ, такимъ образомъ разсматривавшійся у грековъ, латинянъ, галловъ и пр., разрѣшенъ такимъ же точно образомъ еще у различныхъ малыхъ націй: арабовъ, индійцевъ, негровъ и т. п.

Швейцарія приняла съ давнихъ поръ такую организацію, на которую указываютъ, какъ на превосходную, не зная, примѣнима-ли она въ другихъ мѣстахъ.

Швейцарская армія—это только милиція, состоящая изъ гражданъ,

которые, въ случаѣ надобности, становятся солдатами. Каждый связанъ обязательной службой въ продолженіи 24 лѣтъ. Это правило допускаетъ, однако, многочисленныя смягченія. Законъ допускаетъ освобожденіе, признаетъ неспособность и запрещаетъ замѣстительство.

Дѣйствующій законъ—это законъ 1875 года, дополненный въ 1887 году. Онъ обязываетъ военной службой всѣхъ здоровыхъ людей въ возрастѣ отъ 20 до 44 лѣтъ. Эти 24 класса рекрутовъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1. Отборное войско (élite) или дѣйствующая армія состоитъ изъ людей въ возрастѣ отъ 19 до 28 лѣтъ, которые могутъ быть задержаны до 34 лѣтъ. Оно составлено изъ двѣнадцати (?) младшихъ классовъ, раздѣленныхъ на восемь дивизіоновъ и четыре армейскихъ корпуса.

2. Резервъ или территоріальная армія включаетъ людей въ возрастѣ отъ 34 до 44 лѣтъ.

3. Ландверъ, гдѣ находятся люди отъ 34 до 44 лѣтъ.

4. Ландштурмъ или резервъ 2-го разряда составляетъ собраніе всѣхъ тѣхъ, кто не вошелъ въ другія категоріи.

Отборное войско и резервъ образуютъ дѣйствующую армію, лишь только намѣченную, ибо, въ силу того, что основой всей системы является уничтоженіе постоянной арміи, тамъ не существуетъ никакой постоянно содержимой военной силы.

Самый младшій классъ считается непричисленнымъ (non disponible). Люди, состоящіе въ немъ, считаются рекрутами, и включаются въ союзную армію только по окончаніи обученія. Впрочемъ, оно происходитъ недолго

Въ годъ призыва рекруты, обязанные отбыть первый періодъ, продолжающій 45 дней въ пѣхотѣ и 80 дней въ кавалеріи, собираются въ нѣкоторыхъ городахъ и поручаются учебнымъ кадрамъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ постоянныхъ инструкторовъ и офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, вновь произведенныхъ, призываемыхъ временно къ дѣятельности.

Къ 1-му января слѣдующаго года рекруты переходятъ въ армію, гдѣ они остаются двѣнадцать лѣтъ въ 1-ой категоріи, называемой отборное войско, и 12 лѣтъ въ ландверѣ. Во время пребыванія въ „отборномъ войскѣ“, люди обязаны отбыть три учебныхъ сбора, называемые

повторительными курсами, по 16 дней каждый. Въ результатѣ каждый швейцарскій гражданинъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, имѣетъ четыре раза практику въ военномъ искусствѣ, хотя въ общемъ итогѣ только 93 дня.

Въ ландверѣ, равнымъ образомъ, бываютъ каждые четыре года учебные сборы, продолжительностью 5 дней.

Всѣ люди, принадлежащіе къ части дѣйствующей или резерву, остаются дома, занимаясь своими частными дѣлами. Ихъ собираютъ вблизи ихъ мѣста жительства и обучаютъ при помощи кадровъ, находящихся въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и они, подъ руководствомъ нѣсколькихъ офицеровъ, постоянныхъ инструкторовъ.

Въ Швейцаріи нѣтъ постоянныхъ войскъ. Скрытая армія не допускаетъ ни мирнаго положенія, ни военнаго. Мобилизація сводится къ сбору лицъ въ опредѣленныхъ пунктахъ.

Такимъ образомъ, не содержа никакой постоянной военной силы, Швейцарія въ 1895 году имѣла:

Отборное войско—137,649 чел. Ландверъ—80,602 чел. Ландштурмъ вооруженный—61,224 чел. Ландштурмъ невооруженный--209,139 чел. Итого 488,614 человѣкъ.

Союзная армія составлена по кантонамъ, за нѣкоторыми исключеніями для спеціальныхъ родовъ оружія пополняемыхъ изъ разныхъ кантоновъ.

Всякій гражданинъ, неспособный къ службѣ или уволенный, обложенъ опредѣленнымъ военнымъ налогомъ, пропорціонально своему доходу, что составляетъ замѣну невыполненной военной службы. Это вполнѣ справедливое положеніе заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченнымъ. Ему подражали во Франціи, но недостаточно полно.

Въ этой арміи, не проявляющей обыкновенно своего существованія, приняты мѣры наблюденія и проводятся довольно строго, чтобы всѣхъ людей держать постоянно наготовѣ.

У каждаго, дома, хранится его обмундированіе, снаряженіе и оружіе, которое должны всегда содержаться въ хорошемъ состояніи. Каждый годъ производится смотръ всѣмъ людямъ отборнаго войска и ландвера, которые представляются въ полной парадной формѣ. Приказъ о ежегодномъ созывѣ напоминаетъ каждый годъ, что унтеръ-офицеры или нижніе чины, имущество кото-

рыхъ будетъ неполно или въ плохомъ состояніи, будутъ подвергнуты строгому наказанію.

Законъ, которому всѣ обыкновенно подчиняются, очень ограничиваетъ случаи наложенія взысканій. Тоже самое и въ другихъ отношеніяхъ. Военный департаментъ союза назначаетъ на различныя должности, ибо въ Швейцаріи не сдѣлали такой ошибки, чтобы поставить назначеніе на должности въ зависимость отъ избранія. Законъ обязываетъ каждаго гражданина занимать постъ, на который онъ назначенъ. Впрочемъ, отказы или какія либо затрудненія очень рѣдки. Обыкновенно, выбираютъ, по преимуществу, молодыхъ людей, которые желаютъ получить чинъ, пользуются нѣкоторымъ достаткомъ, принадлежатъ къ уважаемымъ семействамъ и, кромѣ того, представятъ доказательства въ полученіи образованія.

За исключеніемъ 130 офицеровъ постоянныхъ инструкторовъ, всѣ офицеры и унтеръ-офицеры остаются въ обыкновенное время дома, занимаясь тамъ своимъ спеціальнымъ дѣломъ. Ихъ военныя обязанности тѣ же самыя, что и для милиціонеровъ, за исключеніемъ нѣсколько болѣе продолжительныхъ сроковъ обученія.

Они всѣ проходятъ подготовительную школу офицеровъ: 42 дня для пѣхоты и 60 дней для кавалеріи. Они работаютъ тамъ отъ восьми до десяти часовъ въ день. Позднѣе ихъ собираютъ въ другія школы и въ учебные сборы, и тамъ не держатъ ихъ долѣе шести недѣль.

Каждый долженъ работать дома, въ часы досуга, чтобы совершенствоваться. Благодаря собраніямъ или офицерскимъ обществамъ, зимнимъ бесѣдамъ, обществамъ стрѣльбы, образованіе офицеровъ поддерживается на нѣкоторой высотѣ.

Матерьяльная часть, на случай войны, находится внѣ сферы вѣдѣнія милиціонеровъ, которые ею не занимаются. Самая значительная часть заключается въ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ, на С.-Готардѣ, на которыя уже израсходована много денегъ. Ихъ считаютъ необходимыми для сохраненія швейцарскаго нейтралитета; конечно, предосторожность напрасная, но которая показываетъ настроеніе умовъ въ наше время. Нейтралитетъ — не предохранительное средство: нужны силы и сооруженія, чтобы заставить уважать его. Это противорѣчіе проявляется въ Бельгіи, точно также, какъ и въ Швейцаріи.

Военный департаментъ призналъ необходимымъ предложить созданіе охранной стражи для различныхъ сооруженій, составляя ее. по большей части, изъ механиковъ, контролеровъ (ajusteurs), мастеровыхъ и пр. На союзномъ совѣтѣ многіе члены кричали о нарушеніи конституціи, запрещающей созданіе какой бы то ни было постоянной военной силы въ союзѣ. Они повторили, по этому поводу, всѣ ходячія рѣчи противъ милитаризма и его рабства. Имъ объяснили, что дѣло идетъ вовсе не о солдатахъ, а о работникахъ, заключающихъ договоры, уничтожаемые съ предупрежденіемъ за нѣсколько времени. Имъ доказали, что невозможно поступить иначе, если желаютъ обезпечить сохраненіе работъ и матеріальной части и собраніе ассигновало средства. Эта, по внѣшности постоянная военная сила, подчинена военнымъ властямъ.

Военный департаментъ, – единственное постоянное учрежденіе, руководитъ всѣми подробностями, касающимися военныхъ силъ союза. Онъ представляетъ единственный органъ въ своемъ родѣ. Это не министерство: это родъ главной квартиры, содержимый въ мирное время, для арміи въ дѣйствительности несуществующей.

Генералы и должности, соединенныя съ этими чинами, такъ же, какъ и офицеры — постоянные инструкторы, состоятъ въ вѣдѣніи военнаго департамента, военнаго учрежденія, подчиненнаго союзному правительству и руководящаго всѣми дѣлами арміи. Ничего подобнаго не существуетъ ни въ какой другой странѣ, точно такъ же, какъ нѣтъ въ Европѣ другой арміи, составленной исключительно изъ милиціи.

Рядомъ съ выгодами этой системы, очень экономической и очень либеральной, естественно существуютъ значительныя неудобства, которыя чувствительно смягчаются хорошимъ духомъ населенія. Самое серьезное—это слабость обученія.

Обыкновенно каждый годъ собирается одинъ дивизіонъ, что-бы производить маневры. На нихъ производится немного тактическихъ ученій, но войска мало пріучены къ вспомогательнымъ родамъ службы: самоокапываніе, аванпостная служба, развѣдывательная служба. Они не знаютъ ни расположенія на бивакѣ, ни распредѣленія по квартирамъ, а эти дѣйствія довольно трудны. Если пѣхота удовлет-

ворительно выполняетъ свои обязанности, то другіе роды оружія проявляютъ нисшую степень обученія.

И такъ, въ Швейцаріи нѣтъ постоянной арміи. Нѣсколько офицеровъ-инструкторовъ и нѣсколько отрядовъ наемныхъ гражданскихъ работниковъ не подрываютъ этого утвержденія. Всякій, по закону, милиціонеръ; однако, никто не подготовленъ. Каждый остается гражданиномъ и занимается своими частными дѣлами: чиновный ли или простой милиціонеръ, онъ, по требованію, занимаетъ свое мѣсто въ учебной школѣ или на маневрахъ. Вотъ въ чемъ положительный характеръ милиціи.

Такая комбинація подходитъ къ этой странѣ, въ силу ея положенія и естественныхъ качествъ, развитыхъ въ высшей степени для жителей. У швейцарцевъ развито чувство долга и, вслѣдствіе этого, уваженіе къ закону и власти. У нихъ есть духъ порядка и дисциплины, привычка къ физическимъ упражненіямъ и страсть къ стрѣльбѣ. Они совмѣщаютъ много способностей, которые образуютъ хорошаго солдата въ мирное время: повиновеніе, выносливость, ловкость и мѣткость стрѣлка.

Въ спокойствіи и разсудительности тоже у нихъ нѣтъ недостатка; исторія постоянно имѣла случай прославлять ихъ храбрость. Ихъ нейтральное положеніе не давало имъ случая примѣнять ее. Они предпочитаютъ отдаваться мирнымъ занятіямъ и принимаютъ только самое малое участіе въ военныхъ дѣлахъ. Милитаризма у нихъ не существуетъ.

Ихъ военная организація нисколько не похожа на національную гвардію. Это настоящая дисциплинированная милиція, готовая появиться на призывъ власти. Ей недостаетъ только образованія и особеннаго военнаго обученія. Если швейцарскія войска достойны похвалы, какъ милиція, онѣ не могутъ быть сравниваемы съ постоянными войсками. Онѣ не проявляютъ ни знанія, ни надежности, которыми отличаются эти послѣднія. Швейцарія признаетъ это и, тѣмъ не менѣе, благоразумно сохраняетъ свои учрежденія, которыя обстоятельства стараются исказить.

Она знаетъ, какъ можно было-бы лучше поступить, но только она знаетъ также, что постоянно содержимыя военныя силы стоятъ дорого и бережетъ свой союзный бюджетъ, ограничиваясь подготов-

кой возможной защиты своей территоріи. Экономическій вопросъ беретъ верхъ надъ вопросомъ военнымъ. Однако, ничего нельзя сказать въ пользу этой системы въ приложеніи ея къ болѣе обширнымъ государствамъ, поставленнымъ въ другія условія, подвергающимся опасностямъ и принужденнымъ выполнять обязанности, болѣе трудныя.

И однако-же здѣсь ищутъ примѣръ и нѣкоторые неблагоразумные люди выставляютъ Швейцарію образцомъ, которому Франція должна подражать.

XXI.

Осужденія закона 1872-го года.

Краткое изложеніе измѣненій рекрутчины во Франціи и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ не было безполезнымъ. Тѣ, кто внимательно разсмотритъ его, найдутъ тамъ начало всѣхъ нападокъ, критикъ, пожеланій, проэктовъ, формулированныхъ въ послѣдніе годы. Новаго ничего не выдумали. Все уже было извѣстно со всѣми выгодами и неудобствами каждой системы. Ограничивались воспроизведеніемъ этихъ системъ въ новой формѣ, каждый писатель сообразно своимъ собственнымъ идеямъ, пытался восхвалять однѣ или унижать другія.

Сравненіе прошедшаго и нынѣшнихъ теорій необходимо, что бы по достоинству оцѣнить предположенія соблазнительныя, но большею частью ложныя, которыя день-отодня все болѣе распространяются и въ которыхъ видно лишь желаніе удовлетворить выгоды, а не признаніе великой цѣли — защиты отечества.

Законъ 1872 года, вотированный послѣ пораженія, былъ сначала принятъ съ покорностью. Не смѣли слишкомъ критиковать его въ то время, когда еще свѣжія раны волновали всѣхъ. Мало-по-малу Франція успокоилась. Разсмотрѣли, подумали. Политическія страсти примѣшались къ спорамъ о военныхъ вопросахъ. Вслѣдствіе только что вынесеннаго глубокаго потрясенія, идеи измѣнились съ поражающей быстротой. Примѣненіе новаго закона показало нѣкоторыя неудобства его. Критика, справедливая по нѣкоторымъ пунктамъ, проявилась живо, горячо и, потворствуя выгодамъ, оставила въ сторонѣ цѣль.

Основа закона, обязательная служба, не оспаривалась, и это начало казалось, было принято, какъ есте-

ственный, природный долгъ. Примѣненіе его—это другое дѣло. Никто не протестовалъ противъ призыва въ случаѣ мобилизаціи. Это было-бы родъ преждевременнаго бѣгства.

Во всякомъ случаѣ, задавались вопросомъ, слѣдовало-ли, исключая военнаго времени, содержать постоянно громадное количество войскъ и налагать такое тяжкое бремя на народъ. Многіе отвѣчали -- нѣтъ. По ихъ мнѣнію, въ случаѣ необходимости, можно было потребовать и людей, и вещи. Но до тѣхъ поръ они желали покоя, даже уничтоженія военной службы.

Иначе говоря, они просили милицію. Она существуетъ въ нѣкоторыхъ странахъ, законно организованная, и налагаетъ извѣстныя обязанности на жителей. Кое-кто пытается не признавать ихъ во Франціи и увѣряетъ, что вовсе ничего не надо. Ни приготовленій, ни сборовъ въ мирное время, никакого обученія. Это положеніе стараются распространять; его-то и надо опровергать, такъ какъ оно ложно и ведетъ неизбѣжно къ гибели страны.

Критика этого положенія была суровая. Но она была заглушена. Политика не дала восторжествовать истинѣ. Ничего нѣтъ гибельнѣе вмѣшательства ея въ военные вопросы. Она всегда была на первомъ планѣ во всѣхъ дебатахъ, на первомъ планѣ и теперь. Она дала перевѣсъ гуманитарнымъ доктринамъ, можно бы скорѣе сказать, соціальнымъ. Она ввела въ военную организацію отвлеченный принципъ абсолютнаго равенства, провозглашая, но не вѣря ему, и зная невозможность его приложенія.

Равенство сначала соблазнило воображеніе. Проводя его, замѣтили не то, что его было невозможно осуществить, а то, что оно не существовало. Сильно нападали на фактическое неравенство, которое было непріятно, и первое неудовольствіе вызвало волонтерство.

Въ этомъ не хотѣли ничего видѣть, кромѣ возможности освободиться отъ полнаго срока службы и служить лишь одинъ годъ въ полку, а взносъ суммы въ казну, что бы жить на всемъ готовомъ, заставилъ громко кричать противъ плутократіи.

Эта кажущаяся привиллегія, оказанная деньгамъ, очень не понравилась. Волонтерство имѣло достоинства, но ихъ скрывали и его уподобили замѣстительству.

Прибѣгающій къ замѣстительству,

говорили тогда,—это гражданинъ, который не хочетъ выполнять своего долга и возлагаетъ исполненіе его на бѣдняка, вмѣсто себя. Волонтерство — это категорія людей, избѣгающихъ исполненія долга и предоставляющихъ другимъ заботу выполнить его. Очень остерегались указать пользу его для другихъ поприщъ, выгоду, заключающуюся въ возможности найти въ немъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ резерва и т. д.

Соотвѣтствіе между выгодами и недостатками, которое было въ дѣйствительности, казалось недостаточнымъ. Это выставляли чрезвычайно энергично. Болѣе ничего не требовалось, чтобы возбудить общественное мнѣніе. Учрежденіе не могло противиться такимъ нападкамъ, которые, во многихъ отношеніяхъ, были даже неискренни.

Ихъ отчасти забыли, хотя они появились не такъ давно; хорошо напомнить о нихъ, чтобы узнать ихъ и теперь, въ новомъ видѣ.

Неравенство проявлялось другимъ, болѣе чувствительнымъ, образомъ и, повидимому, еще менѣе справедливымъ. Установленіе двухъ частей въ контингентѣ представляло большую тягость для однихъ и малую для другихъ. Извѣстно, что рѣшалъ это законъ или положеніе. Въ результатѣ неравенство выступало очень явно, и общественное мнѣніе, разочарованное въ своихъ мечтахъ, роптало.

Къ этому присоединялись изъятія, указанныя закономъ, чтобы облегчить дѣйствіе его. Безъ сомнѣнія, много основаній было для оправданія ихъ, тѣмъ не менѣе ихъ клеймили названіемъ привиллегій. Не хотѣли признавать, что поводомъ для примѣненія ихъ были образованіе, семейная нужда, а не деньги. Демократическій характеръ ихъ не избавилъ ихъ отъ сильныхъ нападокъ.

Соціальное неравенство вносило какъ-бы неравенство въ условія военной службы. Теоретики отказались признать его.

Военная служба есть подать личная; подать времени—всегда, подать крови—иногда. Подать пропорціональна податной способности и сама-по-себѣ измѣнчива. Никто никогда и не думалъ назначать для всѣхъ одинъ и тотъ-же номеръ. Этому противится самая невозможность исполненія.

Подать времени или крови, какъ хотите назовите, узаконенная категорически, *равной для всѣхъ*. въ дѣйствительности ложилась-бы бо-

лѣе тяжелымъ бременемъ на однихъ, чѣмъ на другихъ, и она, такимъ образомъ, по самому происхожденію своему, была-бы съ недостатками.

Равенство службы составляло-бы, фактически, подлинное неравенство. Съ точки зрѣнія гражданской дѣятельности продолжительность пребыванія въ войскахъ безразлична для извѣстнаго числа лицъ, она выгодна для нѣкоторыхъ личностей и вредна для многихъ другихъ. Значитъ, она не можетъ быть равна.

Поденщикъ, землекопъ, проведя нѣсколько лѣтъ въ полку, остается такимъ-же, какъ былъ ранѣе, съ тою же способностью снова приняться за свое ремесло. Служба ему мѣшала въ другихъ отношеніяхъ, но не повела къ потерѣ его профессіональныхъ способностей.

Нѣкоторые плотники и кузнецы, попавшіе въ артиллерійскія батареи, булочники, бочары, садовники, зачисленные въ военныя пекарни имѣли возможность усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, стать болѣе искусными, и военная служба поставила ихъ въ лучшее положеніе, чтобы потомъ заниматься своимъ ремесломъ. Они выиграли, ставъ солдатами.

Что касается профессій, требующихъ долгаго искуса и ученія, для нихъ военная служба вредна, забирая молодого человѣка тогда, когда онъ долженъ создавать, рѣшать, упрочивать свою карьеру. Касается-ли дѣло профессій свободныхъ, промышленныхъ, торговыхъ, земледѣльческихъ,—неудобство одинаковое.

Предупрежденіе или отсрочка призыва были средства, установленныя самимъ закономъ, чтобы смягчить суровость принципа. Вовсе не было мысли устанавливать милости для нѣкотораго числа лицъ.

Невозможность нападокъ на него была ясна. Тѣмъ не менѣе, это дѣлалось. Поднялись горячія осужденія и исказили намѣренія законодателя. Требовали просто уничтоженія.

Парламентъ, обязывая всѣхъ служить, утверждалъ для всѣхъ естественный долгъ. Онъ, главнымъ образомъ, разсматривалъ необходимость получить очень большое число ратниковъ и слѣдовалъ, въ этомъ провозглашеніи принципа, примѣру сосѣднихъ странъ. Подъ вліяніемъ современныхъ идей онъ выставилъ его, не отдавая себѣ хорошо отчета въ послѣдствіяхъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, зак-

ладывали весь человѣческій капиталъ, не заботясь ни о сохраненіи его цѣнности, ни объ увеличеніи количества. Такъ какъ численность стала элементомъ преобладающимъ, было-бы желательно побуждать къ увеличенію населенія. Обстоятельства, пренебреженіе, забвеніе, увлеченіе, помѣшали принять это въ расчетъ, и это было ошибкой.

Моралисты и экономисты указывали на это съ извѣстной горечью. Они жалуются на уменьшеніе рождаемости и потери, вслѣдствіе того, общественной силы. Обязательная, одинаковая для всѣхъ, служба не единственная причина, но одна изъ нихъ. Стѣсняя ранніе браки, она вноситъ нѣкоторую смуту въ семейные расчеты и въ устройство судьбы личностей.

Законъ подчинился отвлеченной идеѣ, химерической въ примѣненіи, подводя всѣхъ подъ одинъ уровень, потому что, исключая отцовъ, имѣющихъ 4 дѣтей въ живыхъ, онъ не дѣлалъ различія между холостякомъ, женатымъ, вдовцемъ, главой семейства. Съ точки зрѣнія произрожденія, онъ пренебрегъ однимъ изъ главныхъ общественныхъ требованій.

Всѣ нападки и осужденія, поднятыя противъ закона 1872 года, какъ бы они ни были серьезны и основательны, исчезаютъ, такъ сказать, передъ возраженіями противъ срока службы и второй части контингента или сокращенной службы.

Однако-же самъ законъ обратилъ на это вниманіе, вводя льготы, изъятія, волонтерство, что составляло дѣйствительное смягченіе. Эта, столь справедливая, мысль вызвала самыя ѣдкія осужденія. Вмѣсто того, чтобы стараться объ ея улучшеніи, требовали ея уничтоженія. Никакого различія, абсолютное равенство, все или ничего—какъ говорили.

Трудно объяснить себѣ такое несправедливое насиліе. Во времена постоянныхъ ограниченныхъ армій небольшая часть населенія несла тяжесть службы, другая часть, называемая резервомъ, могла быть призвана въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Остальная, самая многочисленная, часть не была обязана никакой военной службой.

Конечно, полной справедливости не было, но рѣшеніе было предоставлено судьбѣ. Къ этому привыкли давно, около вѣка, и обвиняли мало или совсѣмъ не обвиняли. Иногда ограничивались сожалѣніемъ тѣхъ, которыхъ называли жертвами конскрипціи. Это, конечно, происходило изъ очень эгоисти-

ческаго чувства, такъ какъ большинство чувствовало себя хорошо при такомъ порядкѣ вещей, хотя и мало обезпечивающемъ равенство.

Теперь обстоятельства измѣнились. Бо́льшая часть страны обязана службой, и жалобы являются со всѣхъ сторонъ. Безполезно разсуждать. Аргументы приводились много разъ. Ихъ отвергаютъ. Затронутъ личный интересъ. Кажется, уже не понимаютъ преданности священному дѣлу отчизны.

Часть этихъ сѣтованій основательна. Въ законѣ 1872 года былъ важный пробѣлъ. Абсолютное равенство было невыполнимо, значитъ, требовались мѣры уравнительныя. Главная состояла въ военномъ налогѣ, достаточномъ и хорошо примѣненномъ.

Многіе недостатки, дѣлая неспособнымъ къ дѣйствительной службѣ, нисколько не мѣшаютъ нести гражданскую службу и даже преуспѣвать на ней. Абсолютное освобожденіе въ такомъ случаѣ излишне и должно было бы замѣняться спеціальной податью. Кто не идетъ, весьма естественно долженъ способствовать увеличенію средствъ тѣхъ, кто находится въ рядахъ.

Также и съ льготами всякаго рода. Выгода, которую онѣ доставляютъ, должна быть возмѣщена налогомъ, уравновѣшивающимъ ее.

Налогъ скорѣе намѣченъ, чѣмъ введенъ закономъ 1872 года. Онъ испугалъ сразу, потому что былъ не понятъ. Показалось, будто былъ выборъ между службой и платой. Вспоминали замѣстительство и освобожденіе. Дѣло, между тѣмъ, не шло ни о томъ, ни о другомъ.

Освобожденія и льготы назначены по закону, который опредѣляетъ условія. Разъ это установлено, фискальныя послѣдствія должны были вытекать, смотря по разрядамъ и пропорціонально размѣрамъ другихъ податей. Такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ никакой торговли, желанія выжимать, милости, дарованной богатству.

Въ 1872 году были недостаточно подготовлены, что-бы урегулировать эти вопросы о военномъ налогѣ. Позже за нихъ снова принялись критики и тамъ они были вправѣ протестовать противъ узаконенной несправедливости.

Земледѣльческія, промышленныя и торговыя нужды, требующія рукъ и ума, поднимаются противъ долгаго пребыванія людей въ войскахъ, гдѣ они отвлекаются отъ работы.

Тогда какъ служба въ Германіи была ограничена тремя годами, ни-

какъ не могли себѣ объяснить, почему во Франціи она еще продолжается пять лѣтъ; доводъ поверхностный въ своей абсолютной формѣ. Мы скоро увидимъ, какъ это снова возобновляется съ еще меньшимъ основаніемъ, такъ какъ не желаютъ обратить вниманія, что срокъ службы зависитъ отъ численности населенія и, такъ сказать, опредѣляется самъ собой.

Болѣе или менѣе полное примѣненіе обязательной службы значительно усилило военныя тягости и вызвало недовольство. Изо-дня въ день оно становилось болѣе общимъ.

Вотъ на чемъ сосредоточивались всѣ нападки критики:

1) Существовало неравенство, противное принципу закона, но между тѣмъ допускаемое имъ.

2) Волонтерство въ извѣстныхъ предѣлахъ напоминало замѣстительство.

3) Изъятія кажутся чрезмѣрными.

4) Отсрочки кажутся нѣкотораго рода милостью.

5) Военный налогъ былъ плохъ и неудовлетворительно распредѣленъ.

6) Срокъ службы, слишкомъ продолжительный, былъ вредомъ для рождаемости.

Наоборотъ, о выгодахъ, пріобрѣтенныхъ страною устройствомъ многочисленной и солидной арміи, не говорили. Вовсе не упоминали о военныхъ нуждахъ, вытекавшихъ изъ нашихъ прошлыхъ несчастій и будущихъ сомнѣній.

Выставляли неудобства, злоупотребленія, несовершенства, со всѣхъ сторонъ поднимались жалобы, ловко эксплуатируемыя противниками общественнаго порядка и, слѣдовательно, арміи.

Армія-же, между тѣмъ, развивалась, совершенствовалась, мало по малу, несмотря на вліяніе нѣкоторыхъ лицъ, несмотря на множество различныхъ системъ, которыя пробовали поочередно. Все-же чувствовали, что она проиграетъ въ этой борьбѣ, гдѣ она одна не говорила, одна не вотировала. Она могла только уступать.

Шестнадцать лѣтъ прошло со времени изданія закона 1872 года; хорошіе результаты уже проявились, другіе должны были еще обнаружиться; армія преслѣдовала свою задачу, не смотря на критику и діатрибы. Назначеніе гражданскаго человѣка военнымъ министромъ, „пустило, какъ говорятъ, козла въ огородъ“. („introduist, comme on dit, l'ennemi dans la place“). Расположенный къ невоеннымъ, онъ постарался обезпечить успѣхъ ихъ

плана, а законъ 1889 года ихъ освятилъ.

XXII.

Законъ 1889 года

Въ принципѣ онъ мало отличается отъ закона 1872 года. Единственное различіе поражаетъ сразу. Законъ 1872г. осуждалъ, уничтожалъ всякое денежное вмѣшательство въ дѣло рекрутчины. Это была его заслуга, выраженіе возвышеннаго чувства, которое господствовало надъ всѣмъ военнымъ ремесломъ. Законъ 1889 года молчитъ объ этомъ пунктѣ. Статья 31 закона 1832 года, возобновляемая въ законѣ 1872 г. не была повторена. Это не забвеніе, это полная перемѣна въ идеяхъ и послѣдствія не замедлятъ обнаружиться, проявиться впослѣдствіи.

Съ этихъ поръ деньги войдутъ въ расчетъ. Военная служба не будетъ больше исполненіемъ долга, а станетъ, мало по малу, наемной. Законъ 1889 года былъ внушенъ англійскими идеями; онъ подготовлялъ общую замѣну французскихъ войскъ профессіональными.

Избѣгали подчеркивать это намѣреніе, потому, что оно, безъ сомнѣнія, было бы противно французскому характеру. Объ этомъ ничего не говорили. Молчаніе не менѣе преступно. На этотъ существенный пунктъ не достаточно обратили вниманіе. Происходила серьезная перемѣна; незамѣтный снаружи червь проникалъ туда тихо; онъ дѣлалъ свое дѣло и постоянно видны послѣдствія этого.

Абсолютное равенство было цѣлью, къ которой стремились совершенно открыто. Увлекались, провозглашая его необходимость. Пытались приневолить къ службѣ лицъ, которыя до тѣхъ поръ, обязанныя прослужить нѣсколько лѣтъ, выплачивали свой долгъ государству другимъ путемъ. Огромное количество рѣчей и словъ было произнесено для того, чтобы указать на принципъ, справедливый теоретически, но непримѣнимый на практикѣ.

Люди политики, вообще, довольно поверхностные, даютъ себя увлечь теоріями и не знаютъ положительныхъ сторонъ дѣла. Они восторжествовали еще въ этомъ случаѣ и высокопарно провозгласили, какъ новость, старый принципъ равенства дѣйствительной службы.

Все-же много говорили на счетъ редакціи и вотировали:

Ст. 1. Всякій французъ обязанъ лично нести военную службу.

Ст. 2. Обязательность военной

службы одинакова для всѣхъ.

Въ концѣ-концевъ, измѣнилась форма. Ничто неизмѣнилось въ сущности. Законъ можетъ предписывать, но не можетъ выполнить невозможнаго, а невозможность выполненія всячески проявлялась, вопреки желаніямъ законодателей.

Поставивъ принципъ ясно и опредѣленно, старались найти возможный способъ выполненія. Но не нашли такого. Надо было мириться, прійти къ компромиссамъ; протестовали противъ этихъ послабленій, но надо было рѣшиться на нихъ, такъ какъ они были неизбѣжны. Не признавалась, протестуя даже, вернулись къ льготамъ, освобожденіямъ и ко второй части.

Ст. 20 „Освобождаются, по постановленію пріемной комиссіи, молодые люди, которые, по своимъ недугамъ, неспособны ни къ дѣйствительной, ни къ вспомогательной службѣ. Что-бы удостовѣрить ихъ положеніе, имъ выдается свидѣтельство“, и т. д. Ихъ положеніе, такимъ образомъ, установлено, но нѣтъ вопроса о вознагражденіи. Малый, слабый, хромой, однорукій, кривой и т. д. можетъ заниматься всякими гражданскими дѣлами и создать себѣ тамъ хорошее мѣсто. Этотъ законъ, гдѣ такъ требовали равенства, очень непослѣдователенъ. Онъ касается всѣхъ, поставленныхъ въ хорошія условія и обязываетъ ихъ службой. Онъ совершенно освобождаетъ отъ нея цѣлую категорію уродовъ, которыхъ онъ включаетъ въ число хилыхъ, что совершенно ошибочно. Этотъ неправильный законъ и не думалъ даже искупить этотъ, столь поразительный диссонансъ спеціальной податью, налагаемой на освобождаемыхъ.

Ст. 21. „Въ мирное время, по„слѣ года службы подъ знаменами, „—увольняются домой въ отпускъ „до перехода въ резервъ; старшіе „сиротъ; старшій сынъ вдовы; стар„шій сынъ въ семьѣ, имѣющей семь „душъ дѣтей“.

Непослѣдовательность этой статьи очевидна. Гражданское положеніе индивидуума—только предположеніе, часто опровергаемое. Образъ дѣйствій или богатство человѣка могутъ преобразить благую идею закона въ бичъ для семьи, къ которой онъ принадлежитъ. Изъятіе, хорошее въ нѣкоторыхъ случахъ, дурно въ другихъ. Надо было предоставить рѣшеніе его пріемной комиссіи департамента (Conseil de revision), свободно дѣйствующей, смотря по обстоятельствамъ.

Этого не сдѣлали и все же установили его въ слѣдующей статьѣ.

Ст. 22. „Въ мирное время, про„бывъ годъ на службѣ, могутъ от„правляться въ отпускъ домой тѣ „молодые люди, которые, дѣйстви„тельно, составляютъ необходимую „поддержку семьи“.

Ст. 21 даетъ изъятіе, ст. 22 дѣлаетъ его необязательнымъ. Нѣтъ для этого никакого основанія. Въ первомъ случаѣ оно не мотивировано, объ немъ только догадываются, во второмъ—оно формально установлено, представляетъ гарантіи. Лица и семьи, къ которымъ оно примѣняется, внушаютъ болѣе сочувствія, чѣмъ многія другія и все-же этотъ законъ, который считали такимъ уравнительнымъ, даетъ имъ менѣе льготъ, чѣмъ первымъ.

Конечно, и не подумали наложить на изъятыхъ статьями 21-й и 22-й какой-нибудь налогъ за льготу, дарованную имъ.

Предъидущія статьи имѣютъ въ виду или должны были бы имѣть въ виду непрочное положеніе семей или съ нравственной, или съ точки зрѣнія средствъ существованія. Кромѣ того, создали другую категорію льготныхъ въ интересахъ высшаго интеллектуальнаго образованія—артистическаго, профессіональнаго.

Ст. 23 гласитъ: „Въ мирное время послѣ года службы, отправляются въ отпускъ домой и т. д. профессора-наставники, или съ дипломами, римскими преміями (Les prix de Rome), воспитанники духовныхъ учебныхъ заведеній, ученики политехникума, школъ мѣстной, центральной, санитарной, ветеринарной“. (Ст. 28 и 29).

И опять-таки это не равенство, но лишь мѣра, облегчающая выполненіе закона. Опять забыли о равновѣсіи повинностей натуральной и денежной. Очень выгодно быть избавленнымъ отъ значительной части дѣйствительной службы; значитъ, справедливо вознаградить за это прибавкой подати, а военный налогъ есть только скромная попытка въ этомъ направленіи, которую нѣкоторые теперь желали-бы распространить на развитіе наемниковъ, приводя къ раздѣленію націи на двѣ части: платящихъ и оплачиваемыхъ.

Ст. 27 говоритъ: „Два года подрядъ могутъ даваться отсрочки для „новаго освидѣтельствованія пріемными комиссіями молодымъ лю„дямъ неустановленнаго роста или „признанными очень слабаго сло„женія“.

Фактически здѣсь подразумѣва-

лись тѣ, кто желалъ окончить свои занятія и ученіе. Это нарушеніе оправдывается, хотя оно колеблетъ равенство.

Ст. 35 освятила возмѣщеніе части службы деньгами. Она изложена такъ: „Ежегоднымъ военнымъ на„логомъ будутъ облагаться тѣ, кто „вслѣдствіе изъятія, отсрочки поступ„ленія на вспомогательную служ„бу или во вторую часть льготной „службы (dans la seconde partie du „contingent de dispenser) или по дру„гой причинѣ воспользуются осво„божденіемъ отъ службы въ дѣйст„вующей арміи".

Налогъ опредѣленъ въ шесть франковъ, большій изъ всѣхъ налоговъ.

Какъ и всегда, колебались. Между тѣмъ этотъ законъ 1889 года отбросилъ рыцарскія идеи закона 1872 г., который отвергалъ соблазны денегъ. Онъ былъ свободенъ, предлагая ихъ съ одной стороны, просить съ другой.

Онъ обязываетъ всѣхъ, кто не выполняетъ военной службы, платить. Онъ перечисляетъ всѣ причины и прибавляетъ: „или по всякой другой причинѣ". Это наводитъ на размышленія, какъ-бы можно было избавиться отъ службы, помимо случаевъ, исчисленныхъ закономъ.

Законъ недостаточно точно опредѣлилъ примѣненіе военнаго налога. Одна часть должна-бы отдаваться общинамъ съ обязательствомъ оказывать необходимую помощь нуждающимся семьямъ, главная опора которыхъ на службѣ. Такъ поступаютъ въ другихъ странахъ и находятъ это хорошимъ.

Не затрогивали этого вопроса, поднимающаго другой, болѣе важный—о кормильцахъ семьи, для которыхъ, въ такомъ случаѣ, пѣтъ поводовъ къ освобожденію. Если ужъ являться поборниками равенства на словахъ и принципахъ, то слѣдовало-бы приблизиться къ нему и на практикѣ. Но этимъ пренебрегли.

Самое большое измѣненіе, внесенное въ наши военныя установленія, было сокращеніе срока дѣйствительной службы. Его требовало общественное мнѣніе, возбужденное постоянными статьями. Избирательныя выгоды побуждали принять его. Хотя было представлено нѣсколько очень справедливыхъ возраженій, но ихъ отклонили. Военныя выгоды занимали лишь второе мѣсто въ разсужденіяхъ о законахъ.

Былъ принятъ трехлѣтній срокъ.

Ст. 40-я опредѣлила начало его съ 1-го ноября года внесенія въ призывные списки (les tableaux de

recensement) и установила пріемъ новобранцевъ (l'incorporation du contingent) не позже 16-го ноября. Это была тоже ошибка, дурная уступка частнымъ интересамъ. Настоящее число начала службы и пріема для того, что-бы рекруты едва были въ состояніи идти весною—это 1-е октября. Были слишкомъ внимательны къ протестамъ хозяевъ виноградниковъ и пожертвовали военными выгодами въ пользу нуждъ виноградства, которое не пострадало-бы отъ менѣе поздняго призыва.

Контингентъ новобранцевъ значительно увеличился по новому закону и, несмотря на изъятія и освобожденія, было невозможно принять всѣхъ на трехлѣтній срокъ. Надо-бы прійти къ раздѣленію его еще на двѣ части,—одну, отбывающую службу три года, другую служащую лишь годъ. Все-же этого не хотѣли высказать ясно и скрыли его подъ названіемъ оставленія за штатомъ (sous le nom de disponibilité).

Ст. 39 была изложена такъ: „По „опредѣленному списку, министръ „назначаетъ по округамъ число „людей, оставляемыхъ за штатомъ „послѣ годичной службы, начиная „съ первыхъ номеровъ. Они остаются „въ распоряженіи министра, который „можетъ оставить ихъ въ „войскахъ или вновь призвать ихъ „на службу, если поведеніе или обученіе ихъ требуютъ этого, или если „позволяетъ состояніе финансовъ".

Очевидно лукавили, и вторая часть статьи становилась довольно яснымъ послабленіемъ созданной невозможности. Очень хорошо знали, что не могли этого выполнить и, все-таки, его допустили.

Въ дѣйствительности вторая часть контингента продолжала существовать. Не было больше рѣчи о вольноопредѣляющихся, на что такъ нападали и лишились довольно значительнаго сбора, все во имя того-же принципа равенства, упоминаемаго, но не установленнаго закономъ.

Хотя тенденціи въ пользу добровольной рекрутчины съ преміей или безъ преміи обнаружились въ законѣ 1889 г., законодатели, довольные тѣмъ, что выиграли въ дѣлѣ уменьшенія срока службы и уничтоженія волонтерства, отнеслись довольно легко къ вопросу о добровольномъ поступленіи и поступленію на сверхсрочную службу.

Ст. 59 допускала добровольное вступленіе на 3—4—5 лѣтъ.

Ст. 60 устанавливала, что въ колоніальныхъ войскахъ пяти-лѣтнія

обязательства давали права на премію въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ.

Законъ оказался болѣе положительнымъ относительно сверхсрочной службы. Ст. 63: „солдаты, по„жалованные орденами и медалями „или записанные въ списки достой„ныхъ къ производству въ ефрей„торы или унтеръ-офицеры, а рав„но ефрейторы и унтеръ-офицеры, „могутъ быть принимаемы на сверх„срочную службу на два, три или „пять лѣтъ".

Всякій изъ состоящихъ въ колоніальныхъ войскахъ, можетъ заключать условіе для вступленія на два, три или пять лѣтъ. Они могутъ возобновляться до выслуги всего пятнадцати-лѣтняго срока службы.

Поступленіе на сверхсрочную службу даетъ право *на премію, уплачиваемую непосредственно за подписаніемъ акта.*

Даетъ высокіе оклады жалованья.

Послѣ пятнадцати лѣтъ дѣйствительной службы, сверхсрочные имѣютъ право на пенсію, равную минимумъ $^{15}/_{25}$, которая увеличивается на $^{1}/_{25}$ за каждую кампанію

Ст. 64: „Всякій кавалеристъ мо„жетъ снова вступить на четвер„тый годъ. Онъ будетъ имѣть пра„во получать въ теченіи четверта„го года высшій окладъ".

Обязательство отбывать учебные сборы для резервистовъ было удержано въ законѣ 1889 г., хотя значительно смягчено.

Ст. 49: „Резервисты дѣйстви„тельной арміи обязаны принять „участіе въ 2-хъ сборахъ, каждый „въ теченіи четырехъ недѣль".

Этого, конечно, мало; учебные сборы назначаются каждые пять лѣтъ, тогда какъ постоянные успѣхи такъ быстро измѣняютъ пріемы.

Та-же статья опредѣлила одинъ лишь призывъ на двѣ недѣли для территоріальныхъ войскъ въ теченіи шести-лѣтняго пребыванія ихъ въ этой арміи. Это еще меньше, чѣмъ прежде, съ точки зрѣнія обученія.

Естественно увольненія отъ этихъ сборовъ могутъ быть даваемы только тѣмъ, кто служитъ поддержкой семьи.

Таковы были основы закона съ военной точки зрѣнія. Въ нихъ проведены различныя мѣры, представляющія также гражданскій характеръ.

Ст. 52. „На службѣ всѣ резервисты „и находящіеся въ территоріальной „арміи подчиняются всѣмъ обяза„тельствамъ, налагаемымъ на воен-

„ныхъ дѣйствующей арміи законами и дѣйствующими постановленіями. Они подсудны военнымъ судамъ, какъ въ мирное, такъ и военное время“.

Это постановленіе было необходимо: безъ него все зданіе рушилось. Резервъ исчезалъ и преобразовывался въ національную гвардію, гдѣ каждый почти творилъ волю свою. Однако-же эта статья, противъ которой такъ возставали идеологи, соціалисты и анархисты, возбуждала и возбуждаетъ живое, но мало основательное негодованіе.

Тоже почти было и съ послѣдующей статьей 53-й:

„Если резервисты или территоріальные, даже не находясь на службѣ, одѣты въ форму, они обязаны оказывать всякому старшему, одѣтому въ форму, знаки почтенія, предписанные военными уставами и на нихъ смотрятъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ на военныхъ, находящихся въ отпуску“.

Этотъ случай рѣдко находитъ примѣненіе, такъ какъ, по смыслу статьи 57, сужденіе о совершившихъ преступленія подлежитъ гражданскому суду. Надо слишкомъ серьезные проступки, что-бы прибѣгали къ этой процедурѣ.

Стремленіе къ независимости, желаніе избавиться отъ самыхъ элементарныхъ правилъ дисциплины, заставили внести въ законъ очень точныя постановленія.

Ст. 8. „Всякій сформированный отрядъ, когда онъ подъ ружьемъ, подчиняется военнымъ законамъ, составляетъ часть арміи и зависитъ отъ военнаго или морского министровъ. Тоже и съ ротами ветерановъ, которыя военный министръ имѣетъ право организовать въ военное время и которые набирались бы путемъ добровольныхъ поступленій изъ числа людей, отбывшихъ весь срокъ военной службы“.

Эти распоряженія, хотя и опредѣленныя, оспаривались иногда относительно пожарныхъ ротъ, обществъ ружейной стрѣльбы и т. д.

Довольно странное по достаточно открывающее силу общественнаго мнѣнія, обстоятельство, что въ началѣ этого закона удалось ввести ст. 7, редактированную слѣдующимъ образомъ:

„Никто не принимается на государственную службу и не можетъ быть избранъ на общественныя должности, если онъ не предъставитъ удостовѣренія, что выполнимъ обязательства, налагаемыя

„настоящимъ закономъ".

Ничего, конечно, нѣтъ естественнѣе этого и, въ то же время, ничто не соблюдается менѣе. Когда выборщики избрали муниципальнаго совѣтника, генеральнаго совѣтника, депутата—никто и не думаетъ спрашивать у выбраннаго, отбылъ-ли онъ воинскую повинность.

Кромѣ того тѣ, кто былъ освобожденъ отъ службы вслѣдствіе недостаточнаго роста, хромоты плохого зрѣнія, слабости сложенія, должны бы быть лишены права исполненія всякой общественной или выборной должности, потому что они вовсе не служили. Я не знаю, что-бы поднимался когда либо вопросъ объ этомъ лишеніи права, хотя и основанномъ на законѣ.

Наконецъ, въ заключеніе, законъ счелъ долгомъ выразить прежній антифонъ на счетъ необходимости приготовлять юношей къ военной службѣ. Въ ст. 85 говорится такъ:

„Спеціальный законъ опредѣлилъ:
„1) Мѣры, необходимыя для при-
„мѣненія закона 27 января 1880 г.
„въ учебныхъ заведеніяхъ, вводя-
„щаго обязательныя военныя упраж-
„ненія. 2) Организацію военнаго
„обученія для молодыхъ людей отъ
„17—20 лѣтъ и способъ назначе-
„нія инструкторовъ".

Это желаніе осталось платоническимъ. Законъ 1889 г., предоставляя другому, будущему закону примѣненіе закона 1880 г., достаточно походилъ на горькую шутку. Вѣроятно, прождавъ 9 лѣтъ, ничего не дѣлая и видя печальные результаты смѣшныхъ школьныхъ батальоновъ, законодатели сочли благоразумнымъ не настаивать на пунктѣ, въ которомъ они ничего не понимали. Чтобы не уничтожить совершенно всякую надежду, они редактировали ст. 85.

XXIII.

Законъ 1893 г.

Отъ законъ 1889 г. ожидали многаго. Его авторы и сторонники считали военной хартіей, если не окончательной, то предназначенной существовать долго. Многочисленные его противники знали его слабыя стороны. Они не дали обмануть себя фантасмагоріей словъ и шумомъ пустыхъ фразъ. Тѣмъ не менѣе, если они его критиковали, то сдержанно. Не то же самое было съ виновниками закона 1889 г. Они чувствовали, что въ общемъ разбиты на многихъ пунктахъ, слѣдовательно обманутыя въ бо́льшей части своихъ надеждъ.

Армія шла своимъ путемъ и нель-

зя было замѣтить серезьныхъ перемѣнъ, введеныхъ въ ней. Это было превосходное дѣло ея несравненнаго корпуса офицеровъ. Онъ выказалъ всю свою доблесть въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, принялъ измѣненія безъ жалобъ на прибавку работы и выполнилъ ее превосходно.

Трудности были велики, особенно въ вопросѣ объ устройствѣ корпуса унтеръ-офицеровъ, такъ какъ сокращеніе срока службы отнимало ихъ почти всѣхъ. Все-таки ихъ удалось преодолѣть. Эта особая заслуга, оказанная странѣ корпусомъ офицеровъ, выше всякихъ похвалъ. Онъ передѣлалъ армію безъ потрясеній, сдѣлалъ много успѣховъ и, несмотря на не благопріятныя условія, она улучшилась, благодаря его усиліямъ.

Этотъ прекрасный результатъ, столь оцѣненный страной, раздражилъ тѣхъ, кто надѣялся уничтожить, уменьшить, по крайней мѣрѣ, а увидѣли передъ собою армію всегда крѣпкую и дисциплинированную.

Нападки гуманистовъ, соціалистовъ, анархистовъ, мечтателей и разрушителей, поднялись еще сильнѣе. Законъ 1889 г., казалось, сравнялъ всѣ трудности, уничтожилъ всѣ возраженія, разрѣшилъ всѣ вопросы, если вѣрить писателямъ-противникамъ, онѣ вставали еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Главная идея была—равенство, столь соблазнительное во Франціи, что она значительно опережаетъ свободу, которая все же болѣе предпочтительна. Это равенство, за которымъ такъ гонятся, не было достигнуто, несмотря на всѣ попытки къ достиженію его. Хотѣли охватить всѣхъ безъ исключенія, поставить всѣ головы подрядъ; претендовали установить его необходимость, справедливость. Постановленіе это показало, что, далеко не достигнувъ цѣли, пришли только къ несходству результатовъ, близко граничущихъ съ несправедливостью.

Касаясь столь разнообразныхъ элементовъ общества, столь различныхъ условій существованія, нельзя было надѣяться достигнуть относительнаго равенства иначе, какъ мѣрами уравнительными, вводящими нѣчто въ родѣ вознагражденія. Законъ 1872 г. вполнѣ основательно принялъ ихъ, и въ этомъ нашли поводъ къ нападкамъ, несправедливымъ и, по большей части, отвратительнымъ.

Когда заговорили снова о томъ, чтобы также поступить и въ 1889

году, лѣвая парламентская запрыгала, стала сердиться, криками заставила признать свою волю и, въ концѣ концовъ, результатъ затронулъ интересы многихъ.

Послѣ того, какъ разбранили увольненія, ихъ снова узаконили и увеличили. Когда законъ 1872 года мирился съ принципомъ равенства, онъ издалъ нѣкоторыя положенія, уважилъ нѣкоторые законные интересы, присоединяя все-же къ этому извѣстное вознагражденіе, которое уменьшало цѣнность льготы.

Законъ 1889 года призналъ эти распоряженія привиллегіями и отмѣнилъ ихъ; все-же, въ силу необходимости, онъ ввелъ множество изъятій, которыя, въ дѣйствительности, установили другого рода привиллегіи, но, на этотъ разъ, безъ возмѣщенія за частную или общественную службу.

Заслуга закона 1872 года заключалась въ изгнаніи изъ рекрутчины денежнаго двигателя. Эта мысль была вычеркнута въ законѣ 1889 г. Въ немъ преміи, высокіе оклады развивали соблазнъ денегъ: скорѣйшія отставки, гражданскія мѣста, всѣ соблазны, чтобы привлечь охотниковъ.

Съ точки зрѣнія нравственной, второй законъ оказывался замѣтно ниже перваго. Съ точки зрѣнія общественной говорили объ облегченіи обязательной службы, и послѣ столькихъ споровъ и обѣщаній, она фактически стала тяжелѣе, непріятнѣе, особенно для массы населенія.

Эти два повода возбудили умы и сдѣлали ихъ болѣе воспріимчивыми къ вновь проявившейся и еще болѣе горячей, чѣмъ прежде критикѣ. Шли, такъ сказать, на приступъ закона, едва вотированнаго. Неудобства все болѣе и болѣе обнаруживались на практикѣ. Менѣе 4 лѣтъ спустя, требовали, если не реформы его, то, по крайней мѣрѣ, замѣтной перемѣны. Рекрутчина колоніальныхъ силъ послужила предлогомъ и основой закона 1893 г.

Было достигнуто огромное сокращеніе срока службы—3 года вмѣсто 5 лѣтъ. Далеко неудовлетворенные, видѣли въ этомъ лишь средство идти дальше. Просили новыхъ уступокъ. Послѣдній вотированный законъ показалъ, что ихъ можно добиться и самъ онъ представлялъ средство къ тому.

Онъ придалъ большое значеніе деньгамъ, которыя до сихъ поръ вовсе не имѣли значенія въ рекрутчинѣ. Указывали на примѣръ Англіи. Никакого принудительнаго набора, армія, составленная исключительно изъ

волонтеровъ. — перемѣна полная. Она, тѣмъ не менѣе, вовсе не пугала. Не соглашаясь еще вполнѣ на это, благосостояніе, все болѣе и болѣе развиваясь, желало, чтобы былъ сдѣланъ еще шагъ въ этомъ направленіи.

Все же это мнѣніе оставалось тайнымъ во французской землѣ, гдѣ здравый смыслъ всегда имѣетъ свои права. Много усилій было употреблено, чтобы заставить населеніе высказаться въ смыслѣ новой эволюціи. Парламентскіе дѣятели и публицисты удвоили свои нападки на армію. Идеи реформы получили нѣкоторое распространеніе. Утверждали, что страна отказывалась давать людей для колоніальной службы. Въ дѣйствительности это было не вполнѣ точно.

Странная вещь, начали открыто провозглашать что-то въ родѣ отказа отъ содѣйствія экспедиціямъ за море и, такъ сказать, заставлять парламентъ вотировать его, что онъ и сдѣлалъ, послѣ преній, оставившихъ печальное воспоминаніе.

Этотъ законъ при зарожденіи представилъ самыя злосчастныя перипетіи. Послѣдовательно отказались отъ всѣхъ предложеній, поднимавшихъ разногласія. Проектъ, постоянно очищаемый, казалось, не могъ болѣе существовать. Пережило одно только распоряженіе: „Никакого набора для колоній“. Всѣ или почти всѣ пришли къ соглашенію на этотъ счетъ. Комиссія, ораторы, даже правительство настаивали на необходимости пополненія колоніальныхъ войскъ исключительно волонтерами, привлекаемыми, ободряемыми, возбуждаемыми денежными выгодами.

Весь законъ сводился къ этому пункту. Это была простая выборная манифестація, въ виду близкихъ выборовъ. Небольшое меньшинство протестовало противъ этой странной системы жертвовать одной частью нашихъ военныхъ установлѣній въ пользу политическихъ соображеній малой цѣнности. Ихъ вовсе не слушали.

Большинство сходилось на томъ: выборный интересъ прежде всего. Можно повторить это послѣ голосованія, потому что часто объ этомъ говорили ло него. Сторонники закона, люди увлеченные разными побужденіями, особенно нехорошими, кричали очень громко и хвалили свою реформу. Они указызали на необходимость избавиться отъ несправедливаго и ненавистнаго правила плохихъ номеровъ, составлявшихъ очень слабый колоніаль-

ный контингентъ.

До того времени спорили, измѣняли, исправляли, смягчали военные законы, и большинство, всегда слабое уступало. На этотъ разъ не спрашивали болѣе, а предписывали. Обнаруживалось возмущеніе на дѣлѣ, а особенно на словахъ противъ требованій военной службы. На трибунѣ говорили и повторяли: „Мы „не хотимъ болѣе, чтобы нашихъ „дѣтей принуждали идти въ коло„ніи. Пусть посылаютъ туда охот„никовъ, это лишь вопросъ денегъ, „мы заплатимъ". Такъ заканчивались всѣ рѣчи, напыщенныя, но малообоснователыныя.

Такія рѣчи, конечно, были удивительны во французской палатѣ. Это объявленіе начала военной стачки, увы, не слишкомъ удивило. На него не отвѣчали, какъ-бы слѣдовало. Представители націи, превышая свои полномочія, плохо истолковали чувства народа, еще мужественнаго и рѣшительнаго, и, закономъ 1893 года, они вотировали отказъ отъ службы ихъ довѣрителей, не уполномочившихъ ихъ на это.

Мы не хотимъ набора для колоніальныхъ войскъ. Отказъ былъ формальный. Во что обратится долгъ по отношенію къ отечеству, если всякій будетъ свободенъ выбрать способъ его выполненія. Если выборъ обнаруживается на одномъ пунктѣ, онъ можетъ также имѣть мѣсто и на другомъ. Если можно отказаться отъ службы въ колоніяхъ, почему будутъ обязаны идти въ холодные климаты Альпъ или Вогезъ, или рисковать на жарѣ Южнаго Алжира? Доводы одинаково основательные!

Брешь, пробитая этимъ голосованіемъ весьма печальна. Она скоро увеличится. Не захотятъ идти ни туда, ни сюда. Не согласятся служить въ томъ, или другомъ родѣ оружія, пока, наконецъ, выразятъ желаніе и вовсе не служить.

Къ счастью, мы ещо не дошли до этого; но насъ стараются вести туда, и уже и теперь можно измѣрить громадность сдѣланной ошибки. Законъ 1893 года былъ брешью, пробитой въ принципѣ военнаго долга. Значительное зло, причиненное этимъ, падаетъ даже на умѣренныхъ.

Ослѣпленные выборной выгодой, напуганные, быть можетъ, наглостью своихъ противниковъ, они надсверлили эту роковую брешь, открыли пропасть, куда все рискуетъ провалиться, они сдѣлали прыжокъ въ неизвѣстное.

Передовые не надѣялись на такой успѣхъ. Они съ жаромъ приняли это заблужденіе умѣренныхъ, совсѣмъ удивленные этой неожиданной поддержкой.

Небольшое число анархистовъ, которые подъ разными названіями вели эту борьбу для разрушенія арміи, увидѣли непосредственно какую выгоду можно извлечь изъ парламентской слабости и широко воспользовались этимъ.

Безсознательное, если хотите, дѣло, которое было законно совершено, вредно въ настоящемъ и будетъ еще гибельнѣе въ будущемъ, вслѣдствіе развитія вреднаго зародыша, заключающагося въ немъ. Едва законъ былъ вотированъ, какъ послѣдовали одно за другимъ предложенія о сокращеніи, объ уменьшеніи. Кажется, послѣдняя загородка была сломана, и потокъ военнаго разрушенія прорвался съ стремительностью, которая увеличивалась съ каждымъ днемъ.

Однако-же, во Франціи, гдѣ армія имѣетъ корни, гдѣ ее любятъ, не легко измѣнить идеи, перейти отъ чести къ деньгамъ. Чтобы обезпечить переходъ попытались всѣми способами лишить уваженія армію. Неосторожныя слова, произнесенныя съ трибуны, подтвержденныя большинствомъ голосовъ, усилили нападки на военныя установленія, и сдѣлали ихъ горячѣе и многочисленнѣе.

Тѣ, кто совершилъ ошибку, сильно отвѣтственны за нее. Быть можетъ, они не даютъ себѣ въ этомъ отчета. Это не пріятно для нихъ. Факты, уже имѣвшіе мѣсто и тѣ, которые еще произойдутъ, укажутъ на ихъ заблужденіе; будетъ слишкомъ поздно, какъ и всегда, исправить его.

XXIV.

Нападки на военныя учрежденія.

Потребности общественныя, идеи „конца вѣка", измѣнили во многихъ отношеніяхъ условія существованія. Казалось, что армія, не умирающая, должна бы избѣгнуть этихъ, болѣе или менѣе, странныхъ перемѣнъ, которыя начинаютъ проявляться. Ничего подобнаго. Не захотѣли признать необходимости ея спеціализаціи, претендовали подчинить ее гуманитарной системѣ, быть можетъ, хорошей для общества, но навѣрнякa плохой для военныхъ учрежденій. Оттуда большая смута, наступившая въ общественномъ мнѣніи, раздираемомъ противоположными воззрѣніями.

Частая смѣсь резерва съ дѣйствующей частью арміи, постоянное

смѣшѣніе ихъ въ обыденной жизни, сближеніе ихъ во время періодовъ обученія породили неопредѣленность, разнообразіе сужденій, которыя все болѣе и болѣе обозначались.

Публицисты, мало свѣдущіе въ военныхъ дѣлахъ, требуютъ полнаго объединенія различныхъ категорій боевыхъ силъ. Они не признаютъ болѣе различія между отдѣльными частями, не отдавая себѣ отчета въ невозможности уничтожить его. Разница изгладится, исчезнетъ во время войны, вслѣдствіе разницы положенія. Она остается неизгладимой въ мирное время, потому что права и обязанности не одинаковы, между частью арміи вотирующей и невотирующей.

Когда собираютъ резервистовъ на 28 дней, территоріальныя войска на 13—это скорѣе призываемые выборщики чѣмъ солдаты. Доказательство на лицо: если случаются выборы, то сокращаютъ періодъ ихъ в о е н н ы х ъ обязательствъ, чтобы дать имъ возможность выполнить свои гражданскія обязанности.

Когда они находятся въ арміи на нѣсколько недѣль, положеніе резервиста или территоріальнаго не походитъ вовсе на положеніе солдата.

Если они не могутъ избѣжать періодовъ обученія, отсрочками или увольненіями, они являются въ полкъ и служатъ исправно, боясь быть задержанными, хотя бы днемъ больше. Они не входятъ въ военную жизнь. Они стараются не спать въ штабъ-квартирахъ; ѣдятъ тамъ возможно меньше, жалуясь на свои расходы. Товарищи дѣйствующей части чистятъ ихъ оружіе и вещи, исполняютъ за нихъ тяжелыя работы за извѣстное вознагражденіе. И такъ они менѣе всего солдаты.

Большинство исполняетъ удовлетворительно свой долгъ, который называютъ повинностью. Но тутъ же рядомъ находится нѣсколько вздорныхъ головъ, являющихся съ предвзятой мыслью находить все плохимъ, глупымъ, нелѣпымъ, смѣшнымъ или грубымъ; съ намѣреніемъ все замѣтить чтобы разсказать потомъ что видѣли, или что думали видѣть и истолковывать дѣйствіе, котораго ни смысла, ни причинъ они не знаютъ.

Такимъ образомъ, они показываютъ военное ремесло на выворотъ. Странная вещь! Почти никто не пишетъ, что онъ тамъ видѣлъ хорошаго. Оказанное ему снисхожденіе, трудъ, выполненный за него,

заботы, предметомъ которыхъ онъ былъ, хорошіе примѣры — ничто это не сохранилось. Это не идетъ въ счетъ.

Приводятся лишь нападки, и солдаты, оставшіеся въ рядахъ, могутъ часто читать въ народныхъ листкахъ или брошюрахъ неблагосклонныя или раздорныя характеристики ихъ начальниковъ или арміи. Это перепечатываніе постоянныхъ нападокъ печально и несправедливо и не служитъ для сохраненія военнаго духа. Нападеніемъ опрокидываютъ, битьемъ уничтожаютъ. Потомъ, когда добрая воля замѣнится дурными страстями, національная оборона будетъ серьезно поражена.

Объ этомъ вовсе не думаютъ. Печать часто служитъ проводникомъ этой системы поношенія, которую она принимаетъ съ точки зрѣнія разсказчика, осуждая ее, какъ патріотъ. Желая просвѣтить общественное мнѣніе, открыть злоупотребленіе, сообщитъ объ улучшеніяхъ, она распространяетъ, часто не провѣряя ихъ, сообщенія обыкновенно неточныя или преувеличенныя, и она избѣгаетъ упрековъ, ссылаясь на свою довѣрчивость.

Нападки писателей, царапины прессы кажутся легкими рядомъ съ систематическимъ опозориваніемъ, распространяемымъ въ брошюрахъ, претендующихъ на дѣйствительное изученіе. Люди, побывавшіе недолго въ арміи, претендуютъ, что знаютъ ее и разсказываютъ, безъ зазрѣнія совѣсти, факты отвратительные и вымышленные.

Отсюда памфлеты, скорѣе пасквили, чѣмъ книги, гдѣ цѣлыя категоріи войска выставляются на всеобщее позорище. Особенно нацѣливаются на унтеръ-офицеровъ этотъ стольполезный и вообще очень преданный классъ. Невозможно цитировать эти кропотливыя сочиненія, злобныя и ложныя, не рискуя подвергнуться обвиненію въ томъ, что рекламируешь ихъ. Надо упомянуть, не называя всѣхъ этихъ произведеній испорченныхъ умовъ, нѣкоторыхъ людей, неспособныхъ возвыситься талантомъ, отъ чего ихъ нельзя излѣчить, предпочитающихъ обогатиться помощью скандала,-что составляетъ ихъ главную заботу.

Опроверженіе этихъ обвиненій почти невозможно. Протестовать— дѣйствительно. Вообще опроверженіямъ не вѣрятъ. Это и даетъ диффамаціи ужасную силу и она остается большею частью безнаказана. Преслѣдованіе, дозволяемое закономъ, рѣдко достигаетъ цѣли. Его избѣ-

гаютъ неопредѣленными извиненіями, увѣряютъ, что были обмануты.

Обвиненіе остается.

Согласитесь, въ арміи надо души, сильно закаленныя, умы, сильно проникнутые чувствомъ долга, чтобы продолжать свое дѣло, въ виду неуловимыхъ враговъ, нападающихъ безпрестанно. Надо чрезвычайную преданность, чтобы не поддаться чувству отвращенія передъ настоящими огорченіями и будущими опасеніями, когда видишь, какъ извращаютъ факты, порицаютъ дѣйствія, чернятъ намѣренія.

Безмѣрная гласность дѣлаетъ почти постояннымъ этотъ потокъ. Каждый день появляется брошюра, развивающая теоріи, обсолютно антивоенныя или антинаціональныя; это или обзоръ, разрушающій традицію, или каррикатура, осмѣивающая, обычай, журналъ, пускающій инсинуацію или требующій слѣдствія.

Если хотите, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мало, но эти постоянные удары роютъ почву и минируютъ ее. Колебаніе, трещины распространяются. Если не остережешься не далекъ будетъ часъ когда расшатается это прочное военное зданіе, которое такъ долго не поддавалось, держится еще; но будетъ безсильно сопротивляться такому дѣятельному подкопу.

Гласность превосходная вещь, если она дѣйствуетъ честно; не слѣдовало бы, все-же „подражать духу изъ„вѣта, рожденному въ клубахъ подъ „видомъ патріотичсской декламаціи, „и который былъ однимъ изъ бѣд„ствій Революціи". Художники имѣютъ своихъ несуразныхъ (incoherents), писатели своихъ символистовъ, реалистовъ или декадентовъ, въ войскѣ также есть свои, вышибленные изъ колеи (decassés); привыкшіе къ поддонкамъ общества, оставшіеся на пути, за неспособностью и недостаткомъ честности; они служатъ поводомъ для нападокъ анархистовъ своимъ чрезмѣрнымъ паденіемъ.

Можно ли ограничиться призрѣніемъ? Должно ли сказать: что за важность! Армія стоитъ выше этихъ гадкихъ сочиненій. Нѣтъ. Эти клеветы, коварно представленныя причиняютъ дѣйствительное зло. такъ какъ онѣ воспроизводятся почти безнаказанно.

Часто просили журналы не публиковать на счетъ арміи свѣдѣнія, которыми могъ бы воспользоваться врагъ. Надо подъ этимъ понимать не только разглашенія матеріальныя, утихающія отъ примѣненія закона, но также и нападки, спо-

собныя нанести вредъ нравственному достоинству арміи.

Добрая слава войска—это честь страны и, значитъ, разворяешь это наслѣдіе чести, если порочить его достоинство. Стало быть, играешь въ руку врагу, всегда готовому насъ обезславить.

Со временемъ, эти обвиненія, даже ложныя, проводятъ дурныя борозды и часто вреднѣе матеріальныхъ нескромностей. Немного требуешь отъ публицистовъ, если просишь ихъ принять въ расчетъ эти соображенія, очевидность которыхъ ощутительна.

Когда перестаютъ вѣрить чести арміи, готовъ не служить болѣе. Стараются уничтожить первое, чтобы достигнуть уничтоженія постоянныхъ силъ.

Это цѣль, преслѣдуемая сторонниками общественной неурядицы. Они знаютъ могущество пустословія, Они повторяются и снова излагаютъ тѣ-же обвиненія. Всякій предлогъ для нихъ годенъ. Многіе не вѣрятъ этимъ постояннымъ преувеличеніямъ. Ихъ многократность между тѣмъ вліяетъ на нѣкоторыхъ. Мало по малу, армія представляется имъ учрежденіемъ тяжелымъ, безполезнымъ, вреднымъ даже, и необходимость уничтоженія ея закрѣпляется въ ихъ умахъ.

Нападаютъ на кадры, возвышая солдата, говорятъ о палачахъ и жертвахъ съ цѣлью подкопать нравственный авторитетъ, въ которомъ начальники нуждаются теперь болѣе, чѣмъ въ какое - либо другое время. Это не только оскорбленіе арміи, это покушеніе на оборону страны; слѣдовательно, преступленія, а ихъ оправдываютъ, указывая безпрестанно на милицію, какъ на лекарство отъ всѣхъ золъ, какія взваливаютъ на милитаризмъ.

Какая насмѣшка!

Не смотря на всевозможныя затрудненія, происходящія отчасти отъ столь частыхъ и недоброжелательныхъ разсужденій, офицеры и унтеръ-офицеры продолжаютъ дѣло нравственнаго и военнаго воспитанія съ постоянствомъ, достойнымъ высшихъ похвалъ.

Какіе кадры могутъ сравниться съ тѣми, какіе у насъ есть теперь? Присоединяя къ знанію, увлеченію, благородству жизни, самыя возвышенныя чувства и полную преданность отечеству, они безспорно выше всѣхъ тѣхъ, кто ихъ преслѣдовалъ, и всѣхъ, кого можно встрѣтить гдѣ-либо на другихъ поприщахъ. Надо хорошо ихъ знать,

чтобы умѣть оцѣнить по достоинству и воздать имъ дань заслуженныхъ похвалъ.

Не было бы преувеличеніемъ сказать: офицеры и унтеръ-офицеры, за ничтожными исключеніями, стоятъ на высотѣ своихъ великихъ обязанностей. Они не погрѣшили въ своемъ дѣлѣ. Не ихъ вина, если результаты не всегда отвѣчаютъ ихъ доброй волѣ. Она всецѣло падаетъ на ветшающія теоріи, которыя съ ожесточеніемъ стараются все болѣе и болѣе запечатлѣть въ умахъ.

Когда подумаешь о самоотреченіи, о постоянныхъ хлопотахъ этихъ кадровъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, жалованье которыхъ скромно, а производство довольно медленно, чувствуешь, что тебя проникаетъ удивленіе и уваженіе къ этимъ людямъ, такимъ почтеннымъ и безкорыстнымъ. Спрашивается, до какой степени испорченности должны дойти авторы недостойныхъ, желчныхъ діатрибъ, печатающихся противъ нихъ въ послѣднее время.

Гнусности, исходящія изъ больныхъ умовъ, атрофированныхъ порокомъ, не взволновали ни нашихъ офицеровъ, ни унтеръ-офицеровъ. Они разсудили, что достаточно отвѣтить презрѣніемъ. Общество было не право, не подражая имъ.

Наши превосходные кадры продолжали и послѣ, какъ и прежде, показывать своими дѣйствіями все, чего они достойны и упорствовать съ еще большимъ жаромъ въ своей столь похвальной задачѣ.

Въ этомъ прискорбномъ вопросѣ лица, даже категоріи, исчезаютъ; задѣта вся армія. Позорить ее — хуже, чѣмъ дать справку, чѣмъ учинить шпіонство въ пользу врага, это значитъ тайно подкапываться подъ нее, чтобы уничтожить.

Общество принимаетъ участіе въ этихъ несчастныхъ поползновеніяхъ. Оно должно бы было совершенно отвергнуть эти вредныя сочиненія, написанныя съ цѣлью извлечь выгоды. Если бы онѣ не доставляли денегъ, ихъ перестали бы писать.

Обнаруживаются нѣкоторыя хорошія стремленія въ этомъ смыслѣ. Кажется, достаточно пресытились литературой натуралистической, грязной, порнографической, клеветнической и стремятся къ искусству болѣе возвышенному. Пожелаемъ, чтобы общественное мнѣніе все болѣе и болѣе показывало свое отвращеніе къ организованному уничтоженію арміи и возвращалось къ восторженности патріотическихъ

чувствъ, которыя такъ возвеличиваютъ націи

Было большой ошибкой, что допускали эти нападки на милитаризмъ въ то время, когда такъ надо было укрѣпить духъ его въ народѣ. Республика, такимъ образомъ, продолжала ошибки королевскаго правленія 1830 года и императорскаго правительства 1852 года. Теперь замѣчаютъ тѣ неудобства, которыя проистекаютъ вслѣдствіе того, что сознательно или безсознательно, нападками на милитаризмъ благопріятствовали уменьшенію военнаго духа во Франціи.

Наши несчастія и ошибки способствовали этому. Демократія, по своей природѣ немного недовѣрчивая, особенно во время неремѣны политическаго режима, прежде всего относилась съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ войску. Правительствующія лица, зная, насколько армія была болѣе, чѣмъ когда либо необходима боялись ея вліянія. Имъ было не пріятно, чтобы ее отъ времени до времени немного унижали въ общественномъ мнѣніи.

Она далеко не заслуживала этого; ея поведеніе было примѣрно. Она удержалась въ своей роли и сохранила свою дисциплину въ обстоятельствахъ часто трудныхъ. Ея корректность, ея преданность заслужили ей самыя высокія похвалы отъ всѣхъ, казавшихся ея противниками. Она дала доказательства высокаго патріотизма, а между тѣмъ нападки не уменьшились. Прежде они шли сверху, теперь снизу. Количество замѣнило качество. Это несчастье.

Объ этомъ, конечно, подумалъ г-нъ Флоке, президентъ палаты депутатовъ, предсѣдательствуя на банкетѣ Голга въ Версалѣ, когда онъ воскликнулъ: „заставилъ уважать армію, этотъ цвѣтъ французской возмужалости“.

XXV.

Независимость и дисциплина

На эту просьбу не обратили большаго вниманія, хотя она была такъ разумна, такъ необходима. Кажется, будто одна сторона общеста старалась еще болѣе побуждать къ неуваженію арміи. Еще совсѣмъ недавно появилась брошюра, въ которой была цѣлая серія статей противъ нашихъ военныхъ учрежденій.

Это изъ того рода литературы, которымъ нужно пренебрегать, хотя она причиняетъ, между тѣмъ, вредъ нѣкоторымъ умамъ Подъ полити-

ческой окраской постарались усилить зло. Соціалисты во главѣ нападающихъ. Предоставляя статистамъ заботу унижать, самые ловкіе подняли споръ. Они напали на основные принципы арміи, пытаясь доказать ихъ заблужденія и опасность. Этотъ споръ серьезнѣе, хотя абсолютно коварный.

Прежде всего ставятъ антитезу между дисциплиной и свободой, между арміей и свободной демократіей, между милитаризмомъ и политикой.

Прежняя общественная организація исчезаетъ мало по малу. Семейныя узы ослабѣваютъ, отцовскій авторитетъ и уваженіе теряетъ свое обаяніе. Эмансипація обнаруживается со всѣхъ сторонъ. Индивидуализмъ со дня на день все болѣе господствуетъ съ своимъ товарищемъ эгоизмомъ. Тотъ и другой, по существу, непріятны арміи, которая представляетъ солидарность и самоотверженіе.

Борьба не близка къ концу. Надо ее поддерживать, становясь на сторону права и порядка.

Свободное обсужденіе, духъ независимости поднимаются каждую минуту противъ закона и регламентовъ власти и ея агентовъ; эти чувства—антиподы военнаго ремесла, которое живетъ единственно дисциплиной, какъ всякія хорошо организованныя сообщества.

Дисциплина—это уваженіе законовъ и регламентовъ, это послушаніе старшему въ чинѣ. Она необходима въ арміи, какъ и въ обществѣ и между тѣмъ, эта связь, соединяющая ихъ, представляется какъ покушеніе на свободу и цивилизацію.

Въ конвентѣ 8 августа 1793 г. Бриссо вскричалъ: „Тамъ, гдѣ господ„ствуетъ военный режимъ, нѣтъ „свободы и не при содѣйствіи та„кихъ людей устанавливается сво„бодная конституція.“

Недавно еще писали: „Похваля„ются желаніемъ создать свобод„ный народъ, но начинаютъ жела„ніемъ задушить подъ игомъ дис„циплины свободныя стремленія „горячей юности. Гражданъ, всту„пающихъ въ жизнь, будутъ учить, „что долгъ состоитъ въ послуша„ніи, а патріотизмъ ничего не зна„читъ безъ машинальныхъ упраж„неній. Это, конечно, программа, „но есть болѣе привлекательная, „болѣе возвышенная, болѣе достой„ная страна, которая мечтаетъ о „другой славѣ, чѣмъ пустая слава „эпопей и которая хочетъ драться „только съ нападающими.“

Какая чушь! Кажется, будто слышишь Нибура, объявляющаго: „что „постоянныя арміи, рожденныя въ „головѣ необразованныхъ капита„новъ, необходимо понижаютъ ин„теллектуальную цѣнность страны".

Франція, въ теченіи многихъ вѣковъ, имѣетъ постоянную армію, а она въ первомъ ряду націй, какъ интеллектуальная сила. Отвѣтъ — общее мѣсто.

Однако-же недавно въ Сорбоннѣ передъ избранной учащейся молодежью одинъ изъ предпослѣднихъ министровъ, великій учитель университета, высказалъ въ своей рѣчи такія нелѣпыя заявленія и даже забылся до того, что сказалъ:

„Военное положеніе, въ которомъ „живетъ наше время, противно „всѣмъ идеямъ, всѣмъ желаніямъ „Франціи... Это желаніе своими не„избѣжными требованіями пассив„наго подчиненія всѣхъ желаній „одной волѣ, противно духу всѣхъ „ея политическихъ учрежденій".

Подобное заблужденіе достойно сожалѣнія въ устахъ самого высшаго чиновника, торжественно отрицающаго нашу исторію, отвергающаго нашу славу, не признающаго духа націи, чтобы восхвалять превосходство поученій декадентской философіи, заключающейся въ этой типичной фразѣ: „Че„ловѣкъ не стоитъ всего того, что „въ немъ можетъ цѣниться, если „онъ не освободитъ свою душу отъ всякаго чувства подчиненности".

Это отрицаніе всякой дисциплины есть результатъ чрезмѣрной гордости; его прощаютъ поэтамъ, артистамъ въ мірѣ ихъ мечты, но въ положительномъ мірѣ оно не мыслимо. Оно было-бы не только отрицаніемъ арміи, но также всякаго общества, гдѣ во всякихъ положеніяхъ надо слушаться учителя, патрона, директора, еще съ большей точностью, чѣмъ въ арміи.

Духъ повиновенія законамъ, постановленіямъ, уставамъ, должностнымъ лицамъ, назначеннымъ на общественныя службы, директорамъ всякихъ коммерческихъ учрежденій, школьныхъ, промышленныхъ и т. д. — это необходимость тѣмъ болѣе жизненная, что надвигающійся анархизмъ не можетъ восторжествовать, не уничтоживъ его.

Въ дѣйствительности, утверждать, что дисциплина — противорѣчитъ нашему народному духу, и что подчиненный человѣкъ истытываетъ извѣстнаго рода рабство — это просто извѣстный оборотъ рѣчи. Все въ нашей странѣ совершенно протестуетъ противъ этихъ декадент-

ских теорій. Несомнѣнная, что она была велика во всякихъ смыслахъ до появленія ихъ. Будетъ ли она такова послѣ ихъ торжества? Ничего не извѣстно, но сомнительно.

Главный доводъ противъ обязательности службы во всѣхъ странахъ—это признаніе ее, отреченіемъ отъ индивидуальной свободы. Независимость, не признавая никакой верховной власти, протестуетъ противъ дисциплины, т.-е. противъ послушанія, подчиненія, уваженія къ уставамъ и властямъ, всему тому, чего теперь болѣе не хотятъ признавать. Наше время достаточно расположено освобождаться отъ всякаго подчиненія, не признавать іерархіи, ставить ни во что возрастъ, должности, оказанныя услуги. Осуществивъ равенство передъ закономъ и положеніями оно охотно гонится за химерой равенства за все про все, забывая, что люди, по самой природѣ своей, неравны по доблести, силѣ, уму, таланту и что они могутъ претендовать только на осуществленіе словъ великаго фурьериста „Каждому по дѣламъ его.“

Удивительно слышать разговоры объ огрубѣніи въ полку. Если разсматривать большую часть человѣческихъ профессій, то военная все же еще самая снисходительная, представляющая наибольшій просторъ иниціативѣ и дающая наибольшую сумму относительной свободы человѣку.

Вездѣ, въ промышленности и торговлѣ, человѣкъ подчиненъ уставамъ болѣе строгимъ, чѣмъ военная дисциплина. На желѣзныхъ дорогахъ, въ рудникахъ, заводахъ, мастерскихъ, фабрикахъ, товариществахъ омнибусовъ и пароходныхъ, большихъ магазинахъ, даже въ конторахъ—люди образуютъ разряды съ начальниками по іерархическимъ степенямъ; они часто помѣщаются въ заведеніяхъ или около и подчиняются требованіямъ, правиламъ болѣе стѣснительнымъ и мелочнымъ, болѣе суровымъ, чѣмъ въ полку.

И говорятъ о „нелѣпой и необ„ходимой военной дисциплинѣ, уста„новленной, чтобы преобразовать „интеллигентнаго человѣка въ усо„вершенствованную машину“.

Полемическій писатель ошибся, обращаясь съ этими нѣсколькими строками по адресу арміи. Ему слѣдовало бы обратить и куда-нибудь въ другое мѣсто взоры, чтобы видѣть и уши, чтобы слышать то, что говорилъ одинъ изъ главныхъ вождей соціалистовъ передъ уголовнымъ судомъ въ Дуэ, по случаю происшествій въ Фурми.

Онъ называетъ заводы *громадными острогами* каторжниковъ, гдѣ заставляютъ рабочихъ, въ теченіи 12 часовъ, присматривать за желѣзными болванками. Это, значитъ, приневоливать ихъ къ работѣ галерниковъ. Тамъ человѣкъ еще болѣе приведенъ къ роли автомата и его личность совершенно уничтожена машиной, которой онъ слуга и принадлежность. Заводское дѣло, механичность принуждаютъ его къ вѣчному однообразному занятію, движеніямъ, постоянно однѣмъ и тѣмъ-же. Никакой иниціативы, никакой воли, независимости, часто мало воздуха и отсутствіе свѣта, жизнь ограниченная, замкнутая; это рабство въ сто разъ болѣе жестокое, чѣмъ въ полку.

Можно проводить параллель, войско не боится сравненія. Свобода въ гражданской организаціи номинальна, фиктивна, ограничена, уничтожена штрафами, прогулами, увольненіями, которые наносятъ ударъ человѣческому достоинству, его интересамъ и семьѣ. Ничего подобнаго не нейдешь въ полку; далеко отъ этого!

Гордость равенства, духъ сектантства, порождающій зависть и ненависть ко всякой верховной власти, всякому начальству, составляютъ самую сущность характера декадентовъ. Ихъ пессимизмъ не щадитъ ничего, они вѣрятъ только себѣ самимъ, и это еще не вполнѣ достовѣрно. По мѣрѣ все болѣе обнаруживающагося ихъ вырожденія, они думаютъ возвышаться, позоря, уничтожая все, что выше ихъ. Они считаютъ, что недостойно ихъ повиноваться и чтобы скрыть это чувство разрушительнаго возмущенія, они выставляютъ на видъ огрубѣніе отъ дисциплины и презираютъ казарму.

Они ничего не выдумали. Они сами простые литературные воры; они воспроизводятъ прежнія теоріи, безсознательно, конечно, а выдаютъ ихъ за теоріи конца вѣка; да, но конца послѣдняго вѣка!

Далекая отъ того, чтобы унижать, уменьшать, гасить, дисциплина поднимаетъ, укрѣпляетъ, развиваетъ. Пословица всѣхъ временъ говоритъ: „послушаніе—настоящая школа для того, чтобы научиться повелѣвать. Терпи казакъ—атаманомъ будешь“. Это хорошо было видно въ нашей странѣ. Всѣ эти колонисты, которые прославились въ теченіи двухъ вѣковъ, повиновались очень неограниченнымъ правительствамъ, военнымъ законамъ, очень строгимъ, и тѣмъ не менѣе они

выказались полными инициативы, изобрѣтательными, столь же умными, какъ и мужественными.

Сила древнихъ республикъ зависила отъ силы ихъ дисциплины и отъ твердаго воспитанія юношества. Ему прежде всего внушали повиновеніе, военный духъ, потому что долгъ защиты превосходитъ все остальное и онъ основа серьезныхъ достоинствъ. Порядокъ, правильность, умѣренность, уваженіе къ властямъ, дѣятельность соревнованіе, солидарность — не исключительно военныя достоинства. Они необходимы всѣмъ гражданамъ. Ихъ можно внушить и особенно развить на военной службѣ.

Военное ремесло, основанное на самоотрѣченіи и солидарности,—поддерживаетъ гражданскія добродѣтели, вырабатываетъ хорошихъ гражданъ, уважающихъ права другихъ, власти и законы. Многіе представляютъ себѣ дисциплину годной только для войскъ. Надо еще народную дисциплину, какъ говорилъ Жиберъ. „Бѣда народамъ, которые не проникнуты ею“, прибавлялъ онъ. Это очень замѣтно теперь, когда мало что уважаютъ.

Одинъ русскій писатель сказалъ: „Армія не только организація военныхъ силъ страны, но также школа для цѣлаго народа“.

Военная жизнь, основанная на повиновеніи, подготовляетъ къ исполненію общественныхъ обязанностей. Она пріучаетъ уничтожать личную волю, склоняться передъ всеобщей волей—закономъ, и въ этомъ отношеніи она оказываетъ неоспоримую услугу.

Въ сущности, нѣтъ разныхъ дисциплинъ. Одна и та-же годна всюду, потому что она составляетъ необходимость. На желѣзныхъ дорогахъ, заводахъ, въ мастерскихъ, лицеяхъ, городахъ—для поддержанія порядка и оздоровленія, въ семьѣ, наконецъ,—всюду есть законъ, правила, постановленія и начальники, которые заставляютъ исполнять предписанія совершенно, какъ въ арміи.

Противъ этого возстаютъ. Повиновеніе, какъ всякому извѣстно, на дѣлѣ—самая трудная добродѣтель. Стоитъ только спросить объ этомъ у военныхъ или у монаховъ, всѣ скажутъ единогласно; это то, что составляетъ ея величіе: оттого и нападаютъ на нее всѣ тѣ, которые хотятъ понизить общесто.

Все же это безусловно обязательно. Если повиновеніе прекращается, наступаетъ анархія. Кто со-

чиняетъ горячую филиппику противъ огрубенія, вслѣдствіе дисциплины, противъ повиновенія, поглощающаго человѣческое достоинство, не моргнувъ, повинуется своему главному редактору, который часто обращается съ нимъ дурно.

Эмансипація мысли имѣетъ и свои хорошія стороны, но лишь когда она не чрезмѣрна. Духъ независимости пробудилъ ярость противъ всякой узды, ненависть ко всякому игу, всякой іерархіи. Уваженіе показалось своего рода рабствомъ; возрастъ, положеніе, заслуги—ни что не имѣетъ значенія для нѣкоторыхъ людей. Право все порицать—неизбѣжно привело къ уничтоженію уваженія. Его не хотятъ болѣе. Въ извѣстной средѣ не уважаютъ даже знамя, символъ долга, дисциплины и страны.

По странной непослѣдовальности, отъ офицера требуютъ болѣе, чѣмъ быть инструкторомъ, желаютъ, чтобы онъ былъ воспитателемъ людей, ввѣренныхъ ему на короткое время. Чувствуютъ, насколко это военное воспитаніе было бы полезно, чтобы сдѣлать людей рѣшительными, почтенными, энергичными, добрыми гражданами и, въ то-же время, стараются указать на казарму, какъ на школу огрубенія и безнравственности.

Ось разума совершенно перемѣщается въ такой аргументаціи полемическихъ писателей. Требуютъ, чтобы кадры болѣе занимались и въ тоже время подкапываются подъ ихъ нравственное вліяніе.

Ихъ дѣятельность можетъ вліять на людей, любящихъ ремесло, занимающихся имъ съ удовольствіемъ, понимающихъ его нужды, но она очень слаба для людей, идущихъ противъ воли и желающихъ только уйти оттуда. Требовать отъ кадровъ, чтобы они заставили полюбить службу людей, которымъ предлагаютъ ее ненавидѣть, пріучать къ повиновенію умы, которые убѣждаютъ оставаться независимыми, это мечтать о невозможномъ, это утопично.

И все-же эта непослѣдовательность проявляется, укрѣпляется каждый день, стараются дискредитировать армію и восхвалять благодѣянія, выгоды милиціи, уничтоженіе службы, уничтоженіе долга.

Нечего создавать себѣ иллюзій, ввиду теорій, выражаемыхъ, такъ сказать, каждый день. Соціалисты, анархисты, коммунисты и другіе, различающіеся по извѣстному числу доктринъ, согласны въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Они равно желаютъ упи-

чтоженія милитаризма, потому, что онъ мѣшаетъ инсуррекціонному перевороту противъ капитала и противъ собственности.

Они разрушили Вандомскую колонну не потому, что на вершинѣ ея была статуя Наполеона I-го, но какъ они признались позже, „потому, что она была возвеиченіемъ „милитаризма.

Уничтоженіе милитаризма—это уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ее милиціонерами или гражданской гвардіей. Этого не скрываютъ и говорятъ объ этомъ въ разныхъ видахъ.

Когда существовали классы или отдѣльныя профессіи, можно было, конечно, приводить такіе доводы. Поддерживать подобныя доктрины теперь, когда вся нація принимаетъ участіе въ войскѣ, когда каждый можетъ достигнуть всего, это странно и непонятно.

Эти печальные манифестаціи тѣмъ болѣе прискорбны, что французъ болѣе кого-либо способенъ къ принятію дисциплины. Онъ доказалъ это въ разныхъ случаяхъ. Надо приучить его къ этому убѣжденіемъ, хорошо показать ему цѣль, убѣдить въ ея необходимости; часто существенно важно не отвращать его отъ нея скептицизмомъ и насмѣшкой.

Важно было бы дать ему понять, что военный духъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ техническихъ подробностей, не что иное, какъ уваженіе законовъ, уставовъ, преданность отчизнѣ и соотечественникамъ, и что этотъ духъ также и гражданскій, духъ общественный; общество-народъ не можетъ существовать безъ договоровъ, безъ взаимныхъ уступокъ, безъ соблюденія нѣкоторыхъ условій повиновенія и солидарности.

Это убѣжденіе легко стало бы убѣжденіемъ массы, если бы ее побуждали къ этому, вмѣсто того, чтобы отвращать.

XXVI.

Условія для того, чтобы уменьшить энергію, ослабить духъ предпріимчивости, уменьшить военное чувство.

Люди передовые, утописты, создаютъ смутныя теоріи будущаго, чтобы завладѣть дѣйствительностью настоящаго. Заставляя мерцать отдаленный миражъ, въ который они сами не вѣрятъ, они стараются стать хозяевами современнаго порядка вещей; они предполагаютъ, что никто не постигнетъ ихъ маневровъ, такъ какъ они очень ловки.

Они выдвигаютъ впередъ лиги и конгрессы мира и заставляютъ наивныхъ гуманистовъ добиваться несвоевременнаго уменьшенія содержимыхъ военныхъ силъ.

Разоруженіе,—мы это изложили въ брошюрѣ: „*Противъ одногодичной службы*“ (Contre le service d'un an),—невозможно въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ. Декаденты, на самомъ дѣлѣ, не настаиваютъ на этомъ; они предпочитаютъ обойти вопросъ, для того, чтобы достичь той-же цѣли менѣе очевидными мѣрами.

Вмѣсто того, чтобы требовать дѣйствительнаго уменьшенія, они стараются добиться уменьшенія ея значенія, посредствомъ пониженія профессіональныхъ знаній. Хитрецы остерегаются кричать: „Не нужно постоянной арміи!“ Они предлагаютъ ослабить ее, уменьшить посредствомъ постепеннаго сокращенія срока службы и уничтожить ее затѣмъ, преобразовавъ въ милицію. По ихъ мысли, постепенное измѣненіе срока службы приведетъ къ желаемой перемѣнѣ, причемъ истинная цѣль проявится. Они, такимъ образомъ, надѣятся, что увидятъ, какъ постоянная армія перестанетъ существовать, безъ требованій или вотированія ее уничтоженія.

Эти идеи, къ счастью, еще далеко не всеобщи. Несомнѣнно, что онѣ проникаютъ въ общество и пропагандируются. Чрезвычайно важно указать на нихъ, изложить ихъ и бороться противъ нихъ.

Это вопросъ важный; его подробно не изслѣдовали. Съ нимъ связаны самые серьезные интересы въ настоящемъ и, особенно, въ будущемъ. Онъ очень интересенъ во всѣхъ странахъ и, болѣе всего, во Франціи.

Съ рѣшительнымъ темпераментомъ нашей націи было бы гибельно принять эти нововведенія и первыми вступить на тотъ путь, на который толкаютъ насъ ослѣпленные люди, интеллигентные патріоты или ловкіе противники.

Левъ былъ осмѣянъ, когда онъ согласился, чтобы у него вынули зубы и обрѣзали когти; не будемъ подражать ему; напротивъ.

Хорошія органическія мѣры медленно производятъ свое дѣйствіе, дурныя—быстро приводятъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Ничто, однако, не заставляетъ принять ихъ. Прогрессъ имѣетъ роковой исходъ, когда онъ опережаетъ свое время. Благоразумно сопротивляться ему,

не смотря на спеціальные аргументы, которые насъ подстрекаютъ, не смотря на неудовольствія, которыя насъ заставляютъ торопиться.

Если раскрыть истинную цѣль, которой добиваются, если сдѣлать очевидными всѣ употребляемые пріемы,—они станутъ менѣе заманчивыми (nocives). Въ нихъ начнутъ сомнѣваться, научатся лучше бороться противъ нихъ и противоставлять имъ палліативныя средства, за недостаткомъ лѣкарствъ.

Цивилизація, улучшая, съ одной стороны, человѣка, съ другой стороны—отнимаетъ у него качества, которыя онъ имѣлъ, будучи ближе къ природѣ. Первыми поражаются физическія дарованія, и это производитъ рефлективныя дѣйствія на качества моральныя. Индіецъ галопомъ идетъ по слѣду быка, убѣжавшаго изъ его ограды. Арабъ на невѣроятномъ разстояніи замѣчаетъ зайца, сидящаго въ травѣ. Зрѣніе, слухъ, обоняніе въ высшей степени развиты у этихъ сыновъ степей (les hommes de plein air). Жители деревень обладаютъ еще этими качествами, хотя и въ меньшей степени. Рабочій, горожанинъ далеко ушли отъ нихъ.

Нѣчто подобное происходитъ и въ морали. Человѣкъ, обязанный самъ себя содержать, зависѣть только отъ себя, пріобрѣтаетъ, по этому самому, силу воли, рѣшительность, иниціативу, какъ результатъ просто независимости положенія. Нельзя расчитывать на подобные результаты у тѣхъ, кто привыкъ жить въ опредѣленномъ обществѣ, быть управляемымъ, руководимымъ, и встрѣчать покровительство, поддержку, помощь, солидарность.

Физическая крѣпость, получаемая тѣломъ при дѣйствительной работѣ, равнымъ образомъ, приводитъ и къ нравственной силѣ. Эти два дѣйствія нераздѣлимы. Это теперь уже сознали и дѣлаютъ самыя похвальныя усилія, чтобы распространить среди молодежи физическія упражненія. Доставляя ей статность, мускулатуру, крѣпость, они закрѣпляютъ за ней непремѣнно нравственныя качества, именно—энергію и иниціативу.

Прогрессъ въ этомъ направленіи не можетъ создать зла. Имѣя въ виду совершенствованіе человѣческаго существа, онъ не будетъ содѣйствовать его паденію, не погрѣшая противъ своей цѣли. Характеры, необходимые для военной службы, созданные подъ формой привиллегіи, достойны осужденія;

въ случаѣ необходимости они напрягаются сверхъ мѣры и не указываютъ на національное вырожденіе, какъ любятъ утверждать пессимисты.

По ихъ мнѣнію, распространеніе образованія, развитіе ума, увеличеніе благосостоянія—уменьшатъ возвышенныя чувства, героическія качества, спиритуализмъ и энергію. Націи бѣдныя, дикія, замѣчаютъ они, болѣе содрогаются при именахъ честь или отечество, и болѣе презираютъ опасность и смерть. Это, по большей части, не вѣрно и вотъ это именно не нужно позволять говорить безъ энергическаго опроверженія.

Можно ли вѣрить, какъ это недавно писали, что война болѣе не пользуется симпатіями, что родъ сантиментальнаго гуманитаризма овладѣлъ всѣми душами, что человѣкъ, ослабленный и притупленный благосостояніемъ, отступитъ передъ опасностью и останется въ покоѣ. Восхваляютъ индефферентизмъ, отреченіе, все болѣе и болѣе практикуемое, чтобы получить покой. Отсюда недостатокъ иниціативы.

Это не картина нашего времени, это шаржъ. Были-ли лучше въ другія времена? Римляне поступали въ рабство, чтобы воспользоваться освобожденіемъ отъ службы, которое принадлежало рабу. Родители уродовали своихъ дѣтей, потому что кастраты не подлежали набору. Люди уродовали сами себя и отрѣзали большой палецъ правой руки, чтобы избѣжать службы; на повѣрочномъ осмотрѣ цензоръ заклеймилъ ихъ выраженіемъ pollice truncо. Оно сдѣлалось равнозначнымъ трусиха въ Италіи и трусъ—во Франціи. Послѣ пораженія Вара, Августъ, желая сдѣлать чрезвычайный наборъ среди римской молодежи, вызвалъ волонтеровъ. Никто не явился.

Эти слабости существовали во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. Осужденіе ихъ также горячо и во Франціи. Это кажется всегда симпатичнымъ горячимъ людямъ и строгимъ—для дезертировъ и скрывающихся. У насъ клеймятъ замѣщаемаго болѣе, чѣмъ замѣстителя.

Необходимо дать созрѣть новымъ сѣменамъ, прежде чѣмъ получить всѣ результаты. Старые обычаи медленно исчезаютъ, особенно если это плохіе обычаи. Но время придетъ. Всѣ тѣ, кто допуститъ себѣ уклониться отъ военной службы, окончатъ тѣмъ, что потеряютъ уваженіе въ нашей странѣ, гдѣ

чувства чести и храбрости еще такъ живы.

Законъ поможетъ этому, лишая права занятія какой-бы то ни было должности, всякаго, кто не отбылъ воинскую повинность. Нужно, чтобы этотъ необходимый элементъ справедливости одержалъ верхъ.

Налогъ крови самый почетный, потому что онъ самый тяжелый. Кто не уплатилъ его, не можетъ претендовать на уваженіе, которое оно за собой влечетъ. Для всѣхъ тѣхъ, кто не отбылъ законнаго срока, законъ долженъ установить невозможность полученія отчетныхъ наградъ и отличій, какъ національныхъ, такъ и иностранныхъ; запретить носить кресты и медали, титулъ или частицы; наконецъ, объявить ихъ не имѣющими права получать табачныя конторы (bureaux de tabac), деньги и какую-либо помощь.

Слѣдуя дальше, имъ не должно выдавать ни диплома, ни привилегіи (licence). Они не могли бы быть: судьей, муниципальнымъ чиновникомъ, окружнымъ или общимъ, меромъ, депутатомъ, сенаторомъ или министромъ, ни занимать никакой общественной должности; слѣдовало бы даже лишить ихъ избирательнаго права.

Эти исключенія вполнѣ логичны. Кто добивается вліянія, уваженія въ обществѣ, обязанъ доставить доказательства своей способности, самоотверженія. Было бы страннымъ домогаться управлять и давать совѣты своимъ согражданамъ, уклонившись отъ защиты страны, и не менѣе странно ввѣрять общественныя дѣла тѣмъ, кто доказалъ недостатокъ патріотизма, избѣгнувъ военной службы.

Такія мѣры произвели бы, конечно, большое моральное дѣйствіе. Многіе не покорились бы легко необходимости занять это низшее положеніе, положеніе гражданина 2-го класса, особенно, имѣя въ виду противоположное положеніе тѣхъ, кто отслужилъ законный срокъ.

Слѣдовало бы пожаловать имъ какія-нибудь льготы, преимущества, почести и пр., какъ это существовало въ римскомъ правѣ, подъ именемъ beneficium, privilegium, jus militare. Можно было бы разрѣшить имъ умепьшеніе или сокращеніе налога, когда они находились подъ знаменами, заботиться въ тоже самое время о нуждахъ ихъ семействъ; для того, чтобы

возмѣстить эти издержки, совершенно понятно, нужно увеличить подати, налагаемыя на освобожденныхъ.

Такимъ образомъ, одни только старые солдаты получали бы табачныя конторы, деньги въ общественныхъ учрежденіяхъ, вспомоществованія... Они одни только достойны были бы получать почетныя награды и носить титулы. Было бы справедливо пожаловать всѣмъ одинъ изъ титуловъ, напр., „заслуженный“ (Emeritus miles) или значекъ, который отличалъ бы ихъ во время церемоній или общественныхъ праздниковъ.

Надо постараться всевозможнымъ образомъ возвысить, въ общественномъ мнѣніи, отмѣтить какъ добрыхъ слугъ страны тѣхъ, кого почитаютъ во время мира, потому что расчитываютъ на ихъ преданность долгу въ случаѣ войны.

Всѣ добровольныя, даваемыя въ награду, избирательныя, почетныя общественныя должности должны принадлежать исключительно людямъ, исполнившимъ долгъ, отбывъ установленный закономъ срокъ военной службы.

Робко вступили на этотъ путь относительно старыхъ унтеръ-офицеровъ. Ничто не мѣшаетъ рѣшительно идти дальше. Это то, что дѣлали въ Римѣ. Военная служба занимала первое мѣсто среди прочихъ обязанностей и давала всѣ права. Пробный камень патріотизма и безкорыстія, она была обязательной подготовительной ступенью ко всѣмъ должностямъ. „Самый благородный изъ римлянъ, пишетъ „Дюрюи (Duruy), могъ быть избранъ „въ судьи только послѣ того, какъ „онъ отбылъ десять кампаній“. („Римская Имперія“, т. VII).

Разумный обычай,—необходимый противовѣсъ слишкомъ пылкимъ честолюбцамъ. Подчиненіе самому существенному изъ законовъ, доказанная физическая и нравственная доблесть устанавливали гарантіи пригодности, а замедленіе при назначеніи на должности доставляло гарантію мудрости.

Избранные или чиновники суть уполномоченные, совѣтники, посредники, судьи, учителя націи. Они управляютъ, наблюдаютъ, обучаютъ, заботятся, и миссія ихъ состоитъ въ томъ, чтобы подавать примѣръ во всѣхъ случаяхъ. Молодымъ, безъ службы военной въ прошломъ, не достаетъ престижа, вліянія, авторитета. Необходимая черта характера ихъ—это знаніе людей и вещей. Зрѣлость необходима имъ.

Это было очевидно даже въ старину. Греки называли начальниковъ своихъ: старцы. Филологически, морально, политически народы древности смотрѣли на молодого чиновника, какъ на безсмыслицу.

Эта архаическая традиція основана на разумѣ, на практикѣ. Возрожденіе этой забытой доктрины, быть можетъ, близко. Идеи идутъ впередъ. Съ ними свыкаются. Усла-вливаются относительно гарантій пригодности,—можно ихъ расширить

Въ настоящее время нужно быть баккалавромъ словесности или правъ, чтобы стать врачемъ, судьей профессоромъ, и даже для всѣхъ общественныхъ должностей. Точно также скоро потребуютъ баккалавра военнаго, чтобы быть пригоднымъ для занятія этихъ положеній. Сегодня это кажется немного чрезмѣрнымъ; но его, быть можетъ, найдутъ естественнымъ завтра. Военное баккалаврство—это дѣйствительная служба, при условіи, что знаніе службы доказано. Нужно, чтобъ его добивались, желали, получили многіе, чтобы оно служило лучшимъ доказательствомъ патріотизма. (civisme).

Эти моральныя и матеріальныя средства будутъ имѣть важное значеніе съ точки зрѣнія военнаго могущества страны. Давно уже ихъ объявили превосходными, и они и суть таковы.

Жомини писалъ въ 1823 году: „Первое средство пробудить военный „духъ—это окружить армію общественнымъ уваженіемъ. *Второе—это „обезпечить за службой, отданной „государству, преимущество во всѣхъ „административныхъ должностяхъ* „и требовать даже въ теченіи даннаго времени исполненія военной „службы, чтобы получить нѣкоторыя должности."

Въ тоже время надо сильно противодѣйствовать обратнымъ доктринамъ. Во Франціи существуютъ и позорныя дѣла, но не болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Ихъ открываютъ слѣдствіемъ, тогда какъ въ другихъ странахъ ихъ скрываютъ. Они кажутся серьезнѣе у насъ, гдѣ извѣстные писатели любятъ ихъ выставлять, еще преувеличивая ихъ.

Слѣдовало бы возставать противъ декадентскихъ сочиненій: право безпрестанно возбуждаемое противъ долга, выгода и удовлетвореніе прежде всего. Эта разрушительная литература подрываетъ мужество и энергію, удаляетъ юношество отъ упражненій на чистомъ воздухѣ, ведетъ къ изнѣженности и, въ концѣ концовъ, приводитъ къ физичес-

жой и нравственной дряблости. Она доводитъ до безчувствія главныя качества, силу и волю, которыя составляютъ главные элементы, необходимые двигатели иниціативы, самой драгоцѣнной способности, заключающей или замѣняющей всѣ другія.

Слѣдовало бы противопоставить этимъ отрицательнымъ, унижающимъ ученіямъ, заключающимся въ равнодушіи, принципы совершенно противоположные: хвалить, прославлять благодѣянія труда, тѣлеснаго упражненія, побуждать къ живости, смѣлости, настойчивости. Нѣкоторые дѣлаютъ это и заслуживаютъ всякихъ похвалъ; желательно, чтобы ихъ было больше.

Съ нѣкотораго времени появляется новая категорія людей пресыщенныхъ, называющихся бахвалами, декадентами, людьми конца вѣка. Они ничего не дѣлаютъ, много шумятъ, играютъ большую роль. Они хвалятся, что ничему не вѣрятъ, ища лишь удовлетворенія личной выгоды, оплевываютъ то, что другіе уважаютъ, считаютъ знамя тряпкой, крестъ — бездѣлой, патріотизмъ — хвастовствомъ.

Не хватаетъ словъ, чтобы заклеймить производимыя ими низости, преступленія, оскорбленіе родины, которыя законъ не наказываетъ. Надо сознаться, что тѣ, кто совершаетъ ихъ скорѣе люди больные, нервные, припадочные и частью сумасшедшіе, чѣмъ преступники. Извиняя ихъ въ извѣстныхъ принципахъ, надо признать зло, причиненное ихъ убійственнымъ вліяніемъ и надо постараться сдѣлать ихъ безсильными вредить, высылая ихъ заграницу, или лѣча ихъ, а особенно опровергая ихъ.

У этихъ больныхъ, называемыхъ декадентами, физическая чахлость производитъ нравственное изнеможеніе. Они желаютъ, они мечтаютъ, но не въ состояніи выполнить, осуществить; они жаждутъ жить. Ихъ слабый организмъ не дозволяетъ имъ выносить умственное напряженіе посильнѣе. Ихъ мозгъ, какъ и ихъ тѣло, размягчился и, по мѣрѣ развитія образованія, любви къ искусствамъ и благосостоянія — мужскія качества у нихъ исчезаютъ.

Конечно, это не общая доля; она постигаетъ извѣстное число лицъ, количество которыхъ увеличивается. Это свидѣтельствуетъ уменьшеніе иниціативы. Это чувствуется въ малыхъ размѣрахъ, но оно не получило еще широкаго развитія.

Нашъ французскій народъ, меж-

ду тѣмъ, все-же очень живой, подвижной, рѣзвый. Никто не сидитъ на мѣстѣ. Купанье, воды, морской берегъ лѣтомъ и зимой, дачная жизнь, леченіе воздухомъ—всѣхъ приводитъ въ движеніе. Любятъ жить не дома. Все же охотно не уѣзжаютъ далеко, и это поразительно.

Въ то время, какъ желѣзныя дороги, пароходы такъ облегчаютъ сообщенія, почти не пользуются ими. Швейцарія, Бельгія, берега Рейна, Италія, немного Испанія, рѣдко Алжиръ—таковъ посѣщаемый циклъ: дальше вовсе не ѣздятъ.

Въ космополитическомъ движеніи, смѣшивающемъ различныя націи, изученіе языковъ дѣлаетъ мало успѣховъ. Не чувствуютъ въ этомъ необходимости. Оно безполезно, когда не покидаешь своей страны.

Проявляется отсутствіе серьезной инициативы. Она замѣчается особенно въ искусствахъ, празднествахъ, удовольствіяхъ, во всемъ, что разслабляетъ или забавляетъ; она обнаруживается все менѣе и менѣе въ томъ, что укрѣпляетъ тѣло и оживляетъ возвышенныя чувства.

Изнѣженность пытается занять мѣсто силы и энергіи. Замѣчается скорѣе возбужденіе, волненіе, нежели духъ воспріимчивости и инициативы великихъ дѣлъ.

Вѣра въ себя, рѣшительность, духъ предпріимчивости, кажется, все уменьшаются. Какая разница, если только перенестись на два вѣка назадъ. Несмотря на неслыханныя затрудненія, наши предшественники совершили сколько чудесныхъ дѣлъ! Тѣ были смѣлы, ихъ физическія и нравственныя силы позволяли имъ это. Ихъ видятъ разъѣзжающими по бѣлу-свѣту, на утлыхъ парусныхъ судахъ, они достигаютъ почти невѣдомыхъ странъ и создаютъ тамъ чудесныя колоніи. Индія, Канада, Луізіана, Санъ-Доминго, Ильдефрансъ и т. д. вѣчно будутъ передавать о несравненной смѣлости французовъ того времени.

Ахъ! мы далеки отъ этого удальства. Ввиду этой колоніальной горячки, ведущей къ тому, что всѣ націи дѣлятъ между собой Африку, наша Франція, когда-то столь предпріимчивая, остается теперь колеблющейся, робкой, нерѣшительной. Не смѣя отрицать своего прошлаго она опасается будущаго. Въ ней незамѣтно личнаго увлеченія, а слѣдовательно и правительственнаго.

Вмѣстѣ съ сношеніями, увеличившимися въ сто разъ и развившимися въ смыслѣ быстроты и безопасности для путешественниковъ, торговцы, промышленники не изобилуютъ въ нашихъ колоніяхъ. Никто не покидаетъ родины. Утверждаютъ, что во Франціи очень хорошо, чтобы ее покидать. Это не точно. Многіе не чувствуютъ себя здѣсь счастливыми, и все же не эмигрируютъ.

Вкусы понизились вмѣстѣ съ физической способностью. Чувствуютъ себя слабѣе; сомнѣніе парализуетъ починъ, а политическія соображенія, вмѣсто того, чтобы вызывать его, сплотились, чтобы опутать.

Прежде мы слыли за людей иниціативы и энергіи. Мы выказали ихъ, какъ въ нашихъ великихъ дѣлахъ, такъ и въ нашихъ заблужденіяхъ. Мы могли бы еще показать это; во всякомъ случаѣ, эти качества нуждаются болѣе всего въ развитіи и поощреніи. Онѣ атрофируются, лишь только отъ нихъ отказываются. лишь только ихъ окружаетъ тлетворная атмосфера.

Уменьшеніе ихъ наноситъ ударъ воинственной природѣ, воинственному инстинкту французской расы. Большаго вреда не могли причинить ему, чемъ причиняется подобными лживыми сочиненіями.

Школа конца вѣка пытается уменьшить престижъ, уничтожить военный духъ, подавляя его потокомъ, такъ-называемыхъ, гуманитарныхъ теорій. Быть можетъ, это рокъ, но, навѣрняка, это не благо. Насколько укрѣпляюще дѣйствуютъ обмыванія холодной водой, настолько ослабляютъ холодныя ванны. Нѣжные, слабые находятъ въ этомъ сладострастное, возбуждающее ощущеніе, чувственное удовлетвореніе своей изнѣженности, и индивидуализмъ засыпаетъ въ этомъ истощеніи, пытаясь увлечь туда народъ.

Сколько дѣлали усилій, чтобы окутать насъ этимъ византійскимъ дуновеніемъ, чтобы ослабить насъ потокомъ возбуждающихъ средствъ обольстительныхъ развлеченій! Хотѣли бы среди космополитизма, представляющагося съ столькими соблазнами, заставить насъ забыть нашу родину, которую нѣкоторые обезславливаютъ, тогда какъ человѣкъ Востока, ни мало не заботясь о сентиментализмѣ, готовится, подстерегаетъ, выжидая удобнаго часа, чтобы куснуть насъ.

Произведенія ума могутъ внушать прекрасныя мысли, но онѣ не ведутъ къ великимъ дѣламъ. Онѣ

удаляютъ дѣйствительность. Ея почти не замѣчаютъ въ блѣдныхъ горизонтахъ мечтателей. Преобладаетъ чувственное направленіе, понижающее и физическую, и нравственную энергію. Новыя условія неестественной жизни представляютъ мало благопріятную обстановку для разцвѣта дѣятельныхъ добродѣтелей. Непосредственныя заботы, поиски легкихъ успѣховъ скрываютъ отъ нашихъ глазъ серьезные, далекіе виды. Не любятъ даже слышать, чтобы говорили о нихъ. Не вѣрятъ больше ничему, все лгутъ. Иронія, изсушающая фел, оскудѣваетъ мечты, парализуетъ всякую энергію. Иногда еще чувствуютъ стремленія, но не смѣютъ болѣе дѣйствовать.

Въ этомъ печальномъ направленіи играютъ роль и женщины. Мужественныя, героическія — онѣ воспитывали мужественныхъ людей. Онѣ сдѣлали Францію прекрасной и сильной, какъ и сами. Теперь, кажется, онѣ менѣе цѣнятъ героизмъ, занимаютя болѣе тѣмъ, чтобы властвовать надъ мужчинами, а не возвышать ихъ. Будучи выше ихъ во многомъ, онѣ хотятъ сравнятся съ ними во всемъ. Онѣ стремятся спуститься. Это зло распространяется—не знаешь, какъ и бороться съ нимъ. Трудно требовать отъ женщинъ измѣненія съ наступленіемъ новаго вѣка; между тѣмъ, если бы онѣ измѣнили свои идеи, то скоро-бы увидѣли перемѣну въ мужчинахъ. Великая роль предстоитъ имъ въ будущемъ, если онѣ захотятъ.

Декадентскія сочиненія достигаютъ теперь значительной цифры и число ихъ быстро растетъ. Легко вывести заключеніе: интернаціонализмъ, братство, отсутствіе войны, третейскій судъ, чтобы сглаживать столкновенія, жизнь безработная съ возможно меньшими трудами и усталостью. Идеалъ, кажется, позаимствованъ у древнихъ тарентійцевъ, насчитывавшихъ болѣе праздниковъ, чѣмъ дней.

Безпрестанно смутная филантропія маскируетъ чувственное направленіе, проходитъ мимо правды, отвернувъ голову, отказывается видѣть перемѣну въ характерахъ,— неизбѣжная прелюдія всякаго подъема.

Военное ремесло поддерживаетъ гражданскія добродѣтели. дѣлаетъ хорошихъ гражданъ. Часто воображаютъ, будто дисциплина полезна только для войскъ. Большое заблужденіе,—оно чувствуется всюду. Народная дисциплина необходима и, какъ писалъ нѣкогда генералъ

Жиберъ, бѣда народамъ, не проникнутымъ ею. Не смотря на ложныя идеи, которыя стараются распространять, принципы остаются тѣ-же, какъ для военной, такъ и для народной дисциплины.

Всякій союзъ людей заключаетъ солидарность, а, слѣдовательно, и послушаніе. Право каждаго ограничено правомъ сосѣда и должно склоняться передъ волею большинства, закономъ или постановленіемъ. Во имя преувеличенной независимости человѣческаго существа ее отвергаютъ, какъ стѣснительную. Ее представляютъ, какъ изсушающую, унижающую, тогда какъ она подкрѣпляетъ, возбуждаетъ.

Она особенно необходима вездѣ, нельзя не повторять это: „Лишь „только ослабнетъ дисциплина, лишь „только удобство составляетъ пер„венствующій стимулъ въ государ„ствѣ, можно предсказать и безъ „вдохновенія свыше что оно близко къ гибели.“ Такъ говорилъ маршалъ Соксонскій въ своихъ „мечтаніяхъ.“ Кто посмѣетъ возстать противъ этого?

Двадцать семь лѣтъ тому назадъ мы были жертвами этихъ гуманитарныхъ сочиненій, рожденныхъ или развившихся у насъ, къ нашему вящему несчастію. Мы не хотѣли вѣрить предсказаніямъ, указывающимъ на опасности въ будущемъ. Опасность такова-же и теперь. Откроются-ли лучше наши глаза и уши указаніемъ на прошлое, чтобы освѣтить нашъ путь? Надо было бы сначала внушить презрѣніе къ положительно гибельнымъ декадентскимъ доктринамъ. Онѣ безпрестанно подрываютъ и принижаютъ народный темпераментъ. Изъ превосходнаго, какимъ онъ былъ, они кончатъ тѣмъ, что сдѣлаютъ его плохимъ.

У француза преимущественно экспансивныя, наступательныя свойства со всѣмъ ихъ блескомъ, живостью и ихъ недостатками. Послѣ нашихъ пораженій, очень дурно внушенная политика предписывала ему, какъ идеалъ, какъ прогрессъ сдержанность, отреченіе, оборонительное положеніе. Это значило,— глушить самые лучшіе задатки осуждая на смерть войну.

Умы сильно соблазняются спеціальными аргументами и софизмами. Люди близорукіе обыкновенно наиболѣе снабжены ими. Они ссылались на слова Карно въ комитетѣ Общественнаго Спасенія, сказанныя имъ въ 1794 г., когда онъ возсталъ противъ предполагавшихся территоріальныхъ присоединеній.

„Эта система имѣетъ то неудобст-
„во, что противорѣчитъ принципу,
„по которому Франція отказывает-
„ся отъ духа побѣды. Кажется,
„дѣйствительно, что этотъ прин-
„ципъ воспрещаетъ намъ всякое
„расширеніе, которое не вызыва-
„лось бы необходимостью обезпе-
„чить наши собственныя владѣнія".

Декаденты воспользовались этой идеей, отчасти искажая ее. Существуетъ идея политическая и соціальная—ограничиваться защитой своей родины и не нападать на другихъ. Во всякомъ случаѣ, если разразится война по милости сосѣда, надо ли ждать его или нападать самимъ? Отвѣтъ несомнѣненъ; наступательныя дѣйствія обязательны, хотя-бы даже не гонялись за побѣдой. Несмотря на это, стараются, чтобы въ общественномъ мнѣніи преобладала идея обороны, симпатичная многимъ.

Гамбетта, въ одинъ печальный день, позволилъ себѣ сказать позитивистамъ: „Періодъ героизма законченъ". У него, конечно, были свои причины говорить такъ, между тѣмъ его слова не передавали его мысли. Человѣкъ дѣйствія, онъ хорошо зналъ, что отреченіе и сдержанность ведутъ къ гибели и что лучше погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ пораженнымъ малокровіемъ.

Франція, благодаря дурнымъ совѣтамъ, была обманута гуманитарными теоріями. Направленная на плохую дорогу, она шла по ней въ противорѣчіи своимъ выгодамъ. Когда было столько причинъ, чтобы насъ изолировать, не надо было уступать этому, а противодѣйствовать, предпочитать энергію осторожности. Мы поступили обратно.

Могущество, престижъ, уваженіе даются дѣятельнымъ и никогда сдержаннымъ. Дѣйствіе — лучшій способъ подъема, тогда какъ отдыхъ и удаленіе отъ свѣта—убійственные зачатки. Продолжительное сосредоточеніе убиваетъ иниціативу: отреченіе ведетъ къ замѣтному уменьшенію военнаго духа; двѣ крайности, которыя могутъ причинить нравственную смерть странѣ.

Наша исторія и былая опытность равно осуждали такое политическое направленіе, а теперь хотятъ обезпечить ей положительную гарантію, устанавливая безсильную милицію.

Послѣ нашествія 1815 года Франція не сдерживалась и не отрекалась. Въ 1823 году она поспѣшила помочь Испаніи; въ 1827 году она защищала Грецію; въ 1830 году она овладѣла Алжиромъ. Какія

появились блестящія имена: Трокадеро, Наваринъ, замокъ де-Море, Стауели, Алжиръ. Сколько происшествій въ теченіи 15 лѣтъ: Иберія—свободна, Эллада—независима, рабство христіанъ уничтожено въ Африкѣ, Средиземное море свободное отъ тирановъ,—таковы были славныя дѣла, совершонныя на глазахъ удивленной Европы Франціей, дважды захватываемой Священнымъ Союзомъ.

Въ этотъ короткій пятнадцатилѣтній періодъ наша армія, не устоявшая въ 1814—1815 году, снова заняла первое мѣсто въ свѣтѣ. Вотъ какъ поднимается народъ. Примѣръ убѣдительный.

Поднять, передѣлать нравственность страны, возвратить ей довѣріе,—это задача труднѣе, чѣмъ востановить матеріальное благосостояніе и преобразовать армію. Этого не понимаютъ мелочные умы.

Пораженіе оставляетъ за собой родъ нравственнаго униженія, чувство ослабленія и недовѣрія. Побѣжденная нація сомнѣвается въ своемъ могуществѣ, если не въ своей участи. Она сохраняетъ вѣру въ обновленіе. Надежда на лучшее будущее ее поддерживаетъ и укрѣпляетъ. Это настоящая сила для востановленія.

Надежды недостаточно; необходимы факты, чтобы поддержать и усилить ее. Народъ требуетъ серьезныхъ поводовъ, прочныхъ основаній, чтобы оправдать свои надежды и увеличить усилія. Онъ желаетъ положительныхъ доказательствъ, постояннаго возвышенія.

Геройскіе подвиги необходимы. Надо, чтобы слова: побѣда, успѣхи, заставляли дрожать и трепетать патріотическую струну. Небольшіе успѣхи необходимы, чтобы составить прелюдіи будущаго. Отъ малаго къ великому они позволяютъ дѣлать заключенія о возможностяхъ, вѣроятностяхъ и составить, такимъ образомъ, эквивалентъ увѣренности, который будетъ упованіемъ.

Послѣ 1870 года Франція не отчаявалась. Она ничего не щадила, чтобы подняться. Она успѣла въ этомъ, не смотря на обманчивыя доктрины, которыя должны были угнетать, приводить въ отчаяніе.

Народу до сыта совѣтывали чрезмѣрную осторожность. Ему безъ отдыха проповѣдывали безусловное отреченіе, подъ предлогомъ внутренняго сосредоточенія. Ему предлагали ограничить свой горизонтъ до самыхъ узкихъ предѣловъ, воздержаться отъ всякихъ дѣйствій, даже отъ всякаго вліянія загран-

цей. Его хотѣли гипнотизировать въ единственномъ совершеніи Вогезовъ.

Видѣли лишь одно: предохранить себя отъ новаго возможнаго нападенія и ни на что болѣе не претендовать. Напрягали силы, чтобы окружить Францію разслабляющей атмосферой, привести ее къ бездѣйствію, усыпить великодушные порывы, притупить энергію хорошаго закала, которая требовала себѣ мѣста среди народовъ. Боялись тѣхъ, кто хотѣлъ болѣе широкихъ горизонтовъ, поддерживалъ необходимость другой роли.

Пытались заглушить голосъ, напоминающій, что великая нація не только должна защищать границы, но поддерживать свое вліяніе, охранять свое международное положеніе; что это блага, которыя надо сохранять, расширять и, что важно— не допускать задѣвать ихъ достойными сожалѣнія отказами отъ дѣйствія.

Одно время успѣли дать преобладаніе тошнотворнымъ ученіямъ, привить малокровіе. Приверженцы политики отреченія имѣли отчасти барышъ въ дѣлѣ и они причинили большой вредъ нашей родинѣ.

Кто говорилъ такъ, тотъ забылъ исторію и логику. Они не видѣли, что всецѣло поглощаться одной мыслью, это для страны значитъ— удаленіе отъ свѣта, одиночество, упадокъ. Ждать въ бездѣйствіи и забвеніи часа, благопріятнаго для возмездія, это значитъ остановить маятникъ часовъ и помѣшать пробить этому часу. Это банкротство въ будущемъ, самоубійство вслѣдствіе атрофіи.

Ежеминутно старались, чтобы этотъ великодушный, предпріимчивый народъ, предки котораго совершали поразительные походы до Дельфъ и Рима, который побудилъ къ крестовымъ походамъ, освободилъ Новый Свѣтъ, со славой бился въ 4 частяхъ свѣта, забылъ свои традиціи, отказался отъ своихъ стремленій.

Такъ какъ онъ потерпѣлъ серьезный ущербъ въ печальныхъ условіяхъ, ему безпрестанно повторяли, что всякое стремленіе, всякая предпріимчивость ему заказаны; что если соблазняться ею, она будетъ для него печальна и ему кричали: „Твои границы будутъ для тебя отнынѣ единственнымъ горизонтомъ. Не смотря на твою выгоду, твои традиціи, даже вкусы,—ты не пойдешь далѣе“.

Вотъ что старались доказывать всевозможными способами Франціи

подавленной, разбитой, дрожащей, вмѣсто того, чтобы вести съ ней смѣлую рѣчь о надеждѣ и энергичной дѣятельности, ссылаясь на политику, какъ будто именемъ ея не прикрывались слишкомъ часто всякія сдѣлки, отреченія, слабости.

Отбросимъ всѣ эти благовидныя рѣчи.

Не путемъ совѣтовъ о воздержаніи развивается энергія.

Не путемъ отказа испытать себя, подготовляются къ борьбѣ.

Не путемъ избѣжанія всякихъ случаевъ къ походамъ приготовляются къ войнѣ.

Не оставаясь неподвижными пріобрѣтаютъ силу мышцъ и поджилокъ.

Много писателей, много ораторовъ поддерживаютъ декадентскія положенія. Нельзя достаточно сожалѣть объ этомъ. Между тѣмъ, результаты могли бы быть хуже. Геній Франціи ихъ отчасти отвратилъ.

Во Франціи были нетолько умы сосредоточенные, гипнотизированные всего боящіеся; она также имѣла людей дѣятельныхъ, знавшихъ всю доблесть военныхъ дѣлъ, чтобы вернуть довѣріе. Во главѣ ихъ былъ Гамбетта и ему принадлежитъ доля чести въ мужественныхъ рѣшеніяхъ, вдохновителемъ которыхъ онъ былъ иногда, а всегда одобрялъ ихъ.

Походы въ Южный Алжиръ, Тунисъ, Сенегалъ Тонкинъ, Мадагаскаръ,—прекрасныя страницы нашей народной исторіи въ то же время, какъ и улыбки побѣды. Три основанныхъ протектората, прекрасныя открытыя колоніи, увеличеніе территоріи Франціи: въ этомъ были причины для удовлетворенія, а особенно доказательство возвышенія родины, и крѣпости ея арміи.

Кронштадтъ и Портсмутъ громко говорятъ о значеніи ея. Эти дѣйствительные успѣхи во многихъ отношеніяхъ были все же затоптаны ногами, осквернены, уменьшены, отрицаемы даже у насъ выборной политикой. Вмѣсто того, что-бы возбуждать народное чувство, дать немного разцвѣсть этой странѣ, столько выстрадавшей, потокъ слѣпыхъ укоровъ, колкихъ нападокъ, нелѣпыхъ клеветъ постарался распространять разслабленность и упадокъ духа: постарались задушить всякое слабое желаніе экспансивной дѣятельности. Стоитъ только открыть глаза, чтобы удостовѣриться въ этомъ широкомъ движеніи, побуждающемъ европейскіе народы—великіе и малые—подѣлить черный материкъ, колонизовать его, унич-

тожить рабство, пытаются мѣшать Франціи воспользоваться этими громадными пространствами, которыя признаны за нею.

Въ теченіи 30 лѣтъ Алжиръ, такъ сказать, не двигался къ Югу въ то время, какъ случилось столько событій въ Африкѣ и когда столько народовъ насъ обгоняютъ вездѣ. Присоединеніе Сенегала къ Нигеру, предпринятое людьми, смѣло опутывается скрытой оппозиціей и жестокими нападками. Англійская компанія устроилась у устьевъ Нигера, которыя мы занимали и она устраиваетъ этотъ превосходный выходъ, чтобы добраться до мѣстности Чада, которая принадлежитъ намъ номинально. Занятіе Дагомеи дало бы намъ возможность противодѣйствовать. Дѣло касалось не царька, убійцы рабовъ; тамъ была первостепенная комерческая выгода. Обструкціонисты помѣшали этому.

Отважныя сердца изслѣдовали желѣзнодорожный путь черезъ Сахару. Они предложили устроить центрально-африканскую компанію, аналогичную древнимъ индійскимъ компаніямъ. На ихъ проэкты тотчасъ-же стали возражать, что въ Сахарѣ существуетъ лихорадка, отъ которой умираютъ иногда и туареги,—грабители по дорогамъ и разбойники.

Излишне было бы настаивать долѣе. Демонстарція достаточная. Духъ почина побитъ духомъ сдержанности. Ожесточенно хотятъ уничтожить его, когда слѣдовало все испробовать, чтобы развить его. Изложеніе подообныхъ теорій—зло, очень большое зло; никогда нельзя достаточно прокричать объ этомъ. Послѣдствія ихъ будутъ печальны, онѣ приведутъ въ концѣ-концовъ къ ослабленію военнаго духа въ нашей отчизнѣ. Опѣ открываются по увеличенію нападокъ на нашу армію и по все больше и больше замѣчаемому отвращенію къ милитаризму, который болѣе чѣмъ когда, либо остается якоремъ спасенія.

XXVII.

Все-же во Франціи любятъ армію.

Мы констатируемъ постоянство нападокъ, упорство въ желаніи вырвать изъ сердца народовъ культъ войска. Мы съ горечью выставляемъ эти дѣйствія нѣкоторыхъ французовъ противъ всемірнаго значенія народа. Результаты непріятны, плачевны; однако-же они затрагиваютъ лишь поверхность, а не глубь страны. Всѣ попытки распространить это печальное и скверное теченіе, разбились о здравый

смыслъ народа. Противоположное теченіе восторжествовало и существуетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась эта война противъ арміи, — скоро будетъ уже сто лѣтъ,—общественное мнѣніе должно бы измѣниться. Къ счастью, этого нѣтъ. Старое гальское чувство, разбитое брешью, противится болтунамъ, и народъ остается любящимъ военную службу и преданнымъ арміи.

Напрасно говорятъ ему объ огрубеніи въ казармѣ. Онъ этому не вѣритъ. Это не тайное закрытое мѣсто, онъ знаетъ, что тамъ дѣлается. Онъ знаетъ о сдѣланныхъ улучшеніяхъ помѣщенія, пищи и гигіеническихъ условій. Онъ знаетъ, какъ смягчена дисциплина, какъ неустанны заботы кадровъ о благосостояніи своихъ людей. Онъ видитъ армію, живущую рядомъ съ нимъ, ему нравится смотрѣть на ея ежедневныя упражненія. Всѣ города просятъ къ себѣ полки и батальоны. Какой болѣе убѣдительный доводъ можно было бы привести въ пользу нея.

Странно указывать на армію, какъ на опасность для свободы. Старая утка прежнихъ временъ: армія--противница народа. Довольно этимъ играли. Теперь совсѣмъ нѣтъ различія. Всякій, въ свое время, солдатъ. Соперничество, прежній духъ—исчезли. Сила—это войско страны, вооруженная нація, если хотите. Между тѣмъ, стараются поддерживать старую, ставшую ложной, мысль о солдатѣ враждебномъ работнику; но работникъ, бывшій солдатомъ, у кого въ арміи братъ или сынъ, хорошо знаетъ, что думать объ этомъ и пріемъ, оказываемый войскамъ, особенно въ деревняхъ, указываетъ на связь, а не на раздоръ между этими двумя фракціями дѣтей страны.

Создалась, или по крайней мѣрѣ, укрѣпилась партія противъ арміи: соціалисты, коммунисты, анархисты—питаютъ ненависть къ арміи, поддерживающей честныхъ людей.

Масса работниковъ понимаетъ это и высказывается въ ея пользу.

Первые нападаютъ жестоко. Вторые молчатъ и не отвѣчаютъ на клеветы всякаго рода и вида.

Почти все населеніе отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ и чувства его ясно обнаруживаются. Оно громко выражаетъ свое поклоненіе знамени, которое для него является символомъ; потому что знамя — это Франція, это отечество, это общій знакъ связи двухъ частей воору-

женной силы и для всего населенія; это почитаемая реликвія, символъ чести, эмблема Франціи, которой преданы и за которую умираютъ.

Не пренебрегаютъ ничѣмъ, чтобы поставить его высоко въ сознаніи солдатъ, чтобы внушить имъ относительно него чувство глубокаго почтенія и привязанности. Употребляютъ всякія средства, способныя дать рекрутамъ высокую и прекрасную идею о военной семьѣ, къ которой они будутъ принадлежать. Исторія полка, совершенныхъ подвиговъ, блестящихъ дѣлъ, раскрывается имъ, съ цѣлью возбудить ихъ воображеніе.

Присяга у знамени (leur prèsentation au grapeau) имѣетъ также возвышенный характеръ. Въ эту минуту рекруты, окончивъ свой первый искусъ, объявляются, такъ сказать, солдатами. Это старый обычай, сначала забытый, потомъ снова совершенно основательно возобновленный. Его внушительный характеръ поражаетъ воображеніе вновь призванныхъ и трогаетъ старыхъ.

Каждый знаетъ этотъ военный праздникъ. Предъ собраннымъ полкомъ показывается знамя съ своимъ конвоемъ и останавливается среди двора, стоянки. Бьетъ барабанъ, раздается музыка, командиръ полка командуетъ на караулъ, и онъ, которому повинуются, почтительно склоняетъ свою саблю передъ цвѣтами Франціи.

Всѣ сердца трепещутъ въ эту торжественную минуту, когда чувствуется, будто проходитъ какой-то таинственный токъ, точно душа всего народа. Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ этой сцены, столь простой и такъ удивительно величественной.

Патріотическая клятва раздается при этомъ апоѳеозѣ знамени. Эмблема націи, центръ полка — эти говорящія складки! Съ одной стороны, слова: доблесть и дисциплина —вкратцѣ повторяютъ всѣ обязанности; съ другой—названія битвъ наводятъ на воспоминанія о прошедшемъ и надежду будущаго.

Солдаты понимаютъ рѣчь, съ которой къ нимъ обращаются. Въ городахъ, деревняхъ и поляхъ вашимъ сборнымъ пунктомъ была колокольня; вокругъ нея собирались ваша родня, ваши семьи, ваши интересы, всѣ предметы вашей любви. Здѣсь знамя замѣняетъ колокольню. Первообразъ чести, символъ преданности, оно составляетъ вашъ военный центръ. Гордясь слу-

бой ему, обязанные защищать его, вы не можете покинуть его, не ставъ измѣнниками отечеству и вашимъ соотечественникамъ. Любите его при счастьи и въ несчастьи, собирайтесь всегда къ этому столь любимому знамени и, если надо, умирайте у подножія его, съ кликами: „Да здравствуетъ Франція“.

Послѣ подобныхъ наставленій, что должны думать солдаты, видя этотъ знакъ чести, которому подражаютъ, парадируютъ во главѣ всякихъ союзовъ, корпорацій, орфеоновъ, предоставляютъ дѣтямъ школьныхъ батальоновъ, какъ будто позволительно играть со знаменемъ.

Что представляютъ они себѣ, видя его водруженнымъ на публичныхъ балахъ, деревянныхъ лошадяхъ, лавкахъ съ макаронами, прилавкахъ торговцевъ виномъ и другихъ заведеніяхъ болѣе или менѣе нравственныхъ, какъ и по случаю празднествъ, болѣе или менѣе патріотическихъ? Что думаютъ они, когда, вмѣсто славныхъ надписей былыхъ побѣдъ, они читаютъ тамъ промышленныя рекламы, адресы скверныхъ мѣстъ? Слово профанація не готово ли сорваться съ ихъ пораженныхъ устъ? Такъ что нѣтъ словъ, чтобы похвалить недавній приказъ мэра города Бордэ, противъ злоупотребленія нѣкоторыми промышленниками національнымъ знаменемъ. Этой превосходной мѣрѣ слѣдовало бы подражать и обобщить ее.

Злоупотребленіе знаменами ведетъ къ уменьшенію должнаго уваженія настоящему знамени, единственному, имѣющему право на почести и уваженіе. Вездѣ, гдѣ оно появляется, вездѣ, гдѣ оно проходитъ, каждый долженъ вставать и кланяться. Иностранцы рѣдко упускаютъ это. Во Франціи болѣе равнодушны къ формѣ. Встрѣчаютъ полкъ, пересѣкаютъ дорогу знамени, смотрятъ на него и забываютъ снять шапку. Подчасъ можно было-бы сказать, что стыдятся, считаютъ какъ бы слабостью это публичное выраженіе уваженія.

Недавно, въ одномъ большомъ журналѣ, можно было прочесть въ хроникѣ, присланной изъ Англіи, слѣдующее: „Надъ каменной ар„кой, замыкаемой рѣшеткой, озна„чающей входъ въ паркъ, поднято „трехъ-цвѣтное знамя. Парижанинъ „и скептикъ, очень обидно, чтобы „тебя считали шовинистомъ и все „же какъ то непріятно видѣть, какъ „этотъ клочекъ отчизны развѣвает„ся по вѣтру острововъ! *Если бы*

„можно было быть увѣренным, что „не замѣтитъ какой-нибудь прохо- „жій, скрытый за однимъ изъ внѣш- „нихъ стволовъ, то поклонился бы „при проходѣ“.

Сердце холодѣетъ при чтеніи этихъ декадентскихъ строкъ. Какъ онѣ хорошо рисуютъ нашу смутную эпоху. Шовинисты, но не хочется сознаться въ этомъ; это банально, но все-же это патріотическая восторженность. Видъ національныхъ цвѣтовъ трогаетъ, но презрительно называютъ ихъ клочкомъ родины; хотѣли-бы поклониться имъ, чувствуютъ, что должны сдѣлать это, но не смѣютъ, изъ боязни быть замѣченными. О, человѣческое уваженіе! Какой же стыдъ для француза поклониться цвѣтамъ своей родины, когда онъ встрѣчаетъ ихъ заграницей? Никакого, конечно. Надо было-бы никогда не упускать этого и прославлялись бы въ глазахъ другихъ народовъ, почитая всегда знамя своей родины.

Нѣтъ людей, которые не понимаютъ этого; тѣмъ хуже для нихъ, но когда они пишутъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, это прискорбно.

Но это еще ничто сравнительно съ тѣмъ, что часто печатаютъ.

Не тяжелѣе-ли еще дать почесть этимъ молодымъ солдатамъ, призваннымъ въ школу долга и уваженія, язвительные нападки противъ милитаризма, въ которыхъ не пощадили и знамени. Его ругаютъ, называютъ лохмотьемъ, лоскутомъ, цвѣтной тряпкой, оскорбляютъ, представляя его „какъ бы запачканнымъ кровью народа“.

Необходимо оставить эти ругательства, обуздывать эти проступки, серьезность которыхъ бьетъ въ глаза всѣмъ. Недавно судъ объявилъ, что нѣтъ закона, наказывающаго за оскорбленіе знамени. Это пробѣлъ; не считали нужнымъ издавать законы противъ оскорбленій знамени; ихъ считали невозможными. Теперь будутъ вынуждены прійти къ изданію закона, потому что нѣкоторыхъ хулителей ничто не останавливаеетъ.

Законъ—это матерьальная форма обузданія и его сила никогда не можетъ быть большой въ такомъ случаѣ. Перо, полемика—иной силой дѣйствуютъ на нравы. Къ нимъ особенно надо обращаться.

Патріотизмъ—растеніе нѣжное, онъ требуетъ теплой среды и гибнетъ отъ холодныхъ дуновеній. Онъ развивается, поддерживается, воспламеняется при добрыхъ заботахъ, онъ меркнетъ въ зловонныхъ міаз-

махъ декадентства, эгоизма, интернаціолизма. Не напоминая мнѣнія Эзопа, публицисты, періодическая пресса могутъ быть большимъ благомъ, направляя надлежащимъ образомъ общественное мнѣніе или значительнымъ зломъ, слишкомъ выставляя недостатки или заблужденія, присущія всѣмъ людскимъ учрежденіямъ.

Если всѣ, владѣющіе перомъ захотѣли бы никогда не пользоваться имъ, чтобы колебать вѣру въ родину и всегда употребляли его чтобы согрѣвать подогрѣвать патріотизмъ, поднимать его на высшую точку интенсивности—они осуществили-бы самую большую нравственную силу, какую когда-либо знали. Всѣ имѣли бы непреложную вѣру, а при вѣрѣ все становится возможнымъ, все дѣлается легкимъ.

То, что происходитъ теперь,—эти манифестаціи въ честь Франціи—показываютъ все, чего можно было бы достичь нравственно, еслибы часто сами первые не стали бы себя позорить.

Этого легче всего было бы достичь относительно арміи. Народъ хорошо относится къ ней, несмотря на всѣ попытки отвратить его отъ нея. Восклицанія, аплодисменты, привѣтствія энтузіазмъ толпы при видѣ войскъ—обильно доказываетъ это. Франція осталась гальской: у нея темперамитъ воинственный и шовинистскій. Это сила, которую надо остерегаться уничтожать.

Любить армію—это значитъ любить независимость и славу родины; также не смотря на пессимистовъ Франція всегда любитъ свою армію и доказываетъ это во многихъ случаяхъ.

Ея преданность родинѣ и республикѣ очевидны. Правильность ея положенія признана. Она была безукоризненна при иностранныхъ манифестаціяхъ и внутреннихъ волненіяхъ.

Въ другихъ странахъ когда-то происходили скверныя вещи. Во Франціи никогда не было ничего подобнаго. Армія не принадлежитъ никакой партіи, никакой кастѣ, никакой категоріи. По существу народная, она думаетъ только объ одномъ: исполнять свой долгъ, служить Франціи возможно лучше и жертвовать собою ради нея.

Нѣкоторые голоса, и самые громкіе, засвидѣтельствовали это. Президентъ Карно, между прочимъ, сказалъ въ своей рѣчи, въ Лиможѣ: „Этимъ конкурсомъ всѣхъ, этой всеобщей преданностью великимъ интересамъ родины, мы обязаны на-

шей дорогой, родной арміи, *этой настоящей школѣ долга и патріотизма*".

Это утвержденіе было больше, чѣмъ похвала, это было удовлетвореніе за многія оскорбленія, перенесенныя съ достоинствомъ. Народъ не виноватъ. Ясно, что громадное большинство за армію.

Впрочемъ, военный скептицизмъ не такъ силенъ, какъ утверждаютъ. Ношеніе оружія осталось отличіемъ если не привиллегіей. Инженеры, администраторы, даже судьи имѣютъ шпагу, гальскій спадъ, народное оружіе.

Шовинизмъ еще не подвергался остракизму. Кокарда все еще возвышается на головѣ. Толпа волнуется при внѣшнихъ проявленіяхъ арміи. Ей нравится трубный звукъ, звонъ мѣди, для нее возобновили барабаны, безполезные войскамъ. Она любитъ помпоны и припѣвы пѣсенъ. Она интересуется дальними походами, развѣдчиками, развертываніемъ фронта большихъ массъ.

Маневры соблазняютъ публику и по истинѣ электризуютъ ее. Она прибѣгаетъ поспѣшно, не смотря на усталость и непогоду, холодъ, дождь, даже голодъ, чтобы насладиться столь соблазнительнымъ зрѣлищемъ подобія войны.

Чувствуется, какъ восторгъ, увлеченіе овладѣваетъ зрителями. Гальская кровь разгарается при видѣ быстрыхъ эволюцій. Онъ проявляется при видѣ дерзкаго и умѣлаго нападенія. Ружейная пальба, пушечные выстрѣлы, запахъ пороха, кавалерійская аттака—вызываютъ горячія одобренія.

Публика, восхищенная, восторженная, хочетъ все видѣть возможно ближе и ея восклицанія раздаются среди батарей, подъ ногами лошадей и она не принимаетъ въ расчетъ, какимъ она подвергается опасностямъ, имѣя лишь одну цѣль: выразить свое увольствіе солдатамъ.

Когда она видитъ войска, нація чувствуетъ организованную силу, она чувствуетъ свой подъемъ, она оцѣниваетъ осязательно величіе жертвъ, на которыя согласилась, чтобы обезпечить свою безопасность и тѣ, которыя еще нужны чтобы поддержать ее.

Смотры производятъ на нее особенно сильное впечатлѣніе и она чувствуетъ потребность дать волю изліянію своихъ чувствъ. Видя проходящихъ солдатъ, резервистовъ, территоріальныхъ войскъ, она вспоминаетъ и падѣется. Она не сдерживается, она увлекается и разра-

жается виватами и браво. Всѣ полки, всѣ знамена горячо привѣтствуютъ.

Это взрывъ дѣйствительнаго, національнаго чувства самороднаго, хорошаго качества; это патріотическая благодарность арміи за ея трудъ, ея поведеніе, увлеченіе и залогъ, и обѣщаніе безопасности и надежды. Это біеніе всѣхъ сердецъ въ чувствѣ безграничнаго удовлетворенія за подъемъ націи.

Достаточно вспомнить объ удивительныхъ манифестаціяхъ во время смотра въ честь Русскаго Императора, чтобы не имѣть никакого сомнѣнія на этотъ счетъ.

Армія—это само воплощеніе патріотизма и его высшее выраженіе. Она заботливо сохраняетъ поклоненіе ему, она поддерживаетъ священный огонь, оживляетъ его, когда онъ слабѣетъ. Потому-то такъ интерересуются ею заграницей, внимательно изслѣдуютъ ея положеніе, мужество; о странѣ судятъ по ней.

Потому-то, когда видятъ эти прекрасныя войска, когда слышатъ на пути ихъ эти столь заслуженныя восклицанія, когда иностранцы рукоплещутъ имъ, съ восторженнымъ восхищеніемъ чувствуешь, какъ негодованіе хватаетъ васъ за сердце, при частомъ чтеніи, что эта армія—школа огрубѣнія, враждебная народу, врагъ свободы.

Порывы восторга и справедливости вознаграждаютъ сильно за клеветы. Въ эти минуты не думаютъ вовсе о разслабляющихъ теоріяхъ. Одна и та-же мысль оживляетъ всѣхъ зрителей. Ихъ дѣло заткнуть уши отъ заявленій, почитаемыхъ гуманитарными, пробующихъ измѣнически отвратить отъ слѣдованія согласно ихъ склонности, внимать крику своего сердца и показать себя тѣмъ, что они въ дѣйствительности—горячими приверженцами знамени.

Нѣтъ, долгій миръ не разслабляетъ сердецъ. Это военныя посидѣлки для возвышенныхъ характеровъ. Они хранятъ мысль, которая воспринимается, лишь только появляется войско.

XXVIII.

Объединеніе арміи и ея резерва неисполнимо.

Такъ какъ обвиненія, ругательства, ѣдкая критика противъ арміи не производятъ сильнаго дѣйствія на жителей, которые остаются такими же приверженцами мундира, то повернули въ другую сторону. Анархисты всякаго рода поня-

ли необходимость дернуть за другую веревку: соперничество, вызвать зависть, которую легко вдунуть въ умы.

Со времени войны 1870 года въ странѣ существуютъ, рядомъ двѣ военныя силы. Дѣйствующая армія, заключающая наличное число войскъ, содержимое постоянно, представляетъ около $^1/_{10}$ части всѣхъ силъ. Резервъ и территоріальная армія состоятъ изъ $^9/_{10}$, призываемыхъ во время мобилизаціи. Между этими двумя элементами, конечно, существуетъ различіе.

Дѣйствующая арміи живетъ отдѣльно, въ казармахъ, подчинена ежедневно дисциплинѣ и ведетъ постоянныя занятія. Она не занимается исполненіемъ гражданскихъ обязанностей и не вотируетъ.

Резервы живутъ дома безъ обычныхъ требованій, принужденные въ рѣдкихъ случаяхъ являться для обученія. У нихъ мало обязанностей по отношенію къ странѣ и они пользуются правомъ голосованія.

Изъ этого, почти всегда противоположнаго положенія и сходнаго лишь въ рѣдкія минуты, легко можно было извлечь аргументы, чтобы вызвать разномысліе и это не приминули сдѣлать.

Теперь избиратель почти все; въ немъ нуждаются, необходимо его щадить. Солдатъ всегда исполняетъ свой долгъ; съ него нечего спрашивать, исключая его поддержки во время опасности; въ немъ увѣрены, онъ повинуется. И такъ, правительство, по противорѣчію почти вынужденному, обязано благопріятствовать резервисту, выборщику, который нападаетъ на него и часто его обезславливаетъ, и благопріятствуетъ въ ущербъ дѣйствующей арміи, защищающей и поддерживающей его всегда.

Какъ бы велика ни была несправедливость такой точки зрѣнія, армія не протестуетъ. Въ столкновеніяхъ возникающихъ иногда, она всегда оказывается неправой. Она знаетъ это и не раскрываетъ рта, обыкновенно безропотная, счастливая, если порой захотятъ засвидѣтельствовать и признать ея заслуги.

Резервисты имѣютъ за собой голосованіе и численность, гражданскій перевѣсъ, самый деспотичный. Со времени давняго раздѣленія властей, соединенныхъ прежде въ лицѣ главы, всегда пытались отодвинуть военную силу на второй планъ, ложно толкуя значеніе старой поговорки: „cetant arma todae“.

Она прежде означала: сила должна преклоняться передъ правомъ

что было справедливо. Теперь расположены признавать, что право должно преклоняться передъ численностью и это довольно несправедливо.

Римскій афоризмъ въ дѣйствительности устарѣлъ, вслѣдствіе совершившагося факта всеобщей воинской повинности. Если всѣ служатъ болѣе или менѣе, то одной партіи претендовать на первенство, которое она немного погодя утратить, вслѣдствіе призыва—ребячество.

Это пунктъ щекотливый и ловко эксплоатируемый. Нѣкоторые протестуютъ противъ примѣненія военныхъ постановленій къ резервистамъ созываемымъ въ учебные сборы. Они возстаютъ противъ извѣстной, краткой и ясной формы, употребляемой кадрами, въ сношеніяхъ съ своими подчиненными. Намѣренно смѣшиваютъ живость, энергію съ грубостью и нѣкоторыя сильныя выраженія—съ ругательствами и оскорбленіями. Этого никогда не было, и уже много лѣтъ отношенія приняли совсѣмъ другой характеръ. Дисциплина стала очень снисходительной, большая часть ея строгостей сильно смягчилась.

Забываютъ, что союзы людей, принужденныхъ выполнять многочисленныя и точныя обязанности достаточно склонны поддаваться возбужденіямъ, нерадѣніямъ которымъ надо противодѣйствовать, подъ страхомъ не имѣть на нихъ никакого воздѣйствія. Движенія въ разсыпную, личное участіе въ сраженіи побуждаютъ отвлекать человѣка отъ власти начальниковъ и необходимо постоянно снова приводить ихъ къ тому. Что и дѣлается внося при этомъ чрезвычайную умѣренность и нельзя достаточно похвалиться заботой и кротостью кадровъ въ отношеніи солдатъ.

Все же находятъ, что остается слишкомъ много властности, покрайней мѣрѣ, пишутъ объ этомъ Не хотѣли бы болѣе ничего и подъ предлогомъ, что армія—сама нація подъ ружьемъ, внушаютъ, что слѣдовало-бы, по крайней мѣрѣ, по отношнію къ резервистамъ и территоріальнымъ, уничтожить все, что составляетъ субординацію самую сущность войска, лишь только оно подъ ружьемъ. Безъ этого былъ бы невозможенъ сборъ резервистовъ. Это хорошо чувствуется съ одной стороны, и, чтобы разрушить армію, особенно нападаютъ на дисциплину.

Силятся обновить доктрины, прожившія вѣкъ, но отъ этого не ставшія лучше. Стараются восполь-

зоваться разнородностью боевыхъ силъ, временами собираемыхъ вмѣстѣ, чтобы снова проповѣдывать ихъ. Это повторное дѣло причинило значительное зло, внушивъ извѣстному числу умовъ эти непріятныя идеи.

Резервистъ, солдатъ временный, ведетъ себя хорошо, чтобы не быть наказаннымъ и имѣть возможно больше свободы. Что его заставляютъ дѣлать, часто ему не нравится; онъ исполняетъ это, не одобряя. Начальники для него лишь тираны, онъ осуждаетъ ихъ, какъ школьникъ своихъ учителей. Онъ не даетъ имъ ни своей любви, ни довѣрія. Наоборотъ, онъ не довѣряетъ ихъ совѣтамъ и наставленіямъ.

Отбывъ время службы, резервистъ территоріальный, снова становится свободнымъ. Онъ ничѣмъ не обязанъ по отношенію къ своимъ вчерашнимъ начальникамъ. Надо было издать спеціальные законы, чтобы наказывать преступныя дѣянія, которыя совершали изъ чувства мести, покинувъ ряды.

Въ этомъ потеря равновѣсія, довольно гибельная для военной организаціи, и соединеніе обѣихъ армій въ мирное время невозможно. Нравы въ особенности не склонны къ этому.

Одно время, вслѣдствіе нашихъ несчастій, надѣялись, что общественный духъ пойметъ необходимость перемѣны въ мысляхъ; предполагали, что признаніе обязательной службы приведетъ къ добровольной дисциплинѣ всей страны. Думали, что всѣ молодые люди, пройдя службу, усвоятъ тамъ привычки къ порядку, уваженію къ власти и законамъ, исполненію долга, и что по выходѣ изъ арміи, они сохранятъ эти самыя качества, ставъ добрыми гражданами.

Что касается массы—это такъ; только нѣкоторая часть сбита съ толку вредными сочиненіями и приведена въ заблужденіе правдоподобными толкованіями.

Спрашиваютъ, какъ можно примирить требованія дисциплины съ освободительными началами? Это соглашеніе безполезно. Тутъ нѣтъ сосуществованія, но непрерывность. Первыя подготовляютъ вторыхъ. Всѣ знаютъ, что школа повиновенія—самая плодотворная для подготовки доблестныхъ людей.

Дѣйствительно, двѣ части арміи представляются въ очень несходныхъ условіяхъ. Одна,—дѣйствующая,—главная, такъ какъ она постоянная и болѣе обученная; дру-

гая,—резервъ,—имѣетъ за собой только численность и появляется въ рядахъ лишь временно. Первая естественно обязана выправлять вторую и руководить ею въ случаѣ мобилизаціи.

Такимъ образомъ, армія резерва, правильно называемая помощницей дѣйствующей арміи, занимаетъ неизбѣжно подчиненное положеніе. Это положеніе почтенно и многіе принимаютъ его безъ затрудненій. Все-же не трудно было побудить нѣкоторую часть требовать, по крайней мѣрѣ, равенства, что само по себѣ невозможно.

Ссылались на прошлое и пытались установить параллель между силами постоянными и импровизованными въ войну 1870—1871 годовъ. Хотѣли создать легенду въ ущербъ первымъ и на пользу другимъ.

Каждый разъ, что мы деремся, традиція желаетъ, чтобы мы были побѣдителями. Такъ какъ это бываетъ не всегда такъ, то вину въ этомъ сваливаютъ на военачальниковъ и солдатъ. Старая революціонная привычка, рожденная въ смутныя времена. Толпа всегда прекрасна, ей это говорятъ и она довольна. Много причинъ мѣшаютъ показать правду побѣжденному народу; онъ не всегда готовъ выслушать ее, и надо высоко чтить тѣхъ, кто имѣетъ смѣлость высказывать ему ее откровенно.

Эта месть опасна; она мѣшаетъ оглянуться на себя, отыскать причины пораженій, исправить ошибки и въ тоже время благопріятствуетъ, чтобы руководили неспособные, готовитъ разочарованія и приводитъ къ гибели.

Ось политики одно время склонилась въ эту сторону и содѣйствовала тому, чтобы сдѣлать положеніе еще болѣе напряженнымъ. Общественный духъ былъ нѣкоторое время сбитъ съ толку. Противополагали армію импровизованную прежней арміи, и, восхваляя чрезмѣрно первую, показали ее если не превосходящей, то равной второй.

Это сильный доводъ, пущенный ловко, чтобы добиться уничтоженія дѣйствующей арміи. Какъ слѣдствіе, предлагаютъ сначала полное слитіе, не отдавая себѣ отчета въ невозможности подобной амальгамы, единственнымъ прочнымъ цементомъ которой была-бы дисциплина, а ее то отвергаютъ для самой многочисленной части. Въ этомъ главный пунктъ споровъ. Дѣйствующая армія не выражаетъ никакой жа-

лобы, требованія идутъ особенно отъ нѣкоторыхъ резервистовъ и чаще онѣ касаются формы, чѣмъ сущности.

Вспомогательныя силы полезны, даже необходимы для защиты страны, съ условіемъ быть хорошо организованными, что еще не окончено. Однѣ онѣ немного-бы значили. Для тѣхъ, кто хочетъ видѣть—примѣры на лицо. Штатскій министръ, чтобы удивить народъ, мечталъ однажды призвать на маневры въ Индрѣ дивизіоны резервистовъ. Извѣстно, какой получится плачевный результатъ, несмотря на численность, и другую помощь, оказанную дѣйствующей арміей.

Съ того времени были сдѣланы значительные успѣхи—это неоспоримо. Вспомогательная армія, особенно офицеры подвинулись впередъ, но разница все еще очень большая.

Какъ и сто лѣтъ тому назадъ требуютъ амальгамы, но въ обратномъ смыслѣ. Дѣло не въ томъ, чтобы поднять вспомогательную армію до уровня дѣйствующей, но понизить эту до уровня первой. Въ общемъ, подъ другимъ именемъ нѣкоторые стараются прійти къ милиціи безъ того чувства долга, какой въ Швейцаріи, безъ интереса къ спорта, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Стремятся къ этому во вредъ, для безопасности страны, внушая преувеличенное довѣріе къ резервамъ, и питая упадокъ духа въ дѣйствующей арміи. Вмѣсто того, чтобы поддерживать ее въ ея трудной задачѣ, кажется, будто стараются сдѣлать ее еще тяжелѣе.

Видя усиливающееся милиціоперство, замѣну солдатъ людьми временными, думающими лишь о томъ, какъ бы уйти оттуда, просто восхищаешься преданности кадровъ и ихъ самоотверженности. Постоянное обученіе возобновляется нѣсколько разъ въ году. Надо дѣлиться знаніемъ съ людьми, часто принимающими его неохотно и плохо подчиняющимися ему. Взглядъ, а иногда и выправка достаточно указываютъ на мысли низшаго. Исключая деревенскихъ жителей, простыхъ и добрыхъ по натурѣ, этотъ характеръ скрытой оппозиціи дѣлаетъ успѣхи и замѣчается по нѣкоторымъ признакамъ.

Постоянное сближеніе резервистовъ, льготныхъ, не обучавшихся, всѣхъ временныхъ военныхъ съ дѣйствующими силами, вводитъ среди этихъ послѣднихъ идеи, мало благопріятныя дисциплинѣ.

Краткосрочная служба не даетъ времени набраться военной складки. Даже нѣтъ и желанія этого при видѣ двери, готовой открыться. Среда становится болѣе фрондирующей, болѣе склонной критиковать, жаловаться, требовать. Не будучи въ состояніи выражать недовольство громко, находятъ клапанъ, чтобы изливать дурное настроеніе, ввѣряя печатнымъ листамъ обиды, иногда преувеличенныя, часто выдуманныя.

Декадентскія сочиненія распространяютъ эти розсказни, якобы, изъ уваженія къ истинѣ, такъ часто извращаемой. Постоянно онѣ противополагаютъ право долгу, о которомъ нѣтъ вовсе и рѣчи и, чтобы заставить принять эти разрушительныя теоріи, онѣ часто борются противъ военнаго воспитанія, преданности странѣ, презираютъ энергію, мужественность характера, не замѣчая, что они затрагиваютъ не только дѣйствующую армію, но и населеніе: гражданское воспитаніе отъ этого понизится на столько же.

Если не будутъ энергично сопротивляться, гибельныя послѣдствія явятся скоро. Ихъ будутъ оплакивать, но сожалѣнія не помогутъ причиненному злу.

Здѣсь дѣло не объ общественномъ вопросѣ, но объ общественномъ существованіи, корень котораго—дисциплина и очень важно не давать поколебать его.

Настоящая военная организація ставитъ лицомъ къ лицу дѣйствующей арміи,—арміи резервистовъ и территоріальную, снабженныя кадрами и военной организаціей. Значитъ, обязательная служба создала для общественной безопасности новую опасность. Армія сверхштатная (en disponibilité) можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стать противъ дѣйствующей и породить гражданскую войну.

При недавнихъ смутахъ, одинъ агитаторъ, разжигая возмущеніе, говорилъ рабочимъ: „Вы всѣ были „солдатами, и когда настанетъ день, „вы будете знать, какъ держать „оружіе“.

Это безъ обиняковъ.

Тотъ же соціалистъ отмѣчалъ, въ одной конференціи, опасности, которымъ подвергается правительство, которое, вслѣдствіе обязательной службы, даетъ оружіе въ руки тѣхъ, кто его не имѣетъ, обратно древнимъ обществамъ, которые сохранили для избранныхъ ремесло военное и онъ прибавляетъ: „Рекруты — рабочіе вносятъ

соціальныя идеи въ ихъ лядунку. Германія не могла-бы больше воспользоваться своей арміей въ случаѣ внушенной войны".

Положеніе вещей еще не таково, но пытаются достигнуть этого, и добьются, если не будутъ принимать мѣръ предосторожности.

Пробовали помочь немного во Франціи ст. 6 закона 18 ноября 1895 года относительно присутствія резервистовъ и территоріальныхъ въ сборищахъ. Это просто палліативъ.

Радикальное зло въ совмѣстномъ существованіи двухъ общественныхъ силъ, которыя хотятъ болѣе или менѣе смѣшать, слить, хотя онѣ совершенно различны. Дѣйствующая сила не вотируетъ, а сила сверхштатная состоитъ изъ избирателей. Одинъ писатель называлъ эти двѣ части: „армія порядка и армія безпорядка". Не доходя до этого, нельзя не признать опасности подобнаго положенія.

Слѣдовательно, не надо уступать въ этомъ пунктѣ, каковы ни были бы примѣры или просьбы. Сохранимъ армію и отвергнемъ милицію.

XXIX.

Средства, прилагаемыя для сокращенія обязательной службы.

Мы имѣемъ въ виду показать долгія подготовительныя дѣйствія для уменьшенія значенія военной службы; постепенную подготовку сокращенія для того, чтобы достигнуть уничтоженія ея.

Сначала старались лишить армію уваженія, обвиняя ее въ злодѣяніяхъ, въ которыхъ она неповинна, приписывая ей много бѣдствій, за которыя она неотвѣтственна. Въ то же самое время заставляли звучать грустныя струны декадентства; возбуждали любовь къ благосостоянію, даже нѣгу, въ виду суровости военной жизни и ея опасностей; пробовали, такимъ образомъ, убить всѣ великодушныя чувства, уничтожить любовь къ милитаризму и парализовать частную иниціативу.

Результатъ не былъ полонъ, какъ и слѣдовало ожидать; однако, нельзя отрицать успѣховъ, достигнутыхъ на этомъ роковомъ пути.

Нѣкоторые признаки указываютъ на значительныя измѣненія въ идеяхъ, въ планахъ по поводу военныхъ учрежденій нашего времени. Они проявляются во многихъ странахъ, даже въ Англіи.

Тамъ каждый день встаютъ новыя внутреннія затрудненія; движеніе противъ милитаризма тамъ можетъ быть глубже, чѣмъ гдѣ ли-

бо въ другомъ мѣстѣ. Въ Германіи оно занимаетъ умы, которые наблюдаютъ за работой этого спеціальнаго порожденья. Нѣмцы хорошо знаютъ силу и слабость учрежденія обязательной службы, столь обольстительной и столь опасной. Они занимаются настоящими ея результатами и, особенно, будущими. Они стараются ихъ предотвратить и въ нѣкоторыхъ предѣлахъ они, кажется, подготовляютъ необходимую эволюцію для того, чтобы, если это будетъ нужно, удовлетворить новыя нужды, новыя требованія.

Все это тонетъ въ туманѣ, скрывающемъ будущее. Что за этой туманной завѣсой? Что появится, когда она разорвется? Ходъ спеціальныхъ идей быстрый. То, что кажется мечтой въ данную минуту, можетъ сдѣлаться скоро дѣйствительностью; правда, это вопросъ времени. Когда подобные вопросы предлагаются настойчиво, необходимо подумать объ ихъ разрѣшеніи.

Военный организмъ подвергнется, можетъ быть, въ будущемъ чувствительнымъ преобразованіямъ. Было бы хорошо предвидѣть ихъ, чтобы не быть удивленнымъ событіями, чтобы помѣшать свершиться имъ къ нашему ущербу, и, если нужно, подготовить переходы къ неизбѣжнымъ измѣненіямъ. Мы призываемъ къ самому простому блягоразумію. Беззаботность и бездѣятельность не замедляютъ хода дѣлъ. Прогрессъ, пріятный или непріятный, совершается самъ собой; существенно важно, въ данный моментъ, чтобы не обогнали насъ другіе, лучше освѣдомленные.

Соціальныя проблемы устанавливаются, развиваются вмѣстѣ и разрѣшаются совмѣстно. Рѣшенія, по крайней мѣрѣ, предварительныя, появятся въ скоромъ времени, хотя онѣ и не наилучшія. Важно обратить вниманіе нашего отечества на военную сторону начинающагося кризисса, показать въ немъ серьезную опасность и, раскрывая въ немъ различныя симптомы, указать на ослабленіе за недостаткомъ лѣкарствъ.

Замѣчается стремленіе къ сокращенію срока службы, неясное у многихъ, у нѣкоторыхъ—опредѣленное. Многіе умы ищутъ средства придти къ чистой милиціи, уничтожая постоянную армію.

Такимъ образомъ, обнаруживается задача, которая должна быть признана самой серьезной въ настоящее время. Она представляетъ двѣ пос-

лѣдовательныя фазы, - уменьшеніе военной службы сначала, затѣмъ будущее уничтоженіе ея.

Эти, столь интересные, вопросы были съ самаго начала отсрочены введеніемъ обязательной службы въ мирное время. Ее декретировали съ нѣкоторой яростью. Затыкали себѣ уши; не хотѣли и слушать жалобъ заинтересованныхъ и еще менѣе принимать ихъ въ расчетъ. Нашли болѣе простымъ издать рѣшительную мѣру, желая представить себѣ, что она будетъ удобоприменима.

И ошиблись. Въ дѣйствительности воинская повинность дурно распредѣлена повсюду и особенно во Франціи. Нѣтъ недостатка въ возраженіяхъ,—недовольство возрастаетъ. Для того, чтобы помѣшать умноженію жалобъ, нужно было прибѣгнуть къ дурному средству: обходить законъ и даже часто нарушать его.

Безпрестанно ссылались на массу поводовъ, болѣе или менѣе справедливыхъ. Творцы этихъ законовъ, сами законодатели, первые хлопотали, спрашивали, какимъ образомъ смягчить, облегчить, ослабить, обойти даже формальное распоряженіе, которое они вотировали.

Это противорѣчіе легко объясняется. Когда, по своему положенію, получаютъ многочисленныя конфиденціальныя сообщенія объ интересныхъ во многихъ отношеніяхъ обстоятельствахъ, становится понятнымъ существованіе серьезныхъ затрудненій въ соціальной жизни и нужно непремѣнно отдать въ нихъ отчетъ, если не желаютъ сдѣлать ихъ часто невыносимыми.

Въ томъ, что касается отдѣльныхъ личностей, причины изъятій очень многочисленны: неспособность, слабость организаціи, поддержка семьи, отпуски, разрѣшенія и пр.

Нѣтъ недостатка въ мотивахъ и для значительныхъ категорій. Они основываются на необходимости освободить или дать руки сельскому хозяйству или промышленности. Указываютъ на всевозможныя климатическія условія. Холодъ и жаръ. Сухость и разливы; болѣзни людей или растеній; холера и филоксера. Затѣмъ работы во время жатвы; потомъ уборка винограда, наконецъ, осеннія работы. Во всякое время года представляется основаніе для отсрочекъ и всегда оказывается многочисленное количество депутатовъ, приходящихъ къ трибунѣ просить или требовать у правительства дать удовлетвореніе сельскому хозяйству, торговлѣ, промышленности, такъ сказать, избирателямъ.

Каждый годъ, подъ различными предлогами, требуютъ уменьшенія продолжительности учебныхъ сборовъ. 28 дней слишкомъ много для резервистовъ; 13 дней слишкомъ много для территоріальныхъ войскъ. Стараются добиться уменьшенія на нѣсколько дней.

Объ уничтоженіи не говорятъ; требуютъ только отсрочки. Ее даютъ легко, откладываютъ на шесть мѣсяцевъ, на годъ и очень часто отсрочка обращается; на самомъ дѣлѣ, въ освобожденіе.

Еще приходится считаться съ нуждами общественной службы,— почты, желѣзныя дороги, полиція и пр.—что-бы освободить или, если угодно, дать отсрочку части личнаго состава. Было рѣшено заставить отбывать короткій срокъ обученія хранителей спокойствія Парижа; пришлось отъ этого отказаться.

Это одни изъ многихъ примѣровъ и въ этомъ пунктѣ законъ подвергается еще многочисленнымъ ударамъ.

Разъ вышли на этотъ путь, шли по немъ быстро, тѣмъ болѣе, что съ приближеніемъ конца парламентской сессіи, надлежало заняться истинными или воображаемыми интересами избирателей для того, чтобы обезпечить себѣ возвращеніе въ парламентъ.

Къ концу 1896 года—предложенія, имѣющія цѣлью разстроить военныя учрежденія, съ такимъ трудомъ принятыя, появились въ огромномъ количествѣ. Всѣ имѣли цѣлью уменьшить армію, ни одно не предназначалось для усиленія ея.

Отмѣтимъ только главныя, предоставляя другія забвенію.

Освобожденія, уже очень многочисленныя, подвергались живой критикѣ. Тѣмъ не менѣе предлагаютъ еще увеличить ихъ. Это противорѣчіе выступаетъ почти во всѣхъ проектахъ закона. Такъ, одинъ депутатъ жиронды требуетъ, чтобы количество увольненій для ремесленниковъ (ouvriers d'arts) было удвоено, и оно опровергается однимъ изъ доводовъ, назначенныхъ для поддержки его:

„... Можно утверждать, за „долгій періодъ примѣненія закона, „что многіе кандидаты, являющіе„ся въ жюри для испытанія, суть „только ремесленники, и что если„бы не годичный срокъ службы, „назначенный имъ, они никогда не „вошли бы въ ателье. Наши про„винціальныя художественныя шко„лы переполнены молодыми людьми,

„которые, вслѣдствіе неудачи на „экзаменахъ и на конкурсѣ для за- „нятія свободныхъ профессій и по- „ступленія въ высшія школы, обра- „щаются къ этому послѣднему сред- „ству избѣжать трехлѣтней служ- „бы.

Слѣдствіемъ этого должно было бы быть уменьшеніе, а не увеличе- ніе освобожденій, такъ плохо при- мѣняемыхъ. Ничуть не бывало. Хо- датайствуютъ только о повѣркѣ испытательныхъ комиссій (jurys d'examen), по большой части, не ком- петентныхъ, но не указываютъ средства устроить ихъ лучше.

То, что предлагается въ пользу ремесленниковъ, должно тотчасъ- же потребовать и для сельскаго хозяйства и торговли. Освобожде- ніе навсегда для всѣхъ категорій. Въ ихъ пользу склоняются многіе, не принадлежащіе ни къ какой ка- тегоріи. Тамъ участвуетъ группа умѣренныхъ депутатовъ. Въ ихъ проектѣ поднимается великій воп- росъ — „согласовать жизнь отечест- „ва съ его обороной; не слѣдуетъ, „утверждаетъ онъ, убивать отече- „ство для того, чтобы его защищать“.

Эти странныя фразы заканчи- ваются слѣдующими заявленіями: „Нельзя не признаться, что трех- „лѣтняя служба съ очень похваль- „нымъ намѣреніемъ быть равной „для всѣхъ, ослабляетъ оборону и „разрушаетъ сельское хозяйство“.

Проектъ, довольно пространно мотивированный не разъ уже указан- ными разсужденіями, заканчивается слѣдующими словами:

„Въ мирное время, послѣ года „пребыванія подъ знаменами, мо- „гутъ быть отпускаемы въ отпускъ „домой въ качествѣ опоръ сельско- „хозяйственнаго труда дѣти земле- „дѣльцевъ, работающіе съ 16 лѣтняго „возраста вмѣстѣ со своими родите- „лями и молодые люди, привлечен- „ные съ этого возраста къ сельско- „хозяйственной работѣ, съ тѣмъ „условіемъ, чтобы они доказали, до „25 лѣтъ, что они продолжаютъ „заниматься сельско-хозяйственной „промышленностью“.

„Декретъ долженъ опредѣлить „средства этого доказательства и „условія допущенія; число опоръ „сельскаго хозяйства будетъ опре- „дѣляться ежегодно военнымъ ми- „нистромъ по числу солдатъ, остав- „ленныхъ на сверхсрочной службѣ“.

Почти въ тоже время, сенаторы департамента Роны предложили другое измѣненіе закона о воин- ской повинности и редактировали его такъ: „Равнымъ образомъ поль- „зуются преимуществами статьи 21

„закона 15 іюля 1889 года тѣ мо„лодые люди, которые вступятъ въ „бракъ передъ временемъ собранія „пріемныхъ комиссій (conseils de re„vision)."

Одно только это предложеніе, идущее на пользу размноженія, заслуживаетъ быть принятымъ. Мы уже показали пренебреженіе анархистовъ къ этому, въ высшей степени интересному, вопросу. Они стушевали его подъ уровнемъ равенства, ихъ конькомъ.

Все, что касается размноженія, должно быть поощряемо. Это основа арміи, но не слишкомъ много думали объ усиленіи и укрѣпленіи ее. Обыкновенно издѣвались надъ молодымъ мужемъ, взятымъ въ наборъ. Сколько лицъ находится въ подобномъ положеніи, конечно, ненормальномъ и, вслѣдствіе этого, самомъ скверномъ. Указывали на дѣтей и жену, лишенныхъ ихъ естественной поддержки и впавшихъ въ нищету. Если бы законъ былъ хорошо составленъ и лучше примѣнялся, то отсутствіе мужа было бы ослаблено помощью, доставляемой общиной.

Кромѣ того, неудобства раннихъ браковъ, съ точки зрѣнія военной, не имѣютъ того важнаго значенія, какое хотятъ имъ приписать; оно чрезвычайно уменьшается въ виду выгодъ, которыя страна извлекаетъ изъ раннихъ браковъ. По этому, конечно, предпочтительнѣе освобождать отъ службы человѣка женатаго, отца семейства, чѣмъ псевдохудожника, производящаго слабые эскизы.

Этотъ проектъ закона — гуманный, соціальный въ высшей степени, выгодный для общества и мало вредящій арміи. Было бы своевременно принять его.

Освобожденія, столь часто требуемыя по различнымъ поводамъ, изъ-за личныхъ интересовъ, должны не только идти на пользу отдѣльнымъ личностямъ, но въ особенности государству. Насколько справедливо дать льготу, если изъ нея извлекается выгода, какъ напримѣръ увеличеніе рождаемости, на столько-же правильно отказать въ ней, если дѣло заключается просто въ избирательныхъ интересахъ.

Въ этомъ горячемъ потокѣ въ пользу освобожденій выиграетъ тотъ, кто умножитъ мотивы, пробудитъ чувствительность, постарается возбудить законодателя. Ему, говорятъ, мало дѣла и мало поднимается защитниковъ, говорящихъ въ пользу арміи.

Я не вижу что-бы было доста-

точно ихъ, а также и лицъ, требующихъ денежнаго вознагражденія за освобожденіе. Былъ высказанъ, правда, тотъ принципъ, что всѣ безъ исключенія, кромѣ недужныхъ, обязаны военной службой! Если кто-либо, подъ различными предлогами пользы для страны, освобожденъ отъ всей службы или части ея, то на него слѣдовало бы наложить дополнительный налогъ, предназначенный, главнымъ образомъ, для облегченія положенія семействъ лицъ, призванныхъ на службу.

Эта мѣра, весьма справедливая, если она основана не на личномъ выборѣ, а на положеніи, опредѣленномъ закономъ, не встрѣтитъ большого сочувствія. Большинство очень желаетъ добиться освобожденія, но отказывается отъ уплаты возмѣщающаго ея налога. Такимъ образомъ, составители проектовъ законовъ о льготахъ остерегаются упоминать объ удержаніи военнаго налога (à l'appui) и особенно просить необходимаго повышенія его.

Нельзя допустить, чтобы уплату налога предпочитали дѣйствительной службѣ. Онъ долженъ быть достаточно высокъ, чтобы его боялись, и чтобы страшились не быть призваннымъ на службу. Стыдъ неисполненія патріотическаго долга, доказанная неспособность къ исполненію должностей и порученій, высокій налогъ, платимый каждый годъ за неисполненіе службы подъ знаменами—составили бы строгій уставъ, который заставилъ бы искать поступленія на службу, даже въ личныхъ интересахъ.

Женщины помогли бы здѣсь еще болѣе рѣшительнымъ способомъ; если бы онѣ отталкивали отъ себя, какъ непризнаннаго, всякаго, кто уклонится отъ исполненія воинской повинности, если бы онѣ отвергали его, какъ немощнаго физически или нравственно.

Въ глубинѣ всѣхъ этихъ требованій, освобожденій, лежитъ родъ чванства (snobisme), довольно постыднаго, соединяющагося всегда съ попечительствомъ и покровительствомъ, при чемъ общее благо остается въ сторонѣ. Внѣшній видъ ихъ бываетъ часто превосходенъ для тѣхъ, кто никогда не смотритъ глубже. Легко было толкнуть на этотъ путь многихъ обманутыхъ людей. Нѣтъ недостатка въ хитрецахъ.

Между различными средствами, предлагаемыми для уничтоженія арміи, прямыя только слегка указаны; на нихъ не настаиваютъ. Опираются

на непрямыя и выставляются всѣ средства филантропической теоріи, всѣ спеціальные и обольстительные аргументы.

Въ числѣ нихъ находится подготовительное военное обученіе и оно является прекрасной уловкой. Предполагается, чтобы освобожденіе давалось тому, кто ко времени призыва представитъ доказательства военной подготовки. Мысль абсолютно ложная. Военная подготовка, самая ничтожная, можетъ дѣйствительно оказаться у молодого человѣка, но это не будетъ серьезное военное обученіе, которое не можетъ быть пріобрѣтено въ подготовительный періодъ.

Теперь настаиваютъ на примѣненіи стараго 85 закона 15 іюля 1889 года, относительно подготовительнаго военнаго обученія. Вотированная восемъ лѣтъ тому назадъ, эта статья закона осталась безъ примѣненія. Эта была идея, надежда, приманка начало, предназначенное для будущаго разрушенія арміи. Ее оставляли до сихъ поръ въ покоѣ, и хорошо дѣлали. Разъ стараются разбудить ее—получится вредъ несомнѣнный.

Затруднительно представить доказательство военной подготовки. Единственными компетентными судьями оказались бы офицерскія комиссіи; но онѣ не были бы приняты именно потому, что они соединяли бы способность съ независимостью, и ихъ навѣрно замѣнили бы академическими чиновниками, генеральными совѣтниками (des conseillers generaux), или собраніями настолько-же некомпетентными, насколько пригодными къ политическимъ дѣйствіямъ. Въ результатѣ, такимъ образомъ, были бы новыя милости вмѣсто утвержденія правъ.

Есть чрезвычайная трудность въ томъ родѣ вопросовъ, гдѣ нужно пользоваться нравственнымъ воздѣйствіемъ, болѣе, чѣмъ положительными распоряженіями. Большинство видитъ только механизмъ военнаго ремесла, дѣйствіе оружіемъ и думаютъ, что легко научить этому всѣхъ. Это только одна часть, приманка; военное образованіе большое дѣло и его нельзя получить, не служа.

Проектъ 17 депутатовъ о подготовительномъ военномъ обученіи не практичный, если не гибельный. Такова истина. Мысль, лежащая въ глубинѣ его, клонится къ уничтоженію постоянной арміи. Въ сущности, это предложеніе сводится къ возстановленію школьныхъ баталіоновъ, столь справедливо уни-

чтоженныхъ, а также къ замѣнѣ войскъ національной гвардіей, безсильной милиціей. Это разрушеніе военной службы, военной силы. Такимъ образомъ, Франція будетъ представлена тому, кто захочетъ ее насиловать.

Общая и обязательная система военнаго обученія не была бы принята; нѣсколько попытокъ не имѣли успѣха. Говорятъ объ обращеніи къ частной иниціативѣ, устанавливая, однако, нѣкоторое количество вольныхъ обществъ гимнастическихъ, стрѣльбы, походныхъ (de marche), связанныхъ опредѣленной программой Это постоянное заблужденіе. Свобода по имени, обязательство на дѣлѣ.

Гимнастическія общества во Франціи стары и многочисленны. Во многихъ департаментахъ число ихъ превосходитъ 50, только въ пяти имѣется по одному обществу и въ восьми не имѣется вовсе. Общее число достигаетъ 931.

Потомъ создали общества военнаго образованія для юношей. Въ сущности, это на практикѣ почти тоже самое. Присоединились къ нимъ общества стрѣльбы, которыя тоже размножились, кажется, сдѣлали все возможное, чтобы развить гибкость тѣла и искусство стрѣльбы. Это хорошая подготовка къ военной жизни; однако, она не можетъ ее замѣнить, потому что тамъ и не является вопроса о военномъ обученіи.

Замѣчается стремленіе къ регламентаціи. Ее осуждаютъ въ арміи и, вмѣстѣ съ тѣмъ вводятъ ее въ гражданскія общества. Проекты закона провозглашаютъ обязательное обученіе гимнастикѣ и стрѣльбѣ всѣхъ молодыхъ людей, въ возрастѣ отъ 13—20 лѣтъ. Предоставляя обществамъ независимость, прибавляютъ къ обычнымъ занятіямъ маневры, упражненія подъ управленіемъ и наблюденіемъ военныхъ властей. Экзамены, смотры должны свидѣтельствовать о достигнутыхъ результатахъ. Такова сущность проекта, довольно неяснаго въ своей основѣ; увѣряютъ, что онъ дастъ благіе результаты. Разсужденіе, опытъ—все показываетъ противное, и всѣ утвержденія разлетаются передъ этими убѣдительными доказательствами. Надежда обольстительная, многообѣщающая, но все-таки призрачная.

Обязательства, предлагаемыя молодежи, на семь лѣтъ, были бы безполезны, безъ карательныхъ мѣръ для нарушителей или ихъ родителей. Если отступятъ передъ этой

строгой мѣрой—ничего не будетъ достигнуто. Кромѣ того, многія обстоятельства могутъ помѣшать доброй волѣ принимающихъ участіе. Кромѣ большихъ центровъ, окажется недостатокъ руководителей, недостатокъ въ средствахъ, занятія дѣтей и взрослыхъ не допустятъ передвиженій и т. п. Обычаи, привычки, патріотическое чувство сдѣлаютъ свободно то, чего законъ не добьется. Примѣръ—Швейцарія.

Тѣ, кто недостаточно знаетъ армію, не видятъ или отвергаютъ практическую сторону. Они привязываются къ теоріи, къ мечтѣ; они предлагаютъ подготовительное военное обученіе молодежи, предполагая сохранить продолжительность дѣйствительной службы. Эта идея обольстительная, но она не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Если могли бы дать военное обученіе прежде поступленія въ армію, это было-бы доказательствомъ безполезности арміи. Это тотчасъ-же указываетъ на ту ловушку, куда хотятъ завлечь наивныхъ. Подготовительное военное обученіе ведетъ прямо къ милиціи.

Взамѣнъ этихъ призрачныхъ обѣщаній, становится вопросъ о томъ, что-бы дать положительныя выгоды довольно многочисленной категоріи лицъ: „Всякій молодой человѣкъ, „который съ 16 лѣтъ до призыва „принималъ участіе въ одномъ изъ „указанныхъ обществъ, если онъ „пройдетъ военную программу и „если позволятъ его повѣрочныя „отмѣтки, можетъ быть уволенъ въ „отпускъ послѣ двухъ лѣтъ, про„веденныхъ въ полку“.

Проектъ сталъ скромнымъ, очень малымъ, онъ предлагаетъ много и не требуетъ почти ничего. Такимъ образомъ, предполагаютъ, что онъ восторжествуетъ. Однако-же, въ значеніи его не ошибутся; это только начало. Не замедлятъ появиться критическія замѣчанія. Онѣ уже формулированы. Особенно возстанутъ противъ привиллегіи, данной труду, способности. Еще болѣе сильно будутъ возставать противъ способа свидѣтельствованія, переданнаго въ руки комиссій изъ офицеровъ.

Всякими способами докажутъ непрактичность его. Проектъ покоится на полномъ смѣшеніи данныхъ, добытыхъ опытомъ.

Онъ очень ученый, даже, можетъ быть, слишкомъ ученый; тамъ говорится постоянно о подготовительномъ военномъ *образованіи* (l'éducation). Подъ этимъ нужно разумѣть подготовительное военное *обученіе*

(l'instruction), что не одно и тоже. Путаница здѣсь умышленная или случайная; результатъ остается одинъ и тотъ-же и онъ будетъ почти равенъ нулю.

Арміи, конечно, было бы выгодно получить людей подготовленныхъ, пріученныхъ гимнастикой къ физическимъ упражненіямъ, сроднившихся съ ружьемъ благодаря обществамъ стрѣльбы. Однако они явятся съ обученіемъ зачаточнымъ, неполнымъ, неодинаковымъ, во многихъ отношеніяхъ ошибочнымъ. Окажется необходимымъ его исправить, дополнить. Его придется провести сначала почти въ полномъ объемѣ; между тѣмъ отъ этого закона получится выгода только для нѣкоторыхъ лицъ, безъ созданія опредѣленныхъ правилъ для освобожденія.

Эти люди ничего не пріобрѣтутъ въ смыслѣ физической выносливости привычки и дисциплины военнаго образованія моральной части военнаго ремесла.

Военное образованіе, вовсе не пріобрѣтенное, необходимо будетъ дать въ полномъ объемѣ. Нельзя дать его внѣ полка такъ сказать внѣ дисциплины. Пробовали дать его несчастнымъ опытомъ школьныхъ батальоновъ. Они существовали слишкомъ долго, не произвели ничего хорошаго, и во многихъ обстоятельствахъ отдали молодежь на призволъ судьбы.

Новый проектъ оставилъ въ сторонѣ эту часть военной подготовки и вполнѣ основательно онъ понялъ опасность военнаго образованія при отсутствіи дисциплины и остановился на обученіи или подготовительномъ механизмѣ военнаго ремесла.

Онъ не занимается вовсе моральнымъ образованіемъ, которое недостаточно распространено часто даже не предлагается молодежи. Ей указываютъ ея права, но мало говорятъ объ обязанностяхъ. Это сдѣлало нѣкогда учредительное собраніе своей знаменитой деклараціей правъ человѣка. Оно упустило изъ виду издать вслѣдъ за тѣмъ декларацію обязанностей, не менѣе существенную.

По ошибкѣ слѣдуютъ его примѣру въ патріотическомъ образованіи, очень недостаточно даваемомъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ однакоже было начало подготовительнаго военнаго образованія. Нѣсколько уроковъ о дисциплинарныхъ обязанностяхъ а также и о гражданскихъ обязанностяхъ которыя надлежитъ выполнить молодымъ людямъ были

бы полезнѣе рѣчей объ ихъ избирательныхъ правахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это и дѣлаютъ; впрочемъ очень рѣдко. Вообще не стараются обуздать все возрастающій духъ независимости Иногда даже его возбуждаютъ и это именно противно подготовкѣ къ военной жизни.

Вездѣ однако встрѣчаются серьезныя препятствія, не считая возраженій финансовыхъ. Никто еще не рѣшался указать на необходимые расходы вызываемые подготовительнымъ военнымъ обученіемъ. Приверженцы его кажется говорятъ: ничего, мы заплатимъ. Постоянно одна и таже система; плутократія не имѣетъ другого разсужденія и оно не убѣдитъ.

Оно не убѣдило также и военную комиссію, которая, между тѣмъ, принимаетъ довольно охотно дурныя мѣры, послѣдствій которыхъ она не видитъ. Она долго изучала вопросъ о военной подготовкѣ молодежи. Она разсуждала о примененіи ст. 85 закона 1889 года. Отступая, безъ сомнѣнья, передъ невозможностью, она ничего не рѣшила. Положеніе вещей остается тоже самое, а это есть отрицательный результатъ ея изслѣдованій.

XXX.

Предложеніе уменьшенія продолжительности службы.

Въ началѣ этой работы показаны послѣдовательныя преобразованія воинской повинности, для созданія прекрасной арміи, такой надежной, какой мы ее знаемъ. Это былъ восходящій періодъ. Послѣ стольких измѣненій и улучшеній, послѣ принятія обязательной военной службы и вотированія законовъ 1872 и 1889 годовъ, нужно было думать, что законы, касающіеся военныхъ учрежденій, окажутся отнынѣ прочно установленными, а освященный основной принципъ — непоколебимымъ.

Срокъ службы, опредѣленный въ три года, былъ пониженъ до предѣла возможности, имѣя въ виду ежегодный контингентъ и необходимость содержать достаточно войскъ. Можно было думать, что періодъ перемѣнъ окончился и что оставалось только продолжать работу, отдѣлывая столь трудолюбиво созданный военный организмъ.

Но этого не случилось. Искатели ссоры, партизаны безпорядка, принялись разрушать едва воздвигнутое зданіе, начались безчисленныя придирки и начали оспаривать са-

мый принципъ обязательной службы, называя его стѣснительнымъ, несправедливымъ, антилиберальнымъ и пр.

Соціальныя теоріи завладѣли военнымъ вопросомъ и видоизмѣнили его. Многіе умы, надо это повторить, были соблазнены приманкой уничтоженія военной службы, противоставляемой ложной суровости военной жизни. Этимъ было причинено огромное зло.

Въ дѣйствительности, существуетъ непріятное чувство, происходящее отъ дурныхъ положеній военныхъ законовъ. Не всегда это есть дѣло каприза или оппозиціи. Оно происходитъ отъ страданій, непріятностей ущерба семейнымъ интересамъ, объясняя жалобы, отчасти основательныя.

Эти жалобы не представляютъ явленія, присущаго лишь Франціи; онѣ проявляются повсюду, еще съ большей рѣзкостью. Тѣ-же самыя симптомы имѣются въ Германіи, гдѣ примѣненіе закона о воинской повинности болѣе мягко и снисходительно.

Рекруты зачисляются въ полкъ, самый близкій къ ихъ мѣсту жительства; они оказываются собранными по общинамъ и уѣздамъ (districts), въ одной той-же ротѣ или баталіонѣ; имъ разрѣшались частые кратковременные отпуски. Такимъ образомъ, сношенія съ семействами не прерываются, такъ какъ перемѣщенія никогда не бываютъ большія. Но тѣмъ не менѣе жалуются; власти не принимаютъ этого въ расчетъ. Онѣ видятъ только существенную цѣль,—хорошую и крѣпкую армію. Все исчезаетъ передъ этимъ соображеніемъ.

Стараются уменьшить число людей необученныхъ. Отсюда обремененіе для населенія, болѣе значительное, чѣмъ служба, и повинность, болѣе тяжелая, чѣмъ налогъ. Когда предѣлъ сбора достигнутъ, не возможно болѣе продолжать увеличеніе числа призываемыхъ безъ превышенія средствъ страны. Слѣдовало бы принять одинъ только возможный способъ уменьшенія времени пребыванія подъ знаменами, попробовать двухгодичный срокъ службы, не какъ нѣчто хорошее, конечно, но какъ рѣшеніе вынужденное необходимостью дать всѣмъ военное обученіе.

Уменьшеніе срока службы терпятъ въ Германіи, для нѣкоторой части арміи, но его приняли безъ удовольствія, по крайней мѣрѣ, правительство.

Во Франціи разсуждали обратно

для того чтобы достигнуть того же результата. У насъ любятъ утверждать что поздній наборъ призываемыхъ, освобожденіе до срока, часто даваемые отпуски, для жатвы и сбора винограда, привело бы, въ дѣйствительности къ двухлѣтнему сроку службы. Офиціальный органъ утверждаетъ, что многіе отвѣтили: Это именно, то что мы желаемъ.

Не было недостатка въ средствахъ, чтобы установить его распоряженіемъ закона. Предлагали сохранить установленную закономъ норму—три года, освобождая, условно, людей по истеченіи второго года.

Совѣтовали принять семестровый порядокъ и увольнять въ шестимѣсячный отпускъ послѣ перваго года и въ такой—же по истеченіи втораго года. Подъ предлогомъ, что суровость зимы не позволяетъ войскамъ обучаться, можно было бы распускать на четыре или пять мѣсяцевъ каждый годъ.

Еще придумали—для того, чтобы имѣть людей болѣе пожилыхъ, срокъ зачисленія въ войска призывныхъ перенести на 1-е апрѣля года, слѣдующаго за жеребьевкой и увольнять ихъ за шесть мѣсяцевъ до истеченія трехъ лѣтъ, вслѣдствіе чего вышло бы только два года службы.

Предлагали еще другую комбинацію, устанавливая въ войскахъ одинъ періодъ усиленной дѣйствительной службы съ 1-го апрѣля по 30 сентября каждаго года и второй періодъ сокращенной дѣйствительной службы почти никакой, съ 1-го октября по 31 марта. Такимъ образомъ расчитывали получить всего только 18 мѣсяцевъ службы, въ три періода, по шесть мѣсяцевъ каждый.

Когда нѣмцы сдѣлали опытъ двухгодичной службы, во Франціи поспѣшили указать на этотъ примѣръ, какъ на формальное доказательство пригодности ея, не замѣчая, что онъ основывается на совершенно другихъ принципахъ. По ту сторону Рейна двухгодичная служба введена для того, чтобы увеличить число обучаемыхъ и состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ арміи, тогда какъ по эту сторону старались уменьшить и то и другое. Это не имѣло никакого значенія для противниковъ арміи; они усмотрѣли возможность повредить намъ и побуждали къ подражанію нѣмцамъ.

Генеральный совѣтъ, между прочимъ, требовалъ, чтобы срокъ во-

енной службы былъ уменьшенъ до двухъ лѣтъ, съ приведеніемъ въ дѣйствіе статьи 85 закона 1889 года (подготовительное обученіе). Онъ не представилъ основаній для поддержанія его и его желаніе кажется необоснованнымъ, ибо условіе исполненія не будетъ долго выполнено.

Другіе, болѣе быстрые, старались сократить обязательную службу, отнимая отъ нея нѣкоторыя части, чтобы, такимъ образомъ, уменьшить продолжительность ея.

Различные генеральные совѣты выражаютъ мнѣніе въ пользу массовыхъ увольненій, общихъ отсрочекъ призыва резервистовъ и территоріальныхъ войскъ. Приводятъ различные мотивы: наводненія, ранніе морозы, жатва, сборъ винограда. Многіе не выставляютъ никакихъ основаній.

Къ концу 1896 года три соціалистскіе депутата внесли въ палату (bureau de la Chambre) проектъ, выражающій болѣе радикально всѣ эти мнѣнія. Они просто требуютъ „отмѣны статьи 49 закона 15 іюля 1889 года о воинской повинности“, т. е. уничтоженія ежегодныхъ учебныхъ сборовъ, въ 28 и 13 дней, не признавая, такимъ образомъ, необходимости имѣть обученыхъ резервистовъ.

Виновники проекта не остановились на этомъ. Если, говорятъ, Германія опередила насъ двухгодичной службой, мы опередимъ ее, въ свою очередь, службою въ одинъ годъ. Этотъ жалкій аргументъ увлекъ многихъ.

Данный толчекъ очень трудно остановить, особенно, когда дѣло идетъ только о теоріи. Утверждали, что если одного года достаточно, чтобы научить треть контингента (2-ю часть), то также безполезно держать болѣе двѣ другія трети и удерживать мѣру, несправедливую и излишнюю.

Эти независимые ораторы знаютъ, однакоже, что если возможно имѣть треть солдатъ, не вполнѣ обученныхъ, которыхъ увлекутъ, въ случай войны, двѣ другія трети вполнѣ образованныхъ, то было бы неблагоразумно имѣть людей едва только обученныхъ, изъ которыхъ ни одинъ не могъ бы увлечь и не былъ бы увлеченъ другими.

Требованія сокращенія военной службы, нападки на армію безчисленны. Рядомъ съ ними встрѣчаются предложенія, по виду противоположныя, но стремящіяся къ тому отдѣленіе (esconade) пѣхоты, во-

же результату или, по крайней мѣрѣ, облегчающія достиженіе его.

Нѣкоторыя лица, преслѣдующія идею противоположную идеѣ соціалистовъ, добивались усиленія профессіональныхъ солдатъ. Они повторяли, какъ истину, подтвержденную вѣками, что небольшое количество солдатъ, смѣлыхъ и привыкшихъ къ войнѣ, всегда справлялось съ вооруженными толпами. Они говорили объ Александрѣ и Даріи, о солдатахъ первой имперіи и т. п., не замѣчая, что условія соціальныя, физическія и военныя измѣнились такъ сильно, что прежніе пріемы болѣе неприложимы.

Ввиду особенной надежности орудій боя, они предлагали ввести въ армію значительное число старыхъ солдатъ, которыхъ можно окружить слегка обученнымъ контингентомъ.

Они требуютъ и разрѣшенія солдатамъ оставаться на службѣ до 15 лѣтъ. Они хотѣли бы устроить въ полкахъ родъ горсти ветерановъ, назначенныхъ для того, чтобы обучить, образовать, увлечь и поддержать молодыхъ. Полагаютъ необходимымъ имѣть 120,000 человѣкъ сверхсрочнослужащихъ. Если бы они оказались на лицо, то оказалось бы по нѣсколько человѣкъ, разбросанныхъ по самымъ маленькимъ единицамъ по два на семь на взводъ кавалеріи и пр. Вліяніе ихъ, такимъ образомъ, было бы очень слабо.

Было произнесено слово резервъ, которое не могло быть приложимо къ подобному распредѣленію. Если бы ихъ сгруппировали въ армейскихъ корпусахъ къ моменту войны, они образовали бы спеціальную группу по 5000—6000 человѣкъ, могущихъ представлять изъ себя резервъ. Но кто жедалъ бы имѣть подобное импровизированное собраніе? Никто. Во всякомъ случаѣ, соединеніе ихъ мѣшало бы имъ оказывать вліяніе на молодыхъ солдатъ, какъ разсчитывали получить это въ началѣ.

Будучи дурнымъ въ смыслѣ организаціи, этотъ способъ очень дорогой. Хорошо было бы указать цифру расхода, но ее не опредѣлили, очевидно, отступая передъ громадностью суммы.

Удалось ли бы, даже цѣной огромныхъ жертвъ, найти это количество волонтеровъ? Отвѣтъ даетъ колоніальная армія, которая съ такимъ трудомъ пополняется этимъ способомъ.

Безполезно искать уроковъ въ прошедшемъ. Тогда выбирались люди безъ большихъ потребностей

легко подчиняющіеся дисциплинѣ, служащіе добросовѣстно и не честолюбивые. Теперь развился неврозъ, мозгъ болѣе утонченный имѣетъ очень разнообразные вкусы; нервы болѣе впечатлительные, ярмо тяготитъ.

Старые солдаты были бы плохого качества, непріятнымъ примѣромъ для молодыхъ, которыхъ они эксплоатировали-бы, и они оказались-бы слишкомъ осторожными въ кампаніи, обратно тому, что утверждаютъ.

Въ колоніальную армію принимаютъ сверхсрочныхъ, привлекаемыхъ любовью къ приключеніямъ, жизнью довольно свободной въ мелочахъ, перспективой движенія впередъ, быть можетъ, землями послѣ увольненія, если рѣшились бы серьезно примѣнить старый способъ римлянъ колонизовать старыми солдатами.

Ясно, что безъ этихъ приманокъ, не смотря на премію и большое жалованье, не нашлось бы достаточнаго количества согласныхъ нести гарнизонную службу во Франціи въ продолженіи 15 лѣтъ.

Эти разсужденія не остановили составителей проекта закона. Приведемъ еще одинъ, довольно курьезный и ведущій насъ далеко назадъ.

Для того чтобы обезпечить нѣкоторые роды службы, именно службу въ колоніяхъ, одинъ совѣтникъ городского управленія въ Руанѣ (un conseiller à la Cour de Rouen) предлагаетъ зачислять въ армію всѣхъ работниковъ безъ работы, нищихъ и бродягъ, которые бродятъ по улицамъ или прозабаютъ въ тюрьмахъ. Онъ признаетъ значительный расходъ, происходящій отъ уплаты премій за пріемъ, но прибавляетъ: „Платить такъ пла„тить,—въ тысячу разъ лучше дѣ„лать это для того, чтобы имѣть „необходимое число солдатъ, чѣмъ „для того, чтобы содержать празд„ныхъ арестантовъ“.

Это другая форма теоріи, принятой палатой. Мы не пошли получать сами, мы заплатили другимъ людямъ, чтобы они пошли.

Отъ новаго предложенія была бы еще бо́льшая опасность. Удивительно видѣть людей, выставляющихъ себя консерваторами, поддерживающими все доброе и честное, и не придающихъ никакого значенія для арміи чувствамъ честности, патріотизма и долга. Магистратъ г. Руана требуетъ для арміи поддонки населенія, какъ нѣкогда Месена, какъ

въ болѣе недавнее время военный министръ С.-Жерменъ.

Эти люди не знаютъ не только арміи, они не знаютъ человѣческой природы. Нѣсколько дурныхъ людей, разсѣянныхъ въ рядахъ арміи сдерживаемыхъ добрыми подданными, не причиняютъ слишкомъ много зла и ихъ легко исправить. Войско, цѣликомъ плохо составленное, безъ сомнѣнія, способно нанести сильный ударъ при особыхъ обстоятельствахъ. Обыкновенно, оно будетъ скверное, если не опасное, и населеніе откажется отъ сосѣдства съ нимъ.

Странно, что предлагаютъ оправданіе этихъ идей мотивами удивительными для нашей цивилизаціи:

„Это значитъ, что профессія во„енная, отвѣчая потребности со„ціальной и политической, даетъ „равнымъ образомъ, удовлетворе„ніе личнымъ нуждамъ. Есть лю„ди неспособные заботиться о се„бѣ; они не заботятся о завтраш„немъ днѣ, не понимаютъ семей„ной жизни и находятъ удовольствіе только въ бродячемъ или „полномъ приключеній существо„ваніи. Эти люди рождены, чтобы „повиноваться, чтобы быть и жить „солдатами; внѣ арміи это элемен„ты силы безполезной и отчасти „опасной для общества; колоніаль„ная армія, кажется, создана имен„но для того, чтобы дать имъ цѣ„ну“.

„Очевидно, нужно будетъ сдѣлать „выборъ между элементами, кото„рыми приходится пользоваться, „быть можетъ, установить катего„ріи, которыя будутъ соотвѣтство„вать, напримѣръ, составу полковъ „зуавовъ и легіона, оставляя, совер„шенно понятно, воровъ и пр... для „баталіоновъ легкой пѣхоты. Но „если этотъ способъ пополненія „примѣнять умно, то большая часть „бродягъ и нищихъ, которые теря„ютъ лучшіе свои годы, слоняясь „по дорогамъ и прозябая въ тюрь„махъ, поймутъ что они могутъ, „согласно своимъ вкусамъ, сдѣлать „свое существованіе болѣе достой„нымъ и счастливымъ.“

Этотъ пріятный утопистъ не останавливается передъ примѣненіемъ наборъ силою, по суду не страшитъ его. Онъ высказывается за него, какъ нѣкогда за галеры не заботясь о томъ, что это превратило бы армію или часть арміи въ особый родъ острога.

Затѣмъ онъ расчитываетъ на офицеровъ чтобы исправить этотъ

сброд; средство уже нѣкогда указанное.

Начальники съумѣютъ развить въ „нихъ духъ чести заставить ихъ „понять важность службы отечеству „и возвысить въ нихъ мнѣніе о „самихъ себѣ."

Много разъ пробовали дѣлать это, и всегда безъ успѣха. На чемъ основываются, предполагая что будетъ иначе съ людьми все болѣе и болѣе нравственно испорченными? Ни на чемъ. Мечтаютъ и пишутъ, вѣроятно, для забавы простецовъ.

Также говорили о правѣ зачисляться въ колоніальную армію. Если бы сдѣлали ошибку принять его, это было бы шагомъ, по крайней мѣрѣ къ уничтоженію постоянной арміи. „Вотъ привилегія кричали бы снова; обобщимъ ее чтобы уничтожить, примѣнимъ ее ко всѣмъ. Всякій обученный человѣкъ получитъ право зачисленія въ постоянную армію (disponililit'e de l'armée de terre) гдѣ онъ будетъ готовъ отвѣтить на всякій призывъ.

Тогда армія погибнетъ.

Съ какой стороны ни разсматривать ихъ, эти предложенія укрѣпленія арміи старыми сверхсрочными сводятся одинаково къ уменьшенію срока службы для призывныхъ. Если бы эти проекты имѣли бы шансы пройти, то результатъ ихъ принятія имѣлъ бы дѣйствіе противное намѣренію ихъ авторовъ предполагая даже, что мѣра была хороша по существу.

Умѣренные оказываютъ безсознательно помощь передовымъ. Это часто бываетъ, Это характерно въ наше время и заслуживаетъ того, чтобы обратить на это вниманіе.

Совсѣмъ недавно, одинъ почтенный журналъ открылъ походъ за сокращеніе службы статью: „Годичный срокъ злужбы или раззореніе." Какъ доводъ, онъ приводилъ льготу, данную молодымъ людямъ, живущимъ за границей и прибавлялъ такъ какъ даютъ ее однимъ, нужно дать ее и другимъ. Постоянное стремленіе къ одному уровню. Постоянно одинъ и тотъ же пріемъ: просить, какъ необходимаго облегченія, освобожденія для одной категоріи лицъ. Получивъ, кричатъ о привилегіи и требуютъ ее для всѣхъ. Такимъ образомъ ведется искусная игра.

Филантропы и ихъ глава, Жюль Симонъ, вели энергическую кампанію въ пользу годичнаго срока службы. Всѣ лиги и конгрессы мира дѣйствовали въ полномъ согласіи, поддерживали старый тезисъ братства народовъ, осуждая войну

и требуя разоруженія. Въ концѣ концовъ, они хотятъ уничтоженія арміи и возстановленія національной гвардіи, которую называли милиціей.

Соціалисты, анархисты, коммунисты и пр. тотчасъ же согласились съ этими мечтами идеологовъ и они приводятъ ихъ въ дѣло

19 декабря 1896 года одинъ соціалистъ представилъ палатѣ депутатовъ предложеніе слѣдующаго содержанія:

„Палата депутатовъ приглашаетъ „правительство французской республики созвать конференцію всѣхъ „націй, для того, чтобы приступить „къ общему разоруженію, прогрессивно проводимому, такимъ образомъ, чтобы силы каждой націи „оставались однѣ и тѣже".

Требуемая крайняя мѣра была отвергнута 490 голосами противъ 35. Это временное осужденіе этого проекта. Однако, дѣло не было рѣшено окончательно. Оно предстанетъ еще вновь,—въ этомъ нельзя сомнѣваться.

Злоупотребляютъ словами и даже идеями. Разоруженіе, говорятъ, направляло бы къ миру. Все указываетъ на противоположное и я показалъ это въ другой работѣ („Химера разоруженія"). Это только первая фаза для того, чтобы осуществить уничтоженіе арміи. Предлагаютъ просто отнять все, что ее составляетъ, извлечь изъ нея всѣ ея хорошіе элементы и подставить туда одну внѣшность, милицію, стоящую еще менѣе, чѣмъ національная гвардія.

Невозможно ошибаться на счетъ этого, такъ какъ лиги мира объяснили это въ своихъ статьяхъ и собраніяхъ. Лишь только конгрессы соціалистовъ могли собраться, они провозгласили пароль: „Долой армію! Милиція!"

Такова была цѣль, формулированная въ первый разъ на международномъ конгрессѣ соціалистовъ въ Галлѣ (Hall), въ октябрѣ 1890 года.

Международный конгрессъ соціалистовъ въ Брюсселѣ, въ августѣ 1891 года, высказался въ томъ же смыслѣ. Репортеры Франціи и Германіи сообщили, что собраніе энергически высказалось противъ милитаризма.

Начиная съ этого момента, ежегодные конгрессы высказывались въ томъ же смыслѣ, повторяли тотъ же самый пароль: „Долой армію!"

Странное дѣло: анархисты требуютъ этого, кричатъ объ этомъ; умѣренные идутъ къ той-же цѣли,

думая, что они борятся противъ нея.

XXXI.

Предложенія уничтоженія постоянной арміи.

Я вкратцѣ набросалъ пункты декадентскихъ предложеній, движеніе, касающееся идей рекрутскаго набора. И хотя ему противоставляются прекрасныя, преграды оно, всетаки, продолжаетъ свой ходъ; въ нѣсколько лѣтъ оно прошло большой путь.

Но сопротивленіе не должно прекращаться; напротивъ, нужно удвоить его и, рискуя повторять одно и тоже, полезно, необходимо продолжать бороться всѣми средствами, для поддержанія арміи, чести и блага отечества.

Всѣ партіи волнуются и соперничаютъ въ предложеніи системъ, ведущихъ къ уничтоженію постоянныхъ войскъ. Нѣкоторые слѣпцы, тщетно ища, чѣмъ замѣнить ихъ, не приходятъ ни къ какому результату. Параллельно работаютъ два лагеря: одинъ, зная, куда онъ идетъ другой,—не зная этого. По существу въ духѣ соціалистической партіи, уничтоженіе арміи—догматъ. Что бы оправдать его, въ изобиліи пропагандируются всѣ старыя гуманитарныя теоріи, заново составленныя.

Идеи анархистовъ, желающихъ руководить политикой, породили понятія новыя и странныя. Дошло до того, что связываютъ постоянныя арміи съ существованіемъ монархій, а уничтоженіе ихъ отождествляютъ съ республикой. Не было недостатка въ смѣлости при смѣшеніи военныхъ установленій съ формами правительства. Указывали на Швейцарію и Соединенные Штаты, которые не имѣютъ постоянной арміи, не замѣчая, что исключительное положеніе мало благопріятно для доказательства.

Съ другой стороны, утверждаютъ, что постоянныя арміи, по своему могущественному іерархическому устройству лучше приспособляются къ личному режиму, что онѣ составляютъ ему вѣрную и преданную поддержку, не соглашаются на революціи, пронунціаменто.

Исторія осуждаетъ это утвержденіе. Въ 1848 году революція достигла воротъ Вѣны и Берлина, несмотря на очень дисциплинированныя постоянныя арміи.

Испанія всегда имѣла постоянную армію, а монархія часто была въ опасности, иногда разрушалась.

Во Франціи постоянная армія не предохранила отъ паденія ни монархію, ни Имперію.

Она не причинила никакой опасности республикѣ, которой она преданно служила въ продолженіи двадцати шести лѣтъ.

Другія конституціонныя страны какъ, напримѣръ, Англія, Бельгія, Италія и др., имѣющія республиканскую форму съ монархическими учрежденіями, не жалуются на свои постоянныя арміи, уничтоженіе которыхъ не измѣнило бы существенно ихъ систему управленія.

Истина заключается въ томъ, что постоянная армія составляетъ учрежденіе національной обороны. Чуждая, по существу, политики, она не вмѣшивается въ нее, и организація, которую нравиться странѣ принять для себя, ей совершенно безразлична. Она повинуется правительству, какое бы оно ни было. Она доказала это много разъ; честь ея въ томъ, чтобы никогда не возставать противъ воли націи.

Нѣмецкіе соціалисты, кажется, думаютъ противное. По ихъ мнѣнію, нынѣшняя постоянная армія составляетъ препятствія прогрессу либеральнаго дѣла, къ которому они призываютъ. Они боятся духа повиновенія и вѣрности войскъ, какъ препятствія или по крайней мѣрѣ, большаго замедленія осуществленія ихъ плановъ. По этому они логически требуютъ уничтоженія этого учрежденія.

Именно это провозласилъ конгрессъ въ Галлѣ (de Hall) въ 1890 году. Одинъ изъ главныхъ ораторовъ сказалъ: „Добьемся уничто„женія постоянныхъ армій и въ „теченіи двадцати лѣтъ не будетъ „болѣе ни одной монархіи въ Ев„ропѣ“.

Вотъ признанная цѣль; имѣется и другая, о которой еще не говорятъ. Преобразованіе формы правленія—это второстепенная цѣль; нѣкоторые желали бы особенно соціальнаго преобразованія. Съ этой точки зрѣнія всѣ реформаторы (revendirateurs), соціалисты, анархисты, коммунисты, коллективисты—смотрятъ на постоянныя арміи, какъ на помѣху разцвѣту ихъ теорій, какъ на препятствіе осуществленію ихъ мечты.

Независимо отъ формы правленія, армія представляетъ лучшую и почти единственную гарантію правъ всѣхъ. Она покровительствуетъ всѣмъ почтеннымъ интересамъ. Она служитъ преградой противъ возстаній, массоваго насилія, какъ жандармерія является преградой

противъ насилія единоличнаго. Всѣ возмутители, жестокіе преобразователи ненавидятъ армію, какъ преступники ненавидятъ жандармерію.

Число соціалистовъ растетъ. Если различные школы (sectes) не всегда находятся между собой въ согласіи относительно учрежденій, которыя нужно создать, они довольно хорошо понимаютъ другъ друга относительно учрежденій, которыя предполагаютъ разрушить главы движенія; чувствуютъ отвращеніе къ медленнымъ средствамъ спора. Они стараются дойти быстро, не отступая передъ дѣйствіями самыми рѣшительными.

Новый міръ въ работѣ и намѣренъ быстро преобразовать древній міръ. Этотъ сопротивляется поглощенію и защищается. Постоянная армія держится въ сторонѣ отъ этого конфликта; она противодѣйствуетъ только употребленію мѣръ преступныхъ и противозаконныхъ. Это отлично знаютъ и, для того, чтобы получить открытое поле, передовые люди или декаденты стараются уничтожить ее. „Освободимся отъ того, что насъ стѣсняетъ“. Таковъ установленный афоризмъ.

Однако, никто не опирается на ту нить общественнаго охраненія, съ которой связано большинство націи. Стараются обольстить массу разсужденіями гуманитарной философіи. Война уже болѣе не тотъ неизбѣжный толчекъ, волнующій и перемѣшивающій націи, разрушающій, чтобы созидать, причиняющій временное зло и, позднѣе, доставляющій прочное благо.

Нѣтъ, въ ней видятъ только злоупотребленіе силой, причемъ каждый ищетъ господства надъ другими, чтобы, такимъ образомъ, извлечь изъ этого выгоду. Они приписываютъ зло національзму и на этомъ основаніи осуждаютъ точно также и его.

Съ точки зрѣнія гуманитарной видятъ только людей и провозглашаютъ совершенно отвлеченный догматъ братства и мира.

Исходя стсюда, они утверждаютъ, что такъ какъ народы созданія искусственныя, границы простыхъ фикцій, которыя надо уничтожить, то постоянныя арміи становятся чудовищами, представляющими послѣдній слѣдъ эпохъ варварства, феодальныхъ учрежденій.

Всѣ рѣчи, всѣ декларацін конгресса въ Галлѣ, въ октябрѣ 1890 года, пропитаны этимъ духомъ. Родившись во Франціи, онъ распространился за границы ея и оказы-

вается теперь всюду, въ большемъ или меньшемъ развитіи.

Быстрота сообщеній, частыя сношенія уменьшили значеніе границъ. Дѣйствуютъ почти такъ, какъ будто ихъ не было. Идеи проникли во всѣ расы и общіе интересы или аппетиты соединили соціалистовъ всѣхъ странъ въ огромный синдикатъ, который привлекаетъ союзниковъ во всѣхъ странахъ. Не признавая ни семьи, ни собственности, они не признаютъ націй, общій очагъ людей однихъ и тѣхъ-же обычаевъ, одного языка. Стараясь видѣть вселенную, они не видятъ болѣе отечества.

Какой странный тезисъ поддерживаютъ эти умные люди. Ни одинъ изъ нихъ не отрицаетъ обязанности защищать свою семью, свою собственность, честь, свои права. Ни одинъ изъ нихъ не упустилъ-бы сдѣлать это при случаѣ, но по нелогическому противовѣчію, они отрицаютъ этотъ долгъ, когда дѣло идетъ о великой національной семьѣ, когда основанія совершенно тѣже самыя въ большой, какъ и въ малой.

Заблужденіе не могло идти далѣе. Великій философъ Жюль Симонъ, недавно умершій, поддерживая антимилитарныя идеи, могъ однако оставаться патріотомъ. Онъ написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки, которыя слѣдовало бы повсюду распространить.

„Каковы бы ни были огорченія „внутри, нужно защищать, нужно „спасти отечество; это первый долгъ. „Нѣтъ болѣе дорогого дѣла. Разъ „потеряно отечество, ничего болѣе „не остается. Всѣ права погибаютъ вмѣстѣ съ нимъ. Интерна„ціонализмъ, космополитизмъ,— слова варваровъ, доктрины ничтоже„ства. Сердце не можетъ любить, „если приходится любить слишкомъ „высоко, слишкомъ далеко.“

Превосходная рѣчь находится въ противорѣчіи съ самимъ авторомъ въ его усиліяхъ противъ арміи, обязанной защищать отечество и права, столь выхваляемыя съ другой стороны. Нѣтъ арміи—нѣтъ отечества,—такова была бы логическая послѣдовательность.

Примѣръ Жюля Симона не единственный. Полемика представляетъ много ненормальностей въ этомъ родѣ. Одно и тоже перо увлекается то защитой учрежденія, то нападками на него.

Поддерживая гуманитарное дѣло, встрѣтились съ войной, и были принуждены ее отвергнуть. Показывали ея излишества, ужасы, раз-

зоренія, несчастія. Вызывали тѣнь ея, чтобы распространить страхъ и ужасъ. Это—часть драматическая.

Въ философскомъ разсужденіи любятъ провозглашать пустыя аксіомы.

Всякое обращеніе къ силѣ постыдно и преступно.

Призывъ къ силѣ—это доказательство безсилія.

Рука бьетъ, когда умъ имѣетъ мало доказательствъ.

Торжество разума—это истинное назначеніе человѣка. Чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ варварства, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ отвращеніе къ кровавымъ битвамъ.

Нужно остерегаться восхвалять войну, говорить о ея благодѣяніяхъ; быть можетъ, когда-нибудь покраснѣютъ отъ того, что это такъ долго дѣлали.

Можно было бы продолжать еще далѣе; этихъ цитатъ достаточно, чтобы дать понятіе о соціалистическомъ духѣ. Заключеніе естественно состоитъ въ уничтоженіи арміи; оно выходитъ само собою. Между тѣмъ, какъ аргументъ въ пользу милиціи, приводятъ необходимость войны, какъ можно судить объ этомъ по любопытной страницѣ, приведенной ниже:

„Анархистъ не отказался бы отъ „военной службы, если бы вмѣсто „того, чтобы вертѣть напрасно въ „рукахъ ружье на поляхъ маневровъ „въ теченіи трехъ лѣтъ, онъ по„свящалъ бы свою молодость на „благо людямъ въ равнинахъ Аме„рики, на американскихъ плато, „въ степяхъ и лѣсахъ всѣхъ странъ, „для того, чтобы раскрыть нѣдра „земли и посѣять тамъ хлѣбъ.

„Милліоны юношей, которые при„ходятъ въ отчаяніе отъ курсовъ „убійства, были бы довольны, обра„батывая дѣвственныя почвы, что„бы увеличивать жизнь.“

Но арміи всегда были колонизаторами, тогда какъ анархисты возстаютъ противъ всякаго колоніальнаго расширенія. Какова логика!

Непослѣдовательность въ поступкахъ такова-же, какъ и въ аргументаціи. Никогда, можетъ быть, не видѣли такой высокой степени страсти къ формѣ, любви и плюмажу. По мѣрѣ того, какъ чувствуютъ отвращеніе къ военному ремеслу, начинаютъ болѣе гордиться султаномъ. Страшное противорѣчіе; хотятъ имѣть военный видъ, порицая милитаризмъ; хотя обыкновенно не пачкаютъ того платья, въ которое думаютъ наряжаться. Форма, преимущества нравятся; высказываютъ отвращеніе къ сущно-

сти; противятся выполненію обязанностей, не намѣрены подчиняться ихъ требованіямъ.

Требуютъ все болѣе и болѣе распространяющагося права одѣвать форму на всякую общественную или частную церемонію, присутствовать на смотрахъ, принимать участіе въ декораціяхъ; затѣмъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы идти въ казарму — этому противятся, сердятся на это; чтобы извинить себя, говорятъ объ этомъ дурно.

Прежде, до XVIII-го вѣка, включительно, однѣ правительства интересовались войной. Народы принимали въ ней участіе, единственно, какъ орудія, вынужденныя и насильно привлеченныя. Теперь порядокъ вещей измѣнился. Націи рѣшаютъ по своему; онѣ вполнѣ принимаютъ участіе въ войнѣ и не смотрятъ болѣе на нее тѣми-же глазами, какъ въ эпоху, когда они просто доставляли контингенты.

Массы людей, бросаемые одни на другихъ, даютъ другой родъ войны, принимающей неслыханную напряженность и всеобщность и почти парализующей жизнь промышленную, торговую, сельскохозяйственную, научную, литературную и пр..., поглощая ее въ одномъ только дѣлѣ борьбы за существованіе націи.

Это удивительно. Однако, должны были бы этого ожидать, но люди очень забывчивы. Они не помнятъ достаточно уроковъ прошедшаго и особенно войны 1870—71 годовъ.

Теперь послѣдствія были бы еще болѣе серьезны. Огромное развитіе производительности и торговаго обмѣна въ продолженіи вотъ уже 25 лѣтъ, остановленное внезапно войной, причинило бы большой вредъ и массамъ работниковъ, и ихъ патронамъ. Мысль о могущей произойти войнѣ, причиняетъ во всѣхъ странахъ общую боязнь. Какъ избѣжать ее? Будучи сильно, очень сильно вооруженнымъ.

Однако, чѣмъ сильнѣе идутъ приготовленія, тѣмъ больше растетъ безпокойство. Этотъ ужасъ, конечно, есть одна изъ причинъ мира во Франціи, какъ и повсюду. Если вооруженіе представляетъ прочную гарантію, — желательно его удержать. Если-бы уничтожить его, то это привело бы къ войнѣ, къ неувѣренности страны, которая не была бы подготовлена.

Эта элементарная истина, очевидно, неизвѣстна. Предполагаютъ уничтожить войну. Обращаются къ

наукѣ, которая поставила, но не разрѣшила слѣдующія двѣ теоремы: „Двѣ силы воюютъ противъ войны— „соціализмъ и наука". „Успѣхи въ „искусствѣ разрушать—сами сдѣ„лаютъ войну невозможной".

До сихъ поръ наука болѣе помогала войнѣ, чѣмъ способствовала тому, чтобы помѣшать ей. Достигнутые успѣхи измѣняютъ борьбу, увеличиваютъ ее, и не уничтожаютъ.

Существуетъ дѣйствительное противорѣчіе между мирными рѣчами профессоровъ и продолжающимися военными дѣйствіями.

Позитивисты считаютъ войну необходимостью, назначенною существовать еще долго, если не всегда. Утописты, объявляя ее чудовищемъ, предполагаютъ ее уничтожить. Если бы люди могли издать указъ объ уничтоженіи войны, это было бы знакомъ огромной перемѣны въ человѣчествѣ. Выгоды замѣнились бы тогда духомъ справедливости, и жертвы,—условіе неизбѣжное. Такъ какъ оно не выполнено, то вертятся въ заколдованномъ кругѣ, лелѣютъ гипотезу, идутъ къ химерической надеждѣ.

Нѣкоторые стремятся къ идеалу, составляя комбинаціи, чтобы помѣшать взрыву войны. Эти слѣдуютъ мечтѣ аббата Сенъ-Пьера и рекомендуютъ третейскій судъ. Благодаря такимъ разсужденіямъ и спорамъ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ было улажено нѣсколько малыхъ столкновеній, но война часто все-таки происходила. Она была еще недавно.

Одни, союзники аббата Сенъ-Пьера, суть просто поборники крючкотворства, непредусмотрительные мечтатели; другіе—анархисты, представляются намъ не знающими всѣхъ требованій нашей эпохи. Это нигилисты.

И тѣмъ, и другимъ можно отвѣтить слѣдующей страницей, чрезвычайно вѣрной и уже давно столь практически написанной генераломъ Гибертомъ (Guibert).

„Декламировать противъ войны „стихами и прозой, произносить „противъ нее философскую анафе„му—это въ пустую потрясать воз„духъ. Но то, что возможно, и то, „что должно выйти непремѣнно въ „результатѣ—*это уничтоженіе, ма„ло по малу, военнаго духа, появ„леніе правительства, менѣе заня„таго этой важной отраслью уп„равленія и подчиненіе когда-нибудь „націи разслабленной и разоруженной, или, почти тоже самое, пло„хо вооруженной, и не умѣющей*

„пользоваться своимъ оружіемъ, ярму „націй, привыкшихъ къ войнѣ, ко„торыя, быть можетъ, будутъ ме„нѣе просвѣщенныя, но болѣе раз„судительныя и благоразумныя“. („Политика и военная наука“, отд. IV).

Этотъ отрывокъ вполнѣ примѣнимъ къ нашему настоящему положенію. Этого никто не посмѣетъ отрицать. Тѣмъ не менѣе, не смотря ни на что, продолжаютъ пропагандировать, вопреки здравому смыслу, положенія исключительныя и вредныя, настаивая на чрезмѣрности расходовъ.

Расчетъ расходовъ былъ представленъ вкратцѣ; милліоны испугали бѣдняковъ, которымъ не позаботились указать на доставляемыя услуги и получающуюся въ результатѣ выгоду. Эти расходы аналогичны повсюду; разнообразныя усовершенствованія, улучшенныя средства, требуютъ увеличенія расходовъ почти ежегодно.

Наши сосѣди, нѣмцы, устали платить и, насколько возможно, сопротивляются росту военнаго и морскаго бюджета. Они не находятъ болѣе поводовъ для надежды передъ силою вещей, которая ихъ разрушаетъ. Они не забыли, что одинъ изъ министровъ финансовъ сказалъ парламенту довольно грубо: „Лучшіе годы позади насъ“.

Франція испытывала и не это, но безъ жалобъ. Она выдержала огромныя тягости созданія вновь всего, потому что она все потеряла во время пораженія. Она могла покрыть потери на условіяхъ, которыя возбуждаютъ зависть многихъ. Она готова продолжать нести жертвы; она можетъ это и напрасно утверждать противное. Надежда поддерживала ее въ несчастіи и показала ей будущее менѣе мрачное. Она можетъ сказать противное тому, что говорятъ нѣмцы: „Лучшіе годы теперь передъ нами“.

Облака разсѣялись, кажется, для нашей страны вернулись хорошіе дни. Союзъ съ Россіей служитъ блестящимъ залогомъ этого. Слѣдовало бы присоединиться къ хорошимъ сторонамъ положенія, слиться въ радости, какъ сгруппировали усилія въ печальномъ покореніи. Независимые (intransigeants) отказываются отъ этого.

Они видятъ только опасность и безпокойство, они продолжаютъ свои жалобы.

Финансовая сторона, расходы, представляютъ важный доводъ, чтобы поддержать предложеніе о разоруженіи или уменьшеніи службы

до одного года для всѣхъ. Общества мира проповѣдывали это. а Жюль Симонъ защищалъ со всею силою своего великаго таланта.

Мы показывали въ недавно вышедшей брошюрѣ, какъ онъ обольщался принятіемъ этой полумѣры. Экономіи почти не получилось бы, а Францію подвергли бы большой опасности.

Еще прабавляютъ:

Постоянная армія разсматривалась, совершенно несправедливо. какъ единственное орудіе войны. Когда владѣютъ орудіемъ—имѣютъ желаніе пользоваться имъ; если бы его не было, то наступилъ бы миръ. Разсужденіе плохое во всѣхъ отношеніяхъ. Уничтожая армію, надѣются разрушить средство войны; по крайней мѣрѣ, это именно утверждаютъ.

Если бы весь міръ дѣйствовалъ въ одно и тоже время и искренне, то равновѣсіе поддерживалось бы. Тѣ, кто будетъ дѣйствовать первыми и вполнѣ, займутъ положеніе ниже запоздавшихъ, имѣя мало или совершенно уничтоживъ свои дѣйствующія силы.

Легко смѣяться надъ благоразумными, работающими безпрестанно надъ подготовкой войны, для того, чтобы отдалить ее, если не совсѣмъ избѣжать. Жюль Симонъ хотѣлъ исправить старое латинское изреченіе и замѣнить его слѣдующимъ: „Если вы хотите мира, подготовляйте миръ“. Онъ не замѣчалъ нестройнаго хора человѣческихъ страстей. Онѣ не позволяли обольстить себя великодушнымъ безумствомъ всеобщаго братства. Онѣ останавливаются только передъ силой. Это одно только, что уважаютъ въ интернаціонализмѣ, призывая всегда къ праву, когда не могутъ его нарушить.

Прочь декаденты и анархисты одинаковые въ цѣли и противоположные въ теоріяхъ! Отвергнемъ умѣренныхъ, которые въ лучшихъ человѣческихъ намѣреніяхъ, ведутъ игру радикаловъ, направляя, какъ и они, къ отвратительнымъ мѣрамъ, уменьшающимъ военное могущество нашей страны!

Удвоимъ усилія и приготовленія, возбудимъ сердца, разогрѣемъ энтузіазмъ. Постараемся быть болѣе и болѣе готовыми къ тому часу, который можетъ пробить. Отдалимъ время войны,—пусть такъ. Но будемъ подготовлены провести ее самымъ блестящимъ образомъ, если она наступитъ. Положеніе столь натянутое, въ которомъ находятся націи, облегчится только кровью.

Если настанетъ моментъ пролить ее, пусть онъ на этотъ разъ будетъ намъ на пользу. Не допустимъ трогать наши средства, ослабить насъ, какъ бы то ни было.

Все, что руководитъ и поддерживаетъ армію,—это возвышенное чувство патріотизма, равнодушнаго къ политикѣ, стоящаго выше всѣхъ партій. Роль его, какъ покровителя, хорошо намѣчена какъ внѣ, такъ и внутри. Онъ считаетъ противниками какъ иностранцевъ, такъ и анархистовъ; онъ приводитъ въ дѣйствіе слѣдующія прекрасныя слова Жюля Симона: „Въ иност„ранной войнѣ нужно стоять за „отечество; въ гражданской—за „свободу! Отечество! Свобода! Толь„ко и есть великаго послѣ Бога“.

XXXII.

Подготовительное обученіе передъ военной службой ведетъ къ уничтоженію арміи.

Среди приводимыхъ аргументовъ относительно уничтоженія постоянной арміи существуетъ смѣшеніе идей, если не грубое заблужденіе, довольно важное для того, чтобы его исправить. Оно основывается на безполезности полнаго профессіональнаго образованія и на возможной быстротѣ обученія необходимымъ элементамъ.

Если бы это утвержденіе могло бы быть точно доказано, то почти не было бы нужды въ казармахъ, солдатъ исчезъ-бы, существовалъ бы одинъ только милиціонеръ и обязательная дѣйствительная служба исчезла бы (aurat vécu). Не осталось бы ничего, или очень мало. Мечта либераловъ, утопистовъ всякаго рода, осуществилась бы. Франція, лишенная своей арміи, не принадлежала бы себѣ.

На эту опасную тему составляютъ много варіацій. Или охотно занимаются, особенно въ наше время, регламентаціей труда.

Особенно стараются уменьшить число часовъ занятій, предполагая, что на этомъ ничего не теряется. Въ теченіи меньшаго времени занимаются съ большимъ рвеніемъ и вниманіемъ и результатъ не уменьшается. Это утверждаютъ, какъ относительно физическаго труда, такъ и труда интеллектуальнаго, не смотря на отсутствіе аналогіи; тоже утверждаютъ совершенно ошибочно относительно военнаго образованія.

Продолжительная работа осуждена; требуютъ ограниченія ея посредствомъ закона восемью часами въ день. Доходятъ до того, что говорятъ, что маневры не должны

продолжаться долѣе восьми часовъ, понимая подъ этимъ движеніе впередъ и возвращеніе; это логика абсурдная, ее осмѣиваютъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, быть можетъ, надъ ней не будутъ смѣяться.

Наши гальскіе инстинкты, болѣе воинственные, чѣмъ милитарные, склоняются къ битвамъ, чувствуя отвращеніе къ подготовкѣ; думаютъ быть искусными въ военномъ ремеслѣ, не обучаясь ему. Говорятъ, существенно важно нравственное чувство; механизмъ имѣетъ мало значенія.

Ошибаются; элементы войны не отдѣлимы одинъ отъ другаго; дѣло ихъ взаимное; пріобрѣтенные и хорошо примѣняемые факторы матеріальные производятъ вліяніе на развитіе факторовъ моральныхъ. Это удостовѣряется дѣйствіемъ физическаго развитія на развитіе нравственное и умственное.

Это послѣднее принимается, но относительно того, что касается арміи, не держатся того же мнѣнія. Увѣряютъ, что военное ремесло можно изучить въ очень короткое время; по крайней мѣрѣ все то что необходимо, если не солдату, то воину.

Публицисты, часто мало свѣдущіе въ военныхъ вопросахъ, рѣшаютъ ихъ безъ замедленія. Они вспоминаютъ о волонтерахъ, о мобилизованныхъ къ походу, о всякаго рода импровизированныхъ воинахъ и думаютъ, что зачаточныя знанія этихъ послѣднихъ будутъ достаточны въ будущемъ. Они объявляютъ что достаточно научить человѣка дѣйствовать своимъ оружіемъ, стрѣлять, затѣмъ исполнять нѣсколько очень простыхъ движеній, сообщаемыхъ вкратцѣ въ школѣ отдѣла.

Это все и это недостаточно.

Исходя изъ этой совершенно ложной основы, они удивляются, когда слышутъ, что требуются годы для обученія солдата. Малая сумма знаній которыя надлежитъ пріобрѣсти, кажется не пропорціональной употребляемому времени. Это зависитъ отъ того какъ надлежитъ обучать: вопросъ только о степени.

Обязательное обученіе всѣхъ понудило прибѣгнуть къ быстрымъ дѣйствіямъ относительно одной части: вторая часть контингента, освобожденные. Они въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ получаютъ понятіе о военномъ ремеслѣ, они обучаются дѣйствію въ строю; въ дѣйствительности, они совершенно обучены.

Восхваляли полное знаніе службы

полученное въ теченіе пятидесяти часовъ по два часа въ день. Съ пятаго дня люди маршировали и маневрировали какъ старые солдаты; къ концу двадцати пяти дней они представляли отборное войско. Такимъ образомъ, написано въ брошюрѣ изобрѣтателя. Я сообщаю объ этомъ, не вѣря ему совершенно:

Если бы подобныя вещи были возможны, какъ допустить, что корпусъ офицеровъ арміи столь интелегентный и преданный своему дѣлу не замѣтилъ бы этого и не примѣнилъ къ дѣлу.

Знаніе матеріальной части кажется легкимъ, если его расматривать только какъ механизмъ, довольно простой въ дѣйствительности; но не замѣчаютъ трудностей примѣненія. Зарядить ружье выстрѣлить изъ ружья—этому не долго научить; достигнуть опытности въ стрѣльбѣ—это другое дѣло. Чтобы сдѣлаться хорошимъ стрѣлкомъ, нужно много и долго упражняться, потомъ постоянно поддерживать себя въ этомъ.

Примѣненіе къ мѣстности и случайностямъ боя, столь важное въ новѣйшей войнѣ, требуетъ привычки и, вслѣдствіе этого, времени.

Есть также здѣсь и побочныя знанія. Поспѣшное обученіе рекрутъ было и будетъ только средствомъ, крайней мѣрой, пригодной только въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но непригодной, какъ обычный порядокъ.

Возражаютъ, что это распространенное обученіе, что продолжительная практика, эта продолжительная обработка, ничуть не необходимы для того, чтобы сформировать солдата, такого, какъ того требуютъ будущія арміи. Оспариваютъ пользу профессіональныхъ знаній и сноровокъ. Отрицаютъ самую выгоду военнаго образованія, пріобрѣтенія нравственныхъ качествъ: энергіи, характера, терпѣнія, безропотности, солидарности, —придающихъ цѣну солдату; дисциплины, которая отдаетъ войско въ руки вождя; довѣрія между начальникомъ и подчиненными, которое удваиваетъ цѣну: все это пріобрѣтается долготерпѣніемъ.

Возстаютъ противъ такого положенія, которое является плодомъ опыта всѣхъ временъ. Рекрутъ, предварительно выправленный, а затѣмъ ежегодно призываемый на нѣсколько дней, говорятъ, будетъ лучше, чѣмъ человѣкъ, котораго удерживаютъ противъ его воли въ полку на годъ и болѣе и призы-

ваютъ потомъ подъ знамена на большіе промежутки времени.

Эти странныя идеи встрѣчаются въ различныхъ гражданскихъ изданіяхъ. Не цитируютъ сочиненій ни одного военнаго, который поддерживалъ бы ихъ.

Въ 440 году до нашей эры, по крайней мѣрѣ, къ этому времени его относятъ, представленіе „Антигоны“ Софокла имѣло такой успѣхъ, что аѳиняне, воодушевленные, избрали этого поэта въ числѣ десяти стратеговъ, начальствовавшихъ вмѣстѣ съ Периклемъ, экспедиціей на Самосъ.

Аѳиняне избрали Софокла за превосходство его ума, которое, по ихъ мнѣнію, должно было дополнить недостатокъ профессіональныхъ знаній. Исключеніе подтверждаетъ правило и нельзя себѣ представить, чтобы всѣ наши интеллигентные молодые люди были бы превосходными солдатами, не изучая военнаго ремесла.

Нелѣпость очевидна, но она соотвѣтствовала поддерживаемому положенію. Изъ этого ложнаго основанія, принятаго, какъ истинное, аргументація вытекаетъ естественнымъ образомъ. Обязательная служба въ мирное время не имѣетъ правъ на существованіе. Объявленіе мобилизаціи призываетъ всѣхъ въ случаѣ войны и подготовительная служба со своими требованіями оказывается уничтоженной.

— Такимъ образомъ, обязательная служба изчезла бы не по праву, но на самомъ дѣлѣ.

Сокращенный срокъ службы и тѣмъ болѣе уничтоженіе ея приводятъ необходимо къ милиціи, а не къ солдатамъ. Эта теорія, доведенная до крайности, какъ это дѣлаютъ въ настоящее время, ведетъ къ такому заключенію: вооруженныя націи стремятся роковымъ образомъ, сдѣлаться милиціями, когда продолжительность службы подъ знаменами сокращается.

Милиція, слабая конечно, но все-таки, сила или подобіе военной силы. Ее принимаютъ во всемъ что касается защиты очага. Она представляется оборонительной силой, единственная обязанность, которую признаютъ соціалисты. Она мало согласуется съ намѣреніемъ перенести войну на землю нападающаго. Она находится въ противорѣчіи со всякими наступательными планами лучшимъ и самымъ быстрымъ способомъ веденія военныхъ операцій. Типическій характеръ— ея сопротивленіе: это именно привлекаетъ къ ней многихъ.

Милиціанизмъ противоположенъ милитаризму какъ по организаціи такъ и по примѣненію. Онъ находится въ противорѣчіи съ нашими интересами и требованіями нашей эпохи. Среди вооруженныхъ націй, Франція, разоружаясь, играла бы странную роль.

Древніе народы убѣжденные въ необходимости войны подготовлялись къ ней безпрестанно стараясь сдѣлаться пригодными путемъ всевозможнымъ упражненій. Галлы представляли исключеніе. У нихъ почти исключительно были приняты внезапность, налетъ, отвага. Предпочитали дѣло работѣ; тамъ оказывалось болѣе увлеченія, чѣмъ предусмотрительности.

Ихъ огромныя и невѣжественныя толпы были легко разбиты римлянами, менѣе многочисленными, но привычными къ оружію и дисциплинѣ. Цезарь очень обижалъ нашихъ предковъ въ битвахъ а еще болѣе въ своихъ сочиненіяхъ гдѣ онъ изобразилъ ихъ имѣющими страстное желаніе воевать, но не умѣющими этого дѣлать.

Мы теперь быть можетъ немногимъ лучше, но были лучше. Доказательство этого заключается въ свойственномъ намъ презрѣніи къ подготовкѣ, Что говорятъ въ самомъ дѣлѣ декаденты?

„Если вспыхнетъ война пусть „призовутъ насъ. Мы пойдемъ въ „бой исполнить свой долгъ, пролить „кровь и даже пожертвовать своей „жизнью. Въ ожиданіи этого пусть „насъ оставятъ въ покоѣ.“

Подобнаго рода идеи въ большомъ ходу. Установленная милиція—это нѣчто иное; она предъявляетъ нѣкоторыя требованія, требуетъ небольшую подготовку въ военномъ ремеслѣ, для тѣхъ, кто признаетъ обязательность защиты страны. Другіе идутъ далѣе. Удивительно, что приходится спорить объ этомъ вопросѣ. Но, такъ какъ не перестаютъ подымать его, то нельзя перестать на него отвѣчать.

Уже совсѣмъ недавно, приверженцы мира, соціалисты и анархисты, усилили свою проповѣдь уничтоженія войны оборонительной единственной, которая имъ была понятна. Рядомъ со старой національной политикой, считающей оборону границы охраной націи или страны, они создаютъ новую теорію всеобщаго братства. Они отрицаютъ націи, расы, традиціи и пьютъ за общеніе всего человѣчества.

Эта фантастическая мысль уничтожаетъ однимъ почеркомъ пера

чувство особности народовъ и идею отечества. Въ теоріи это легко. Совсѣмъ другое на практикѣ. Эволюція, направленная къ братству народовъ, будетъ безъ сомнѣнія очень долгая, хотя ее возвѣщаютъ въ будущемъ.

Также, живо возстаютъ противъ скромнаго намѣренія тѣхъ, которые признаютъ пока международное убійство, стараясь сдѣлать его болѣе рѣдкимъ и достичь того, чтобы убивали другъ друга не ежедневно. Торопливые хотятъ покончить съ этимъ быстро и предлагаютъ объединеніе законодательствъ, съ установленіемъ всеобщаго языка, изъ чего явилось бы слѣдствіемъ уничтоженіе войны.

Средство не новое, оно требуетъ многихъ лѣтъ и, конечно, ни чего не стоитъ.

Откуда происходитъ то расположеніе, которое встрѣчаетъ эта болтовня. Эта болтовня конгрессовъ, чуждыхъ всякихъ практическихъ вопросовъ, не имѣетъ никакого практическаго значенія; это только слова, можно сказать, какъ Прудонъ, ложь, и, однако, онѣ вредны.

Отсюда шатаніе, безпокойство нашей націи, все еще не устойчивой послѣ большихъ испытаній. Съ давнихъ поръ, предаваясь на волю Божію, она вынуждена держаться всякихъ предосторожностей, чтобы избѣжать войны. Она отдалась на Божью волю. Она живетъ, безъ утѣхи, страдая отъ нанесенной ей раны, стараясь успокоить свои стремленья, свои порывы къ большимъ захватамъ. Она, какъ бы сознавая свою слабость, хочетъ защищать прекрасные и благородныя дѣла и послужить еще всему человѣчеству.

Достаточно, пока, этого очерка положенія, съ давнихъ поръ признаннаго ложнымъ и печальнымъ. Благопріятныя событія, кажется, ведутъ къ тому, чтобы его измѣнить къ лучшему. Какъ можно судить по нѣкоторымъ статьямъ, рѣшеніе вело къ тому, чтобы уменьшить, уничтожить наши военныя средства. Цѣль однакоже не была достигнута, слѣдовательно выдвигается противоположная система. Нужно позаботиться о нашей организаціи, усилить, если возможно, наши наличныя силы, и поддержать насъ безпрестанной работой въ полной силѣ. Благодаря этому мы опять получимъ значеніе. Если бы мы потеряли наше военное могущество, это было бы наше уничтоженіе.

XXXIII.

Значеніе резервовъ происходитъ отъ дѣйствующей арміи.

Дайствующія войска составляютъ только часть военной силы—лучшую, образцовую, воспитывающую и руководящую другими частями, которыя составляютъ резервъ:

Если бы армія исчезла, за этимъ послѣдовало бы уменьшеніе резервовъ. Если бы рѣшились дать удовлетвореніе критикамъ, антимилитарнымъ заявленіямъ, уничтоживъ армію,—это привело бы въ тоже самое время къ уничтоженію резервовъ. Осталась бы только милиція, а это совсѣмъ не одно и тоже.

Вопросъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ, несмотря на всю его простоту. Одни обманываются иллюзіями относительно нѣкоторыхъ послѣдствій; другіе стараются затемнить ихъ, для того, чтобы помѣшать проявленію истины и спутать общественное мнѣніе. Общественное мнѣніе относительно военныхъ организацій еще вполнѣ не установилось; оно обыкновенно смѣшиваетъ милицію и резервы. Оно основывается на разсказахъ, на болѣе или менѣе патріотическихъ заявленіяхъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что въ нихъ истиннаго.

Говорятъ, что армія второй линіи, самая многочисленная, должна быть поставлена также, какъ и армія первой линіи. Такъ какъ элементы той и другой во время мобилизаціи перемѣшиваются, единство казалось бы естественнымъ.

Разсужденіе совершенно особеннаго свойства.

Вообще имѣютъ совершенно ошибочное мнѣніе о значеніи резервовъ. Разсуждаютъ о томъ, чѣмъ они были, отчасти о томъ, что они суть, но не о томъ, чѣмъ они должны сдѣлаться, въ довольно близкомъ будущемъ, если послушаютъ анархистовъ.

Часто приходится слышать или читать афоризмы въ родѣ слѣдующихъ:

Резервисты имѣютъ больше цѣны, чѣмъ дѣйствующія войска; территоріальныя войска еще болѣе предпочтительны,—люди болѣе зрѣлаго возраста болѣе настойчивы, переносятъ лучше тяготу, болѣе спокойны, болѣе дисциплинированы.

Молодые солдаты, мобилизированные, волонтеры—лучше старыхъ солдатъ. Они не знаютъ опасности,

болѣе восторженны, легче слѣдуютъ порыву.

Другими словами это можно выразить такъ: военныя знанія безполезны; милиція, національная гвардія, импровизированныя войска также хороши, если не лучше, какъ и постоянныя войска, воспитанныя и обученныя.

Эти увѣренія легко находятъ отзвукъ. Онѣ льстятъ общественнымъ инстинктамъ, считая каждаго способнымъ сдѣлаться достойнымъ воиномъ. Онѣ усыпляютъ вниманіе, онѣ заглушаютъ энергію и представляютъ дѣйствительную опасность.

Подтвержденіе этой мысли было дано на послѣднемъ Лоншанскомъ смотру. Войска были, конечно, привѣтствованы кликами; батальоны территоріальныхъ войскъ, при прохожденіи, были награждены, можетъ быть, болѣе подчеркнутыми кликами „браво“. Ихъ видъ, казалось, дѣйствовалъ болѣе трогательно на сердца зрителей. Старались сдѣлать ихъ героями праздника. Въ глазахъ многихъ они, казалось, воплощали солдатъ-гражданъ, эту національную гвардію, великое бѣдствіе этого вѣка въ нашей странѣ.

Будемъ остерегаться этого печальнаго сближенія, постараемся не впасть въ это ложное пристрастіе.

Генералы, инспектирующіе обыкновенно войска, которыми они командуютъ, склонны хвалить усердіе, свидѣтелями котораго они бываютъ. Не бываетъ недостатка въ поздравленіяхъ и похвалахъ. Приказы объ инспекторскихъ смотрахъ, обыкновенно, наполнены ими, на нихъ смотрятъ, какъ на побудительныя средства, лучшія, чѣмъ критики и порицанія. Если ихъ собрать, если ихъ регулировать, то все хорошо, все превосходно. Это говорятъ; однако же этого не думаютъ. Чтеніе этихъ документовъ заставляетъ думать, что люди уже подготовлены къ концу трехъ мѣсяцевъ службы, что они похожи на старыхъ солдатъ раньше истеченія года.

Эти преувеличенія, доказывающія доброе чувство, исключительное офиціальное расположеніе, являются большой ошибкой, заставляя думать, что было-бы легче значительно уменьшить продолжительность службы.

Съ своей стороны сами дѣйствующія войска, изъ патріотической мысли—желанія ободрить свои резервы, направить ихъ къ лучшему, содѣйствовали своими, нѣсколько преувеличенными похвалами, рас-

пространенію этой оцѣнки.

Съ точки зрѣнія благонадежности корпуса, сопротивленія его трудностямъ и болѣзнямъ, резервистъ, конечно, лучше, чѣмъ молодой солдатъ дѣйствующихъ войскъ. Иначе говоря, человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ, имѣетъ преимущество передъ взрослымъ не вполнѣ развитымъ физически.

Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ,—обученіе и особенно дисциплина,—это заключеніе не вполнѣ точно.

Резервы происходятъ изъ арміи, составляютъ часть ея, они туда возвращаются. Цѣнность ихъ измѣряется степенью большаго или меньшаго сходства ихъ съ постоянными войсками. Чѣмъ больше ихъ организація приближается къ организаціи постоянныхъ войскъ, тѣмъ болѣе они сохраняютъ качества, отличающія войска; чѣмъ болѣе они будутъ отмѣчены милитаризмомъ, тѣмъ лучше они будутъ пригодны для включенія въ войска и тѣмъ болѣе они образуютъ дѣйствительную военную силу.

Резервисты хороши, потому что они долго служили, территоріальныя войска точно также. Старый солдатъ, возвращаясь въ полкъ, возстановляется, вновь обучается, образовывается очень быстро. Кто не былъ солдатомъ или кто отбылъ срокъ всего только въ нѣсколько мѣсяцевъ,—значительно ниже. Освобожденныя лица, обученіе которыхъ было едва намѣчено, представляютъ только число, но не дѣйствительную цѣну.

Это оправданіе столь древняго замѣчанія Вежеса (Végèce): „Солдатъ, необученный, является только рекрутомъ, каково бы ни было его прошлое“.

Такимъ образомъ, создалась въ наше время трудная задача, имѣть значительное количество бойцевъ, но притомъ очень хорошаго качества. Первое условіе достигается, второе реализуется совершенно.

Нѣкоторая продолжительность службы производитъ условіе, выгодное въ обоихъ отношеніяхъ. Все болѣе и болѣе замѣчаемое уменьшеніе срока службы внесетъ сюда серьезныя затрудненія. Дѣйствующія войска будутъ хуже, а значеніе резервовъ понизится еще болѣе.

Начиная съ 1871 года, резервъ составляли почти исключительно солдаты, уволенные въ отпускъ. Онъ составлялъ, нѣкоторымъ образомъ, продолженіе дѣйствительной службы и образовалъ болѣе

значительную часть войскъ въ случаѣ войны.

Люди, будучи хорошо обучены, затѣмъ во время нѣсколькихъ призывовъ запасныхъ повторявшіе курсъ, представляли элементъ, достаточно надежный. Смѣшанные съ дѣйствующими войсками, они могли удвоить или утроить дѣйствующую армію, не ослабляя чувствительно ея цѣнности. Это были вновь призванные старые солдаты. Они представляли характеристическія черты дѣйствительнаго резерва.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ пропорція резервистовъ значительно возрасла. Ввели туда массу людей, мало или совершенно не служившихъ, и составъ этой категоріи уменшился въ достоинствѣ.

Армія территоріальная представляетъ въ меньшей степени тѣже самыя выгоды и неудобства, что и резервисты. Заключая всегда много людей служившихъ, она владѣетъ нѣкоторыми знаніями. Ея личный составъ, удаленный отъ дѣйствующихъ войскъ, болѣе продолжительное время, чѣмъ резервисты, представляетъ менѣе профессіональной техники, чѣмъ эти послѣдніе. Съ теченіемъ времени туда ввели значительное количество людей безъ всякаго военнаго обученія и уровень ея понизился.

Такъ какъ на территоріальную армію смотрѣли, какъ на войско, назначенное для охраны территоріи, то она могла выполнить эту роль. Теперь необходимость постоянно увеличивать число мобилизуемыхъ единицъ, заставляетъ брать силы изъ матеріальной арміи и вводить въ дѣйствующія войска элементъ еще менѣе хорошаго качества, чѣмъ резервисты. Сокращеніе срока дѣйствительной службы повлечетъ къ тѣмъ же гибельнымъ послѣдствіямъ для территоріальныхъ войскъ, какъ и для резервистовъ.

Резервисты и территоріальные были по существу старые солдаты. Зная военное искусство, періодически обучаясь, они могли съ пользою занять мѣсто въ рядахъ арміи. Теперь они оказываются смѣшанными съ массой людей, почти лишенныхъ техническаго обученія. Количество плохо обученныхъ растетъ быстро и въ соотвѣтствіи даже съ уменьшеніемъ продолжительности службы. Когда она будетъ уменьшена до малой величины или даже вовсе уничтожена, резервисты и территоріальныя войска потеряютъ всякое спеціальное значеніе. Когда не будетъ дѣйствую-

щей арміи, тогда станетъ безполезенъ резервъ, и всѣ бойцы образуютъ единую массу подъ названіемъ милиціи. Эта мечта конгрессовъ соціалистовъ.

Милиція не имѣетъ ничего общаго съ резервомъ. Она противоположна ему. Человѣкъ, состоящій въ резервѣ, болѣе или менѣе солдатъ. Милиціонеръ, напротивъ, субъектъ никогда не служившій. Въ случаѣ войны резервистъ призывается, чтобы выполнять ремесло, которое онъ уже изучалъ; тогда какъ милиціонеръ призывается, чтобы исполнить обязанность, которую онъ слабо зналъ, если не совсѣмъ не зналъ.

Два положенія, совершенно не схожія и не безполезно подчеркнуть это различіе, столь серьезное, какъ въ устройствѣ, такъ и въ дѣйствіяхъ.

При зарожденіи обществъ всякій свободный человѣкъ, каждый гражданинъ былъ воинъ, готовый къ бою. Берясь, въ случаѣ необходимости, за оружіе, онъ возвращался домой по окончаніи кампаніи. Латиняне называли его miles, отъ miltaire—сражаться.

Это выраженіе привело съ выраженіемъ militaire и милитаризмъ; они вовсѣ не означаютъ солдата, человѣка профессіи, а просто военное дѣло.

Отъ этого корня происходитъ, равнымъ образомъ, милиціонеръ, представляющій случайнаго воина, гражданина, призваннаго для того, чтобы поддержать права своей страны или содѣствовать защитѣ ея.

Воинъ (guerrier) скорѣе означаетъ человѣка, приведеннаго на войну, а не человѣка, пригоднаго для войны.

Солдатъ (soldat)—это субъектъ, нанятый на жалованіе (solde), послѣ зачисленія, изучающій военное ремесло и умѣющій его выполнить.

Эта разница выраженій, точнаго значенія которыхъ теперь не знаютъ, понималась прежде непосредственно. Обученные и необученные, всѣ резервы, юридически организованные, имѣли въ основаніи этотъ неизбѣжный принципъ.

Всѣ великіе военные писатели рекомендовали примѣненіе его. Жомини, въ своихъ „Военныхъ учрежденіяхъ“, особенно настаиваетъ на системѣ резервовъ, хорошо организованныхъ. Генералъ Моранъ, въ чрезвычайно полезной книгѣ своей („Армія согласно конструкціи“) точно установилъ основанія, отъ которыхъ мы все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ удаляемся. По его

мнѣнію, слѣдовало бы ничѣмъ не пренебрегать, чтобы сохранить въ резервахъ военный духъ. Это солдаты, и, предаваясь занятіямъ гражданскимъ, они должны быть готовыми выступить въ походъ.

Нужно слѣдить, чтобы резервисты не потеряли ни образованія, ни привычки къ подчиненію. Нужно, чтобы люди не думали, что все кончено, лишь только они вышли изъ строевыхъ частей, но знали что у нихъ еще есть обязанности которые имъ надлежитъ исполнить, но легко и безъ вреда для ихъ работъ.

Онъ требуетъ, чтобы каждое воскресенье солдаты одной и той же деревни, одного и того же города, собирались, одѣтые въ форму, своими начальниками, для того, чтобы, такимъ образомъ, держать на готовѣ обученный резервъ (стр. 16).

Прежде этихъ учителей генералъ Гиберъ говорилъ также, какъ они, и рекомендовалъ наблюдать за резервами, на которые онъ смотрѣлъ, какъ на важную часть арміи.

Можно было-бы привести много другихъ свидѣтельствъ, но достаточно и этихъ, чтобы установить традицію, постоянство основныхъ положеній. Очень виноваты тѣ, кто старается ихъ нарушить, чтобы толкнуть насъ на путь неизвѣстности, нѣкотораго безпорядка.

Постоянно появляются возраженія, то легкомысленныя, то ненавистныя, то разрушительныя; тогда какъ все болѣе и болѣе стараются распространять образованіе въ различныхъ видахъ; военное образованіе, столь необходимое, отвергаютъ; стараются распространить противъ него предубѣжденіе, особенно среди резервистовъ.

Въ минувшіе дни, въ 1897 году, писали: „28 дней, 13 дней ка„зались населенію все болѣе и бо„лѣе изумительнымъ и страшнымъ „кошмаромъ. Странныя придирки, „безпорядки въ созывѣ и привле„ченіи, странности, излишекъ сни„сходительности или злоупотребле„ніе суровостью; таковъ итогъ“.

Вотъ какъ одинъ большой журналъ оцѣниваетъ и резюмируетъ усилія арміи, долгъ ея корпуса офицеровъ. Это утвержденіе невѣрное, но вредъ его гораздо больше, чѣмъ это предполагаетъ авторъ этихъ декадентскихъ строкъ.

Военныя учрежденія занимаютъ важное мѣсто въ жизни націй. Было бы не лишне заставить населеніе любить ихъ. Представлять ихъ странными, нападать на нихъ, презирать ихъ—это значитъ вести ни-

ру анархистовъ и враговъ, это значитъ приготовлять нашествіе извнутри или извнѣ. Безъ сомнѣнія, при этомъ поступаютъ не противъ совѣсти, но, тѣмъ не менѣе, зло отъ этого не меньше.

Военныя учрежденія — эти учрежденія, которыя легко понять, но долго ихъ устраивать. Они преобразуютъ толпу въ войско, позволяя, благодаря дисциплинѣ, направить усилія всѣхъ къ нужному пункту, заставить ихъ двигаться, согласно намѣреніямъ вождя.

Всякое собраніе людей нуждается въ дисциплинѣ, связи, которая соединяетъ различные элементы: сельскохозяйственная работа, заводъ, фабрика, желѣзныя дороги — всюду жизненное начало—подчиненіе главѣ. Лишь только оно ослабѣваетъ или прекращается—начинается безпорядокъ. Странно, что, принимая его для гражданскихъ группъ, его отвергаютъ въ военной организаціи,

Армія не можетъ быть чѣмъ-то вродѣ національной гвардіи, болѣе дѣятельной и болѣе подвижной, чѣмъ все остальное; чѣмъ-то вродѣ перваго призыва военныхъ силъ страны, подъ предводительствомъ людей, не стоящихъ въ курсѣ военнаго дѣла. Нѣтъ, это особая категорія, вліяніе которой огромно. Изъ нѣдръ ея выйдутъ знаменитые люди, военныя власти, которыя когда-нибудь понесутъ тяжесть національной обороны.

Исторія очень рѣдко показываетъ примѣры хорошихъ начальниковъ во главѣ дурныхъ армій. Напротивъ, у хорошихъ войскъ способные генералы не составляютъ исключенія. Есть естественная и обязательная связь между нравственнымъ состояніемъ военной силы и вождями, которые ею управляютъ. Они выходятъ изъ нея, они составляютъ ея выраженіе и отраженіе. Можно судить о войскѣ по цѣнности или непригодности тѣхъ, кто ими руководитъ.

Если хорошіе генералы, главные начальники, имѣютъ неоспоримое вліяніе на военныя силы, нужно признать также, что они появляются только въ арміяхъ, гдѣ господствуетъ плодотворная дѣятельность, гдѣ течетъ плодотворная сила, заставляющая проявляться высшія способности.

Когда, напротивъ, военный духъ падаетъ—жизнедѣятельность пріостанавливается, массами овладѣваетъ разслабленіе и начальники, которыхъ она порождаетъ, доходятъ то той же моральной анеміи, кото-

рой страдаетъ цѣлое. Взаимная реакція снизу вверхъ и сверху внизъ, развиваетъ общій параличъ. Пассивныя чувства замѣняютъ активныя. Беззаботность, индифферентизмъ, модерантизмъ, квіетизмъ, разслабляютъ сильныя фибры. Еще не плохо, и однако-же не хорошо. Энергическіе порывы, мужественный жаръ, характерныя чувства притупляются, исчезаютъ. Охлажденіе происходитъ постепенно и добрые плоды исчезаютъ подъ ея ледяными дыханіями.

Когда армія достигла этого зараженія, она не только не производитъ знаменитыхъ начальниковъ, но она видитъ паденіе, такое-же, какъ и ея достойныхъ людей, которыхъ она произвела и паденіе еще ускоряется.

Слѣдовало бы хорошо помнить тѣ печальные дни, которые мы пережили недавно и которые кажутся уже такъ далеко.

Когда наступили несчастья 1870 года, армія, не виновная въ томъ, что содержалась плохо и въ маломъ количествѣ, увидѣла себя объектомъ для самыхъ легкомысленныхъ обвиненій со стороны всѣхъ хвастуновъ которые увѣряли, что спасли отечество. Нападки усилились тѣмъ болѣе, что, поражая армію, не заслуживающую этого, вызывали самимъ себѣ похвалы, еще менѣе заслуженные.

Въ это время умы были немного возбуждены ненормальнымъ положеніемъ; всякій считалъ, что онъ есть или былъ военнымъ; почти отрицали это качество только у тѣхъ, для кого это было профессіей.

Это человѣческая необдуманность всѣхъ временъ. Она прощаетъ все при успѣхѣ, милуетъ за счастливыя ошибки, привѣтствуетъ кликами удачу; она гнететъ тѣхъ, кто упалъ, не думая объ ихъ усиліяхъ. Они упали—тѣмъ хуже для нихъ; она прославляетъ тѣхъ, кто стоитъ на ногахъ, не важно какъ...

Увеличеніе армій, усовершенствованныя средства, все болѣе распространяющееся образованіе массъ—дѣлаетъ веденіе войны все болѣе и болѣе труднымъ: для этого необходимы способные начальники и особенно возвышенныя души, которыя въ состояніи выдержать битву. Важно, чтобы нація была пропитана военнымъ духомъ, чтобы помогать ихъ усиліямъ, слѣдовать за ними въ успѣхахъ и не угнетать ихъ при незаслуженномъ пораженіи.

Эта военная добродѣтель пріобрѣтается продолжительной и тер-

пѣливой работой. Необходимо ее вырабатывать и постоянно поддерживать. Это она, постоянной практикой самоотреченія подготовляетъ совершеніе жертвъ, если это сдѣлается необходимымъ и проявляетъ скромность въ успѣхахъ.

Могущество арміи покоится на ея воинскомъ духѣ. Эта нравственная сила неотдѣлима отъ силы матеріальной. Это она приводитъ вторую въ дѣйствіе. Отъ воинскаго духа зависитъ стойкость арміи въ бою. Не умѣютъ достаточно возбудить его. Онъ существуетъ еще, но ослабѣваетъ подъ напоромъ декадентскихъ заявленій. Нужно пробудить его, развить, а это достигается военнымъ образованіемъ.

Патріотическое образованіе непремѣнно присоединяется къ нему, усиливая, такимъ образомъ, національное единство. Никакое общество не можетъ существовать, если каждый не готовъ охранять покой и благоденствіе всѣхъ, полнымъ исполненіемъ своего воинскаго долга. Важно съ раннихъ лѣтъ внѣдрить дѣтямъ эту основную идею, общую всѣмъ, остающимся умѣренными; нельзя перенести національнаго пораженія. Ея напряженность возрастаетъ съ числомъ тѣхъ, которые носятъ имя французовъ; всѣ должны живо чувствовать ее и содѣйствовать ея возстановленію.

Эти чувства выдѣляются, въ большинствѣ, у нашихъ націоналистовъ. Эволюція патріотическаго чувства направляется къ идеѣ отечества съ начала вѣка. Оно не упало въ концѣ вѣка. Нѣкоторые акты, нѣкоторыя манифестаціи показываютъ, что оно имѣетъ успѣхъ.

Декаденты умѣютъ хорошо писать и говорить, они не добились уменьшенія патріотизма. Это не значитъ, что слѣдуетъ предоставить открытое поле ихъ проповѣдямъ. Патріотическое чувство можно развить особенно патріотическимъ образованіемъ, даваемымъ молодежи. Тамъ—истинная подготовка военнаго образованія, которое дополнитъ его, укрѣпитъ.

Оно именно научитъ молодежь всей силѣ патріотизма и, въ тоже самое время, какъ ослабилъ-бы его недостатокъ военной организаціи, какимъ роковымъ является недостатокъ способныхъ и подготовленныхъ элементовъ въ то время, когда приближается борьба, какъ, наконецъ химерична идея милиціи, замѣняющей армію.

Многіе признаютъ военную службу въ военное время и отвергаютъ ее въ мирное. Добрая воля внѣ сомнѣнія, но искусство!

Національная гвардія, волонтеры, мобили, вольные отряды всевозможныхъ родовъ—суть неопровержимые примѣры. Они показываютъ, что увлеченіе, самопожертвованіе недостаточны для замѣны профессіональной пригодности.

Общественное мнѣніе, во Франціи, впрочемъ, благопріятно для тѣхъ, кто пренебрегаетъ опасностью и даетъ доказательства самопожертвованія передъ себѣ подобными или передъ отечествомъ. Тѣ, кто, подъ различными наименованіями освобождается отъ военной службы, должны бы потерять часть уваженія среди нашей націи, гдѣ чувства чести и храбрости такъ живы.

Если дѣло идетъ о войнѣ, то встрѣчаются съ такими вещами, какъ походъ противъ врага. Если только вопросъ касается подготовки и поступленія въ обученіе, то становятся постыдно равнодушными. Это контрасты, безсвязности, нелогичности, свойственныя нашему темпераменту. Было бы хорошо разбить эти заблужденія, эти иллюзіи съ раннихъ лѣтъ.

XXXIV.

Вооруженная сила, которая вотируетъ, разрушитъ армію, которая не вотируетъ.

Несомнѣнно замѣтно стремленіе къ уменьшенію срока службы. Это желаютъ, объ этомъ говорятъ, спорятъ, этого требуютъ; вскорѣ, быть можетъ, достигнутъ этого. Вопросъ растетъ, приближаясь къ цѣли: Нѣтъ недостатка въ доказательствахъ для поддержки его; я указалъ здѣсь нѣкоторыя принятыя направленія; другія поддерживаютъ предшествующія.

Въ самомъ дѣлѣ, многіе признаютъ обязательную службу во время войны и отвергаютъ ее въ мирное время. Вполнѣ соглашаются быть бойцами, но не хотятъ быть солдатами. Съ одной стороны, ссылаются на національную гвардію, мобилей, волонтеровъ, вольныхъ стрѣлковъ и пр. Извѣстно однакоже, что ихъ добрая воля, ихъ преданность не вознаграждаетъ ихъ профессіональной неподготовленности.

Это воспоминаніе, кажется, исчезаетъ. Армія остается сильной, блестящей, преданной; ее объявляютъ безполезной или опасной, добиваются уничтоженія ея. Въ наше

время, когда стремленіе къ гарантіямъ такъ сильно распространено во всѣхъ обществахъ торговыхъ, промышленныхъ, сельскохозяйственныхъ, стараются уничтожить національную охрану, основанную на арміи и замѣнить ее признакомъ силы, подъ именемъ милиціи.

Это стремленіе къ покою или это удаленіе отъ военной службы ведетъ къ разыскиванію того, что дѣлается внѣ, чтобы насадить тоже у насъ, если это возможно. Послѣ того, какъ съ увлеченіемъ копировали Пруссію и создали сильную армію, смотрятъ съ несправедливой завистью на другія страны, гдѣ арміи не существуетъ, на Швейцарію и Соединенные Штаты, или еще Англію, гдѣ армія цѣликомъ составлена изъ принятыхъ почти добровольно.

Швейцарская система, кажется, особенно нравится декадентамъ, потому что она представляетъ менѣе видимыхъ обязательствъ. Ее проповѣдуютъ теперь, стараются зародить нѣчто въ родѣ увлеченія ею, но избѣгаютъ входить въ подробности.

Гражданскія качества швейцарскаго народа привлекаютъ къ нему заслуженныя похвалы. Его личныя качества, его патріотизмъ, сильная любовь къ оружію, его страсть къ стрѣльбѣ и, особенно, покорность характера и постоянное уваженіе закона, дѣлаютъ каждаго гражданина, въ нѣкоторомъ родѣ, военнымъ, привычнымъ къ оружію и дисциплинѣ. Гдѣ въ другомъ мѣстѣ найдутся подобныя условія, позволяющія установить милицію на раціональныхъ основаніяхъ, принимаемыхъ всѣми и которымъ всѣ подчиняются?

Тѣмъ не мѣнѣе, индивидуализмъ, отличительная черта швейцарскаго гражданина, представляя большія выгоды, не достаточенъ для того, чтобы дать собранію воиновъ этой страны солидарность и связь, необходимыя въ дѣйствующихъ арміяхъ, особенно въ виду возможныхъ кризисовъ.

Пѣхота довольно хороша; линейныя войска достаточно упорны, но онѣ не вполнѣ подготовлены къ войнѣ, по крайней мѣрѣ, наступательной. Они не знаютъ того, что относится къ службѣ въ бою. Что касается другихъ родовъ оружія, мы принуждены сознаться, что слабость ихъ мало извѣстна. Они очень мало знаютъ свою боевую службу; они недостаточно пригодны, за недостаткомъ практики.

И это намѣреваются ввести у насъ? Намъ отвѣчаютъ: нѣтъ, и именно къ этому идутъ роковымъ образомъ.

Швейцарская система, тѣмъ не менѣе, примѣняется во время мира по причинѣ силы законности въ этой странѣ. Люди приходятъ въ продолженіи нѣкотораго времени изучать начатки военнаго искусства; они аккуратно являются на послѣдовательныя призывы и довольно хорошо повинуются своимъ временнымъ начальникамъ. Они сохраняютъ у себя свою мундирную одежду, снаряженіе, даже оружіе, заботятся о сбереженіи его и представляются на ежегодныхъ смотрахъ въ полной парадной формѣ, хорошо сбереженной.

Подражать этому во Франціи кажется невозможно, не поднимая этимъ массы осложненій, смутъ, путаницы и непреоборимыхъ затрудненій. Прошедшіе смотры спеціалистами военными казались стѣснительными. Жалобы раздавались со всѣхъ сторонъ. Протестовали противъ наложенныхъ взысканій. Желаютъ имѣть милицію, но безъ условій, которыя сдѣлали бы ее немного менѣе гибельной.

Во Франціи вѣрятъ въ возможность смѣшать армію и націю и образовать изъ нихъ нѣчто однородное и сильное: онѣ остались только надставленными. Не замѣчали, что соединеніе ихъ испортило бы ихъ спеціальный характеръ; что ихъ взаимныя свойства уничтожились бы, вмѣсто того, чтобы усилиться и что ихъ несходство привело бы, роковымъ образомъ, къ разрушенію того или другого. Такъ какъ нація не можетъ погибнуть, то постоянная армія должна бы исчезнуть.

Годичный срокъ службы—это еще армія; анархисты не хотятъ болѣе и этого. Ревнивое недовѣріе по отношенію къ арміи продолжаетъ существовать. Его настойчиво поддерживаютъ. Она, честная и скромная, и, какъ замѣчаетъ Цицеронъ, это именно то, что переносится съ трудомъ.

„Нѣтъ превосходства среди насъ, „говорили глупо ефессеяне; если „найдется выдающійся человѣкъ, „пусть онъ удалится къ другому „народу, повторяли они, изгоняя „одного изъ своихъ, наиболѣе отли„чившагося“.

Завистъ —это страшный бичъ нашей страны, столь жадной до равенства. Армія чувствуетъ его и будетъ испытывать еще. Боясь постоянной силы, которая не котиру-

етъ и которая повинуется, безпрестанно ищутъ излишнихъ мѣръ предосторожности. Въ тоже самое время льстятъ резервной арміи, которая вотируетъ и вслѣдствіе этого, командуетъ своими уполномоченными депутатами.

Вотъ гдѣ опасность; ее увидятъ.

Общества мира, конгресы анархистовъ, декаденты произнесли пароль, выраженный слѣдующей формулой: „Долой оружіе! Милиція“ Эти слова резюмируютъ вполнѣ программу точную и положительную. Уничтоженіе существующихъ военныхъ учрежденій, зарожденіе будущей военной организаціи. Прошедшее и будущее оказываются опредѣленными; настоящее остается неопредѣленнымъ и, конечно, въ большой опасности.

„Это одно только желаніе“, говорятъ; однако, заключенное въ эту краткую формулу, оно скорѣе напоминаетъ декретъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Стараются, чтобы она была принята массами резервистовъ, избирателями, какъ это всѣмъ извѣстно, и черезъ нихъ повліять на депутатовъ въ парламентѣ.

Это всемогущій произволъ количества. Можно его освѣтить, но нельзя ему сопротивляться. Соціализмъ старается распоряжаться этой силой и ищетъ увеличенія своей роли, тѣмъ болѣе, что ничто не представляетъ ему препятствій.

Подобнаго рода идеи циркулируютъ во всѣхъ странахъ, гдѣ допускаются собесѣдованія, споры, т. е., въ настоящее время почти повсюду.

Присвоеніе соціальному вопросу значенія современнаго интереса, избирательнаго трамплина, не точно; еще большую ошибку дѣлаютъ тѣ, кто присоединяетъ къ этому вопросъ военный. У него есть сила болѣе высокая и болѣе широкая.

Когда политическое настроеніе міра и примѣръ различныхъ націй, увеличивающихъ свои постоянныя силы, дѣлаютъ очевидной необходимость владѣть ей, соціалисты возстаютъ противъ постоянныхъ армій и требуютъ уничтоженія ихъ. Ихъ поддерживали въ эту кампанію многіе люди, помогавшіе имъ словомъ и перомъ и толпа, принимающая ихъ положеніе безъ спора.

Вопросъ, поставленный очень опредѣленно, поддерживался энергично; нужно будетъ, чтобы рано или поздно состоялось рѣшеніе.

Между двумя частями военныхъ силъ большое неравенство въ числѣ еще большее—въ идеяхъ и огромное—во власти; одна имѣетъ власть избирательную, а другая—нѣтъ. Требуемое единеніе между обѣими возможно только въ томъ смыслѣ, что одна поглотитъ другую. И это случится съ дѣйствующей арміей, постоянной арміей, которую стараются уничтожить, превративъ ее въ милицію.

Если этому не будутъ противиться, то армія, которая вотируетъ, роковымъ образомъ, разрушитъ армію, которая не вотируетъ. На этотъ счетъ нѣтъ иллюзій. Не скрываются болѣе; объ этомъ говорятъ, пишутъ, заявляютъ повсюду и во всѣхъ странахъ.

Масса причинъ, упомянутыхъ въ настоящей работѣ, содѣйствуютъ уменьшенію продолжительности дѣйствительной службы. Въ окончательномъ итогѣ, всѣ онѣ клонятся къ уничтоженію постоянной арміи и организаціи чистой милиціи.

Четыре съ половиной милліона избирателей болѣе или менѣе захвачены военнымъ закономъ. Въ тотъ день, когда они захотятъ измѣненія, смягченія, даже уничтоженія обязательной службы, кто сможетъ оказать имъ сопротивленіе?

Этотъ избирательный трамплинъ будетъ слишкомъ хорошъ, чтобы быть схваченнымъ поспѣшно, и, когда избиратели пожелаютъ этого, депутаты, безъ сомнѣнія, вотируютъ его.

Кричатъ на всѣ лады: „Страна—господинъ, а не слуга она не для того, чтобы повиноваться, а для того чтобы приказывать,“

Что такое страна? Это—избиратели, половина которыхъ, по крайней мѣрѣ, принадлежитъ къ резервамъ или территоріальнымъ войскамъ.

На первомъ конгресѣ соціалистовъ въ Галлѣ, въ октябрѣ 1890 года, былъ поднятъ военный вопросъ. Съ особымъ жаромъ возстали тамъ противъ безпрестанно усиливающихся вооруженій, приписывая имъ безпрестанную опасность для поддержанія мира.

Нѣмецкій депутатъ предложилъ замѣну постоянныхъ армій милиціями. По его мнѣнію, это средство обезпечило бы оборону каждой страны, отнимая отъ нея средства нападенія на другія.

Пусть спросятъ себя о томъ, что маскируетъ эта, столь ошибочная, аргументація.

Зачѣмъ обезпечивать оборону, если никто не можетъ напасть? Зачѣмъ содержать милицію, если

миръ ненарушимо проченъ? Въ глубинѣ чувствуется ясно, что народы будутъ сражатся съ войсками или милиціями, пока у нихъ есть причины воевать, а это есть то, чего не могутъ разрушить.

Уменьшеніе срока службы ведетъ къ изслѣдованію вопроса, не лучше ли совершенно не имѣть арміи, чѣмъ содержать фикцію военныхъ силъ. Нѣкоторые спрашиваютъ, кому можетъ служить армія и почему граждане должны посвящать ей такъ много времени изъ своей молодости. Милиціи, т. е. ничто или почти ничто, не было ли бы достаточно? Всевозможными путями мы возвращаемся къ тому-же самому пункту. Вращаются въ кругѣ, вмѣсто того, чтобы идти прямо къ цѣли. А иностранецъ, вооруженный съ головы до ногъ? А его силы, которыя намъ угрожаютъ безпрестанно,—чѣмъ мы ихъ отобьемъ? Навѣрно, не при помощи милиціи.

Превозносить эту послѣднюю, это значитъ открыть ворота Франціи, выдать отечество. Эта идея также имѣетъ мѣсто въ конгресахъ анархистовъ.

Со времени созванія конгресса 1890 года вопросъ принялъ положительную форму и безпрестанно подчеркивается каждый годъ.

Въ 1893 году нѣкоторое количество соціалистовъ подали во французскую палату депутатовъ проектъ закона, имѣвшій цѣлью уничтоженіе постоянной арміи и постепенное преобразованіе ея въ мѣстную милицію.

Нѣсколько времени спустя, одинъ соціалистскій депутатъ предложилъ превратить армію въ націю и дать ей пользованіе правомъ вотированія.

По мѣрѣ того, какъ эти идеи завоевываютъ почву, не довольствуются формулировкой желаній, а выражаютъ волю. 30 іюля 1896 года, международный конгресъ въ Лондонѣ вотивировалъ уничтоженіе постоянныхъ армій и постановилъ, одновременно съ этимъ, учрежденіе международнаго третейскаго суда.

Тоже самое много разъ рѣшалось въ слѣдующихъ конгресахъ. До сихъ поръ правительства не принимали ихъ въ расчетъ и они имѣютъ на это право.

Соціалисты требуютъ это съ точки зрѣнія разрушенія монархическихъ правительствъ. Интернаціоналисты провозглашаютъ это отъ имени братства народовъ. Внутри государства всѣ выбитые изъ колеи, любители ловить рыбу въ мутной водѣ, отвергаютъ также по-

стоянныя войска, поддерживающія власть, заставляющія уважать законы, преграждающія путь къ насиліямъ, грабежу, жестокимъ требованіемъ и предпочитаютъ имъ милицію, которая, въ большинствѣ случаевъ, не готова идти и вноситъ нѣкоторую вялость въ свое дѣло.

Это именно заставило Клаузевица сказать: „Съ точки зрѣнія политической, организація милиціи есть законодательство анархіи“ (т. II, стр. 281).

И совершенно естественно, что анархисты требуютъ ея. Однако тѣ, кто не принадлежитъ къ анархистамъ, сдѣлали бы, быть можетъ, хорошо, если бы противились этому, вмѣсто того, чтобы допускать собирать голоса анархистовъ. Ихъ разумная роль заключалась бы въ просвѣщеніи умовъ, въ сопротивленіи распространяемымъ ложнымъ стремленіямъ и борьбѣ съ мѣрами, покровительствующими разрушительнымъ доктринамъ, вмѣсто того, чтобы упреждать событія.

Никогда не было бо́льшей разницы между теоріей и практикой. Одна вредная, другая отвратительная. Напія – единственная всемогущая власть. Большинство создаетъ законъ, потому, что оно имѣетъ власть наложить его, какъ справедливо сказалъ Прудонъ. Оно дѣлаетъ то, что хочетъ и организуетъ вооруженную силу, которая соотвѣтствуетъ его духу и его нравамъ. Если она хочетъ армію конца вѣка, она найдетъ ее легче, чѣмъ воскреситъ древніе легіоны. Если масса отвергаетъ приготовленіе къ войнѣ, если она считаетъ умѣстнымъ не наблюдать за границами страны, если она считаетъ иностранное рабство предпочтительнѣе военной службы, — она свободна. Всякое разсужденіе исчезаетъ передъ грубымъ фактомъ: вотированіе.

Принципъ неоспоримый; прежде, чѣмъ явиться на это вотированіе слѣдовало бы просвѣтить вотирующихъ, показать имъ опасности подобныя мѣры, гибельныя послѣдованія которой будутъ для страны равняться самоубійству.

Вотъ что необходимо освѣтить падлежащимъ образомъ и постоянно повторять. Однако, мало говорятъ въ этомъ смыслѣ, тогда какъ многіе публицисты льстятъ настоящей маніи. Не пришлось бы горько оплакивать это.

По примѣру Гнейзено, всѣ новѣйшіе возсоздатели его военной организаціи вѣрили въ ея превосходство. Они должны бы теперь признать, какъ глубоко они заблуждались.

Непослѣдовательность бросается въ глаза всѣмъ. Обольщались прекрасной идеей вооруженной націи, поднимающейся, какъ и нѣкогда, цѣликомъ, но на этотъ разъ пріученной къ войнѣ, организованной, сильной. Армія перестаетъ имѣть спеціальный характеръ, и нація, и армія сливаются въ великолѣпномъ единствѣ: вотъ о чемъ говорили, о чемъ писали въ продолженіи цѣлаго вѣка разнообразно и даже лирически. Эти вредныя увѣренія нашли въ толпѣ легко возбудимое эхо.

Отъ миража до дѣйствительности далеко.

Вооруженная нація—это вѣрно; необходимый матеріалъ для вооруженія существуетъ; но нація, составляющая при случаѣ армію, это ложное утвержденіе, чистое заблужденіе.

Увеличеніе числа вооруженныхъ людей мало по малу измѣняетъ характеръ воина. Многіе не удѣляютъ вниманія этому медленному, но вѣрному превращенію, послѣдствія котораго начинаютъ проявляться. Такъ какъ они мало даютъ еще себя чувствовать, то имъ не придаютъ еще значенія. Когда они проявятся болѣе серьезно, ихъ замѣтятъ; но, быть можетъ, поздно.

Недостатки подобнаго устройства въ будущемъ проявятся все болѣе и болѣе гибельно и потребуютъ пересмотра его. Это измѣненіе, конечно, будетъ къ худшему и отъ этого ожидается серьезная опасность

Обязательная служба—не есть только военный законъ, хотя ей даютъ это имя; это болѣе соціальный законъ и законодатели мало объ этомъ безпокоятся. Пока военная служба касается только небольшаго числа лицъ, большинство признаетъ ее, не поморщившись; теперь большинство, почти всѣ, привлечены и оно отвергаетъ законъ.

Примѣры Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ не таковы, чтобы заставить подражать имъ. Напротивъ.

Что достаточно для нейтральной Швейцаріи или Соединенныхъ Штатовъ, не имѣющихъ сосѣдей, не соотвѣтствуетъ нуждамъ другихъ государствъ. Населеніе, кромѣ того, тамъ подготовляется менѣе легко.

Быстрота мобилизаціи, внезапность дѣйствій между сосѣдними государствами налагаютъ обязанность постоянно наблюдать, быть всегда готовыми, встрѣтить лицомъ къ лицу вѣстниковъ вторженія на границѣ.

Такимъ образомъ, всѣ большія государства считаютъ необходимостью имѣть войска, болѣе надежныя, лучше обученныя, готовыя выступить по первому сигналу и, вслѣдствіе этого, имѣть постоянно содержимую силу, иначе—регулярную армію.

Эта обязанность налагается даже и на малыя націи, охраняемыя, однако, нейтралитетомъ. Нейтралитета было достаточно, когда право уважалось. Сила одерживала верхъ, и нейстралитетъ сталъ плохой гарантіей.

Даже у нейтральныхъ государствъ допускаютъ содержаніе оборонительныхъ войскъ, чтобы заставить уважать границы и противодѣйствовать нарушенію территоріи нѣкоторымъ отрядамъ воюющей арміи. Вооруженный нейтралитетъ съ этой цѣлью вовсе не уничтожаетъ пользы нейтралитета.

Случай, исключительный въ старину, кажется, теперь становится общимъ правиломъ. Сильныя державы мало стѣсняются теперь съ слабыми нейтральными. Съ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій имъ постоянно угрожаютъ. Говорятъ о вторженіи на ихъ территорію, какъ, о вещи совершенно простой: такъ уничтожилось уваженіе права. Маленькія государства должны принимать мѣры предосторожности противъ этой неожиданности, которая не составляетъ тайны. Всѣ говорятъ, что въ настоящее время единственная гарантія нейтральности—это быть въ состояніи защищаться.

События послѣднихъ войнъ показываютъ опасность неожиданныхъ нападеній; мелкія государства, снабженныя только милиціей, пріобрѣтаютъ, мало по малу, убѣжденіе, что дѣйствующія войска сдѣлались необходимыми и они стараются создать ихъ или увеличить.

Увеличеніе военныхъ силъ въ Бельгіи, въ Голландіи и другихъ странахъ дѣятельно производится. Англія усиливаетъ свои постоянныя войска. Соединенные Штаты, обязаные содержать военныя силы, чтобы бороться съ индѣйцами на Западѣ, требуютъ болѣе надежной организаціи. Наконецъ, сама Швейцарія намѣревается организовать свою милицію въ армейскіе корпуса, и она думаетъ учредить у себя нѣкоторое количество постоянныхъ войскъ, для охраны недавно выведенныхъ крѣпостей.

Въ то время, какъ во Франціи такъ часто дѣлаются усилія въ пользу сокращенія срока службы,

уменьшеніе арміи или даже уничтоженія ея, Германія постоянно увеличиваетъ свою армію и дѣйствующія военныя средства.

Дѣйствительнымъ дѣломъ было-бы—съ настоящаго времени подготовлять средства для предотвращенія неудобства вооруженной толпы, когда ея введенія сдѣлается необходимымъ.

Въ столицѣ Пруссіи, которая дала толчекъ всѣмъ вооруженнымъ націямъ, правительственный органъ протестовалъ противъ этихъ огромныхъ подготовокъ воиновъ, возбуждая сомнѣнія въ ихъ будущей силѣ. „*Крестовая газета*“, разсматривая успѣхи, сдѣланные германской арміей въ 1890 году, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „*Рано или поздно потребуется оставить принципъ обязательной военной службы*“. Вотъ что довольно знаменательно.

Нѣмцы, восхваляя принципъ *вооруженной націи*, не признаютъ серьезной опасности, присущей этой организаціи.

Резервисты, послуживши, становятся хорошими солдатами и, удваивая только дѣйствующую армію, даютъ въ результатѣ войска, достаточно надежныя. Но совсѣмъ не то, когда дѣло идетъ объ ушестереніи дѣйствующей арміи призывомъ массы субъектовъ мало или совсѣмъ не служившихъ. Она расплывается тогда въ волнахъ посредственности и, въ тоже время, ее обезсиливаютъ, лишая части лучшихъ ея элементовъ.

Изъ нея берутъ часть офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для того, чтобы создать кадры вновь формируемыхъ частей. Смѣшиваютъ части старыя съ частями резервовъ. Создаютъ смѣшанныя единицы, которыя подкупаютъ поверхностныхъ организаторовъ.

Они не видятъ, что эти послѣдовательныя разжиженія оканчиваются значительнымъ ослабленіемъ моральной силы. Дисциплина падаетъ, военный духъ исчезаетъ. Эта смѣсь—не армія. Это толпа, бѣгущая во время крестовыхъ походовъ, разстроенная лишеніями во время походовъ, разбитая врагомъ на полѣ сраженія.

Люди военные чувствуютъ отвращеніе къ этимъ средствамъ увеличить число, уменьшая на столько же цѣну. По ихъ мнѣнію лучше было бы избѣжать этой смѣси и содержать, сверхъ легіоновъ, милиціонеровъ, армію ограниченную, но сильную. Составленная изъ волонтеровъ долгаго срока

службы и снабженная хорошими кадрами, она сохраняла бы военный духъ, обучала бы массы, проходящія черезъ ея ряды, подавала бы во всѣхъ случаяхъ примѣръ и составляла бы въ одно и тоже время армію инструкторовъ, примѣрное войско или превосходный резервъ.

Эти симптомы, по природѣ своей могутъ насъ просвѣтить. Примемъ мѣры, будемъ остерегаться задержки. Мы уже сдѣлали крупные шаги въ направленіи къ ослабленію нашего военнаго могущества, соблазняясь числомъ. Теперь въ модѣ—дѣйствующую единицу обращать въ двѣ единицы территоріальныя. Такимъ образомъ, дѣлаютъ большое количество войскъ, одну видимость, безъ надежности. Двухлѣтняя служба, затѣмъ годичная, увеличила бы эти ошибочныя стремленія и подготовила бы въ короткій срокъ появленіе милиціи: много воиновъ, но мало солдатъ.

Соціальное движеніе когда-нибудь, безъ сомнѣнія, принудитъ къ этому. Слишкомъ много людей въ этомъ заинтересовано. Резервы, которые вотируютъ, разрушатъ армію, которая не вотируетъ. Это, кажется, вѣроятнымъ. Все обязываетъ замедлить, насколько возможно, наступленія этого момента, а отнюдь не ускорять его наступленіе. Всегда легко сдѣлаться болѣе слабымъ, ничто не стѣсняетъ.

Идеологія, которая старается первенствовать, безпрестанно возвращается къ проекту всеобщей конфедераціи, гдѣ восторжествуетъ одинъ разумъ, гдѣ право силы будетъ разрушено. Объ этомъ говорили уже въ 1789 году, и повторяли еще въ 1897 году во время греко-турецкой войны и обстоятельства чувствительнымъ образомъ не измѣнились.

Одни предлагаютъ сократить продолжительность военной службы подготовительнымъ обученіемъ, даваемымъ всей молодежи; другіе требуютъ уничтоженія военной службы, ссылаясь на невозможность войны, тогда какъ она происходитъ на ихъ глазахъ въ различныхъ мѣстахъ.

Это суть двѣ степени утопіи и почти одинаково нелѣпы, какъ одна, такъ и другая, при чемъ осуществленіе ихъ невоможно.

XXXV.

Красная стачка.

Авторы этихъ мыслей, кажется, сами не отдаютъ себѣ въ томъ отчета. Они считаютъ нужнымъ пустить въ ходъ идею съ малымъ рас-

четомъ на успѣхъ и прибавляютъ къ ней угрозу, имѣющую, по ихъ мнѣнію, большое вліяніе.

Въ соціологіи всѣ идеи сходятся къ одной цѣли, обыкновенно, вредной. Потокъ стачки шевелитъ немного народы. Это послѣдствіе неблагоразумнаго учрежденія синдикатовъ, ставящихъ массу рабочихъ въ руки вожаковъ, которые управляютъ ихъ фантазіей.

Черная стачка или стачка рудокоповъ породила много несчастій. Стачка стекольщиковъ, стачка извозчиковъ, затѣмъ стачки ткачей и пр., конечно, сдѣлали больше зла, чѣмъ добра.

Одни только вожаки, имѣющіе отъ этого выгоду, стараются развить это поле эксплоатаціи, выгодное для нихъ. Послѣ стачекъ, убыточныхъ для рабочихъ, они мечтаютъ о стачкахъ, вредныхъ для націи. Они предложили стачку механиковъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ для того, чтобы заморить голодомъ большіе города или помѣшать перевозкѣ войскъ. На международныхъ конгресахъ указывали на красную стачку или на отказъ отъ военной службы въ случаѣ войны. Эта стачка не была бы болѣе странной, чѣмъ другія. Это борьба противъ общества, замѣняющая борьбу противъ иностранцевъ; внутренняя война, вмѣсто внѣшней.

Эта истина поразительна, многіе понимаютъ ее; нѣкоторые, отказываясь открыть глаза, присоединяются безсознательно къ проектамъ анархистовъ.

Соціализмъ хочетъ уничтожить капиталъ уменьшеніемъ, а затѣмъ уничтоженіемъ процента; банкиры, финансисты, капиталисты безсознательно помогаютъ имъ усиленной спекуляціей.

Соціализмъ, равнымъ образомъ, хочетъ уничтожить армію сокращеніемъ, а затѣмъ уничтоженіемъ обязательной службы и военные безсознательно помогаютъ имъ, восхваляя сверхъ мѣръ краткій срокъ обученія и возбуждая резервистовъ.

Съ разныхъ сторонъ, кажется, способствуютъ ускоренію соціальной эволюціи. Какъ можетъ она испытать замедленіе или сопротивленіе, когда наиболѣе заинтересованные въ борьбѣ съ ней дошли до такого ослѣпленія, до такой слабости, что не только соглашаются на все, но даже предлагаютъ болѣе.

Слѣдовало бы однако смотрѣть на дѣло ясно. Нѣтъ недостатка въ предостереженіяхъ.

Постановленія конгреса въ Галлѣ въ 1890 году, слѣдствіемъ котораго были манифестаціи 1-го мая 1891 года, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно намѣреній.

Заявлять сначала мирно, такъ сказать утвердить солидарность, указать желаніе, показать силу.

Прибѣгнуть потомъ къ стачкѣ, какъ въ Бельгіи, во Франціи и другихъ странахъ, чтобы получить уступки.

Наконецъ, въ странахъ со всеобщей подачей голосовъ, воспользоваться избирательными записками, чтобы провести ихъ.

Въ тотъ день, когда захотятъ сохранить или разрушить обязательную службу, воспользуются этой послѣдней формой, и придется уступить. Избиратели будутъ хозяевами положенія.

Конгрессисты ежегодно клеймятъ войну, предлагаютъ сокращеніе военной службы, пропорціональное разоруженіе, замѣну постоянныхъ армій вооруженными націями, или созданіе милиціи, національной гвардіи въ будущемъ. Они заявляютъ, что имѣютъ въ виду уничтоженіе войны, и сознаютъ невозможность этого. Они указываютъ на отказъ идти на войну и предсказываютъ красную стачку.

Брюсельскій конгрессъ въ 1891 году не дѣлалъ изъ этого тайны.

Въ засѣданіи 21 августа, подошли къ главному вопросу, выраженному такимъ образомъ: „О положеніи и обязанностяхъ рабочаго „класса въ виду милитаризма.

Репортеры Франціи и Германіи указали, что комиссія энергически высказалась противъ милитаризма. Ихъ резолюціи утверждаютъ, что единственное средство предотвратить катастрофу всеобщей войны, расходы которой пали бы на рабочихъ, это энергически и безпрестанно дѣйствовать противъ всѣхъ покушеній и всѣхъ союзовъ, которые имъ покровительствуютъ; она рекомендуетъ особенно поспѣшить подготовкой, развитіемъ интернаціональной организаціи, торжество соціализма.

Конгресъ, принимая эти разсужденія, высказался въ пользу всеобщаго мира, противъ милитаризма и, за стачку въ случаѣ войны.

Два года спустя на международномъ конгресѣ въ Цюрихѣ возбудили слѣдующій вопросъ: „Какое положеніе должна занять демократія въ случаѣ войны?“

Одинъ голландскій депутатъ высказалъ совершено опредѣленно

мысль, нѣсколько затемненную репортерами. Онъ требовалъ отъ соціалистовъ всѣхъ странъ отвѣтить на объявленіе войны, воззваніемъ къ народамъ, для того, чтобы объявить общую стачку.

Правда, конгресъ отклонилъ это предложеніе и высказался только за свободу дѣйствій каждой націи въ своихъ интересахъ.

Стачки всякаго рода производятся уже съ характеромъ настойчивости и иногда всеобщности, который даетъ поводъ для размышленій. Красная стачка, стачка обязательно служащихъ, будетъ вѣнцомъ ихъ. Она обсуждается уже съ давнихъ поръ, но не достигла еще той-же степени жгучести; настанетъ также ея часъ, если разумныя мѣры, если практическія образованія во время не замедлятъ или не уничтожатъ ее.

Важно занять хорошую позицію въ виду положенія, которое устанавливается въ настоящее время. Увеличеніе жалованья, уменьшеніе часовъ работы, сокращеніе или уничтоженіе военной службы—три равныя части одного и того же соціальнаго вопроса.

Франція не имѣетъ монополіи этихъ мнѣній. Опѣ выражаются подобнымъ же образомъ почти во всѣхъ странахъ, онѣ высказываются въ международныхъ конгресахъ.

Красная стачка была указана именно, какъ средство перейти теоріи всеобщаго мира въ практику. Нельзя отдать себѣ отчета въ этомъ отказѣ отъ обязательной службы въ случаѣ войны. Это ни въ характерѣ, ни въ нравахъ Франціи. Если произойдетъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, законъ найдетъ средство ихъ обсудить и будетъ зависѣть отъ энергіи военныхъ начальниковъ примѣнить энергическія и дѣйствительныя репрессивныя мѣры.

При настоящей организаціи нечего бояться этой манифестаціи. Хорошій духъ арміи, ея моральная сила, служитъ вѣрной гарантіей повиновенія призванныхъ резервистовъ. Чувствуется огромная разница съ тѣмъ, что было бы, если бы арміи не существовало, если бы всѣ воины, соединенные только слабой связью милиціи, оказались, на самомъ дѣлѣ, изолированными въ моментъ мобилизаціи, предоставленными вреднымъ вліяніямъ вожаковъ соціалистовъ, и не чувствовали страха силы организованной арміи.

Очень откровенно говорятъ въ

собраніяхъ соціалистовъ; угрожаютъ въ международныхъ конгресахъ и предлагаютъ стачку резервистовъ и милиціонеровъ въ случаѣ войны для того, чтобы сдѣлать ее невозможной. Эта измѣна странѣ входитъ въ программу анархистовъ, и не удивительно.

Что сказать напротивъ, объ огромной ошибкѣ, совершаемой въ томъ же самомъ смыслѣ, многими декадентскими заявленіями, исходящими отъ людей умѣренныхъ, увлеченныхъ мечтой, утопіей.

Толстой, между прочимъ, въ книгѣ своей *Война и Миръ*, поддерживалъ красную стачку, стараясь прикрыть своимъ изящнымъ слогомъ отвратительную гнусность разсужденія.

Онъ не единственный, пропагандирующій эти вредныя идеи, дѣлающій такъ хорошо дѣло всѣхъ разрушителей, развращая наивныя души. Другіе также стараются разрушить нашу военную организацію, такъ хорошо сохраненную до сихъ поръ, не смотря на всѣ затрудненія, корпусомъ офицеровъ, этихъ преданныхъ учителей нашей мужской молодежи.

Поддержанный корпусомъ унтеръ-офицеромъ, онъ образуетъ оплотъ, безпрестанно аттакуемый раскольничьими попытками. Онъ хорошо сопротивляется и всѣ приглашаются защищать его по патріотическому долгу. Гораздо больше работали для разрушенія его, открывали всѣ двери Франціи, допуская себѣ, по слабости характера и подъ угрозой идти къ послѣдовательному сокращенію продолжительсти военной службы, которое, роковымъ образомъ, приводитъ къ милиціи.

XXXVI.

Милиціи недостаетъ профессіональныхъ знаній.

Продолжая этотъ анализъ, изъ разбора фактовъ приходимъ къ выводу о полной непригодности и, слѣдовательно, опасности милиціи, особенно для Франціи.

Остается дополнить разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ и вывести изъ нихъ заключеніе. Прежде всего устранимъ столько же обманчивую, какъ и очаровательную перспективу — уничтоженіе войны. Война существуетъ еще въ настоящее время и конечно будетъ еще долго существовать. Будутъ ли въ ходу войска пріученныя или добровольцы, постоянная армія или милиція, но, вѣроятно, люди всегда будутъ воевать. Это вопросъ лишній, споръ о которомъ безплоденъ; полезнѣе

разобрать, какъ лучше будутъ сражаться при будущихъ столкновеніяхъ.

Фактъ положительный, что войны милиціи продолжительнѣе другихъ. Онѣ требуютъ больше денегъ и приводятъ къ большей потерѣ людей. Во всѣхъ случаяхъ исторія неизмѣнно подтверждаетъ это.

Война за отдѣленіе Америки представляетъ самый поразительный примѣръ. Обнаружено было много храбрости и громадная сила воли. Нѣкоторые случаи вызываютъ похвалу и удивленіе. Тутъ же рядомъ мелочи, недостатокъ организаціи, рекрутчина—все это сильно портило дѣло и помѣшало быстротѣ результатовъ.

Мобилизація милиціи, даже очень хорошо организованной, какъ въ Швейцаріи, дѣло очень продолжительное. Сборъ людей и животныхъ, выдача снаряженія всякаго рода, требуетъ много времени, даже предполагая, что все готово и хорошо содержится.

Если-бы дѣло такъ стояло во Франціи, всѣ-ли явились бы на свой постъ въ возможно краткій срокъ? По правдѣ сказать, что это сдѣлали бы немногіе, а сколько запоздало бы? Хотя бы опозданіе было не слишкомъ большое, замѣшательство, происходящее отъ этого, было бы значительно въ то время, когда дороги минуты.

Перечисленіе этихъ повторяющихся затрудненій заняло бы много мѣста; не распространяясь въ подробностяхъ, легко видѣть замѣшательство, почти безпорядокъ. Учрежденіе военныхъ единицъ подготовлено, люди являются туда почти всѣ. Всѣ собраны, надо организовать, назначать каждому свое мѣсто или должность. Кадры также явились. Они должны немедленно приступить къ дѣлу. Они вовсе незнакомы между собою и не знаютъ хорошо, гдѣ необходимыя вещи. Нѣтъ основы, канвы. Самая лучшая добрая воля недостаточна для предупрежденія нерѣшительности ошибокъ и вслѣдствіе того потери времени.

Пока отдѣльные единицы будутъ приблизительно устроены и снабжены—пройдетъ много времени. Прежде назначали 4 дня для мобилизаціи полковъ, т. е. принятіе резервистовъ, аммуниціи, посадка и пр. Можно предположить, что понадобится больше времени, когда некому будетъ принимать приходящихъ, когда всѣ будутъ ново-прибывшіе—начальникъ и солдатъ.

Добрая воля низшихъ чиновъ будетъ отчасти парализована сами-

ми кадрами, предназначенными руководить ею. Прежде чѣмъ учить и руководить другими, имъ придется самимъ устраиваться, переучиваться. Пусть они сдѣлаютъ это быстро, употребятъ энергическія усилія, чтобы разобраться; они сдѣлаютъ это,—но время пройдетъ.

Достаточно ли назначить его вдвое противъ регулярной арміи и считать на мобилизацію 8 дней? Кто знаетъ множество необходимыхъ при этомъ мелочей, тотъ не допуститъ этого. Не было-ли доказательствъ этого въ франко-нѣмецкой войнѣ 1870 г.? Импровизированныя войска, вдали отъ непріятеля, организовались медленно и съ огромными затратами. А вблизи границы организація ихъ была даже невозможна.

Устройство милиціи имѣетъ послѣдствіемъ продолжительное время для мобилизаціи и необходимость исполнить это вдали отъ противника. Теперь желаютъ совершенно противоположнаго.

Все болѣе и болѣе выясняющаяся черта будущей войны будетъ ея быстрота. Кампанія начнется въ одно время съ объявленіемъ войны. Поэтому придется отказаться отъ длинной операціи мобилизаціи для присоединенія резервистовъ. Будутъ выступать съ тою дѣйствующею силою, какая будетъ подъ рукою. Кромѣ того постараются держать усиленный наличный составъ, насколько возможно, ближе къ границѣ, чтобы имѣть возможность начать дѣйствіе безотлагательно.

Какъ совмѣстить такія различныя положенія? Съ одной стороны дѣйствующая армія, съ другой милиція, собирающаяся, организующаяся съ извѣстною медленностью. Слѣдствіемъ будетъ или немедленное пораженіе или захватъ большей части страны, пока соединенныя войска, наконецъ, начнутъ оказывать нѣкоторое сопротивленіе. Эти соображенія не оставляютъ сомнѣнія въ исходѣ дѣла. Удивительно заблуждаются тѣ, кто толкаетъ наше отечество на такую игру, гдѣ всѣ лучшія карты на сторонѣ противника.

Всюду съ импровизированными арміями дѣло кончалось такимъ-же образомъ, и, безъ сомнѣнія, повторилось бы, еслибы была принята система милиціи. Очевидность говоритъ громче всякихъ разсужденій. О чемъ же спорить?

Основатель американской республики Вашингтонъ, поддерживая на конгрессѣ своей страны необходимость постоянной арміи, ска-

залъ, между прочимъ: „Опытъ, са-„мое лучшее правило жизни, убѣж-„даетъ такъ рѣшительно въ не-„удобствѣ милиціи, что никто, сколь-„ко, нибудь дорожащій порядкомъ, „экономіею, собственною честью, „своей репутаціей и спокойствіемъ „души, не захочетъ взять на себя „веденіе войны при помощи мили-„ціи". Онъ прибавилъ: „Недоста-„точное время, проведенное подъ „знаменами и неосновательныя на-„дежды на милицію—вотъ причина „нашихъ неудачъ и увеличенія на-„шего долга".

Можетъ быть, онъ не убѣдилъ своихъ соотечественниковъ, но, во всякомъ случаѣ, получилъ то, что считалъ необходимымъ: устройство корпуса въ 6 тысячъ настоящихъ солдатъ, которые окончили войну.

Точно также разсужденія и примѣры, въ наше время еще болѣе многочисленные, не убѣдятъ просвѣтителей, требующихъ милиціи, съ точки зрѣнія соціальной, гуманитарной, либеральной, но не съ точки зрѣнія войны, которой они не хотятъ.

Оставляя ихъ въ сторонѣ, можно надѣяться, что раціональная аргументація подѣйствуетъ на массу людей нерѣшительныхъ съ хорошими намѣреніями, заботящихся о чести и независимости страны. Этимъ можно повторять: теперь побѣда за нравственною силою, имѣющею въ своемъ распоряженіи большое профессіональное искусство.

Иначе быть не можетъ. Милиціонеру обязательно недостаетъ технической подготовки. Если онъ немного лучше національнаго гвардейца, онъ ниже территоріальнаго и еще ниже резервиста. Между тѣмъ подготовка есть факторъ, теперь болѣе необходимый, чѣмъ прежде. Военныя трудности увеличились, и обращеніе со снарядами стало сложнѣе. Практически, искусство будетъ играть важную роль.

Организація, образованіе, воспитаніе—элементы, пріобрѣвшіе вліяніе, котораго въ прошломъ они далеко не имѣли; ими часто пренебрегали, не смотря на печальныя послѣдствія этой небрежности.

Народы, расчитывавшіе исключительно на свою храбрость, погибли. Галлы, турки, мамелюки, арабы—всѣ эти отважные воины безъ образованія, безъ солидарности, въ изобиліи проливали кровь и отдавали безполезно жизнь за дѣло, которому они были такъ преданы.

Храбрость безъ направленія, безъ знанія, безъ предусмотрительности воплотилась въ рыцарствѣ. Не смот-

ря на замѣчательное удальство, оно исчезло предъ высшею организаціею.

Добровольцы во всѣ времена, храбро умирали, но побѣдить не могли.

Эти указанія должны принести пользу теперь. Если вѣрить нѣкоторымъ людямъ, то это ничего не значитъ. Старое заблужденіе возвращается и, если одержитъ верхъ, поведетъ къ подобнымъ же несчастіямъ.

Во время будущихъ войнъ, трудности возрастутъ числомъ и силою. Чтобы превозмочь ихъ, нужно средства поднять на ту-же высоты, содѣйствовать всѣми способами успѣху и пренебречь хоть однимъ—значило-бы, добровольно ослабить себя.

Организація, подготовка, дисциплина, духъ части, суть необходимыя основанія. Они не могутъ произвести полнаго дѣйствія безъ профессіональнаго искусства.

Напрасно воображаютъ, что въ будущихъ громадныхъ вооруженныхъ арміяхъ, личность исчезнетъ въ массѣ, сдѣлается элементомъ, который поглощенъ цѣлымъ, и потеряетъ свою собособленность, свою личную инициативу. Изъ этого невѣрнаго разсужденія выводятъ безполезность технической подготовки. Заключеніе столь же ошибочно, какъ и посылки.

Въ большихъ арміяхъ, какъ и въ маленькихъ, человѣкъ остается существеннымъ элементомъ войны, со своими качествами и недостатками, своею силою и слабостями физическими или нравственными Онъ дѣйствуетъ своею ловкостью въ стрѣльбѣ, своею привычкою къ странѣ, своимъ знаніемъ пріемовъ дѣйствій, своимъ умѣньемъ направляться или защищаться. Солдатъ сохраняетъ значительную инициативу въ соединеніи съ оружіемъ, которымъ онъ владѣетъ болѣе или менѣе основательно, такъ и въ своемъ соединеніи съ землей, отъ которой онъ получаетъ болѣе или менѣе дѣйствительную поддержку.

Это соединеніе человѣка съ его оружіемъ и съ землей дѣлается значительною силою, когда оно хорошо осуществлено, и остается безполезнымъ, имъ когда не умѣютъ воспользоваться.

При такомъ взглядѣ на дѣло, очевидно, на сколько важно профессіональное искусство. Мы не желаемъ преувеличивать его значеніе, но не можемъ согласиться на его уменьшеніе.

Часто говорятъ, что солдаты только обученные составляютъ ар-

мію. Ошибка огромная; безъ солидарности, безъ дисциплины, безъ военнаго образованія—нѣтъ ничего или очень мало.

Нравственные факторы всегда остаются главною сущностью дѣла на войнѣ. Но, признавая ихъ преимущества, не надо пренебрегать механическою частью, служащею имъ поддержкою и возбуждающей ихъ силу.

Человѣкъ получаетъ увѣренность чувствуя въ себѣ физическую силу или профессіональное искусство, позволяющее ему переносить сильные кризисы, преодолѣвать препятствія, спасаться отъ гибели.

Каждый храбрый человѣкъ можетъ вскочить на лошадь, но если онъ не ѣздокъ, храбрость не помѣшаетъ ему полетѣть на земь.

Каждый великодушный человѣкъ можетъ броситься въ воду, чтобы спасти ближняго, но если онъ не умѣетъ плавать, его самоотверженіе приведетъ къ тому, что вмѣсто одного утопленника будетъ два.

Каждый человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ можетъ гордо выйти на поединокъ, но если онъ не умѣетъ держать шпаги, онъ скоро будетъ раненъ или изрубленъ опытнымъ противникомъ.

Слѣдовательно, безъ профессіональнаго искусства, нравственныкачества мало дѣйствительны, почти безполезны. Неумѣлый храбрецъ можетъ смѣло встрѣтить смерть, но его храбрость не принесетъ никакой пользы дѣлу. Онъ самъ чувствуетъ это и увѣренность въ физической слабости парализуетъ его пылъ. На всѣхъ ступеняхъ способность, ловкость, физическая сила—необходимая поддержка нравственной энергіи.

Невозможно раздѣлить эти два качества въ человѣкѣ. Ихъ соединеніе необходимо въ воинѣ.

Физическая способность пріобрѣтается основательнымъ образованіемъ и продолжительнымъ увлеченіемъ. Въ соединеніи съ нравственными качествами, она составляетъ индивидуальную храбрость; однако, этой личной храбрости недостаточно для того, что бы сдѣлать солдата, вполнѣ полезнаго.

Человѣкъ не дѣйствуетъ отдѣльно; съ той минуты, какъ онъ вступаетъ въ связь съ другими, на него налагаются обязанности по отношенію къ начальству, къ равнымъ, къ низшимъ. Если онъ ихъ не исполняетъ точно, это уже будетъ не войско, а шайка. Всѣ личныя достоинства вмѣсто того, что-

бы увеличиваться, нейтрализуютъ другъ друга; когда каждый работаетъ только для себя, никакой серьезный успѣхъ невозможенъ. Превосходныя качества безполезно расточаются.

Чтобы дать имъ возможность произвести хорошее впечатлѣніе, необходимо связать отдѣльныя личности, соединить ихъ качества, совмѣстить ихъ усилія; этого можно достичь только дисциплиною, правильно называемой силою войска.

Дисциплина есть соединеніе многихъ качествъ. Ее усваиваютъ продолжительнымъ обученіемъ, которое составляетъ военное воспитаніе. Многіе не хотятъ вѣрить трудности послушанія, забывая, что это самая непріятная обязанность. Ее исполняютъ только по крайнему убѣжденію въ ея необходимости.

Чувство солидарности и подчиненія не всегда было достаточно сильно въ постоянныхъ арміяхъ; а въ арміяхъ импровизированныхъ его всегда недоставало, и это коренной недостатокъ, въ которомъ ихъ всегда упрекали.

Дисциплина различаетъ солдата и милиціонера. Одинаковое положеніе не можетъ быть у того и другого. Предположимъ, что можно поставить военное образованіе обыкновеннаго гражданина на такую же степень, какъ у солдата; предположимъ, что они имѣютъ одинаковое влеченіе, одинаковый патріотизмъ; однако они не будутъ дѣйствовать одинаково. У солдата будетъ особенный характеръ, спеціальныя способности, профессіональная храбрость, которая происходитъ отъ дисциплины, привычки къ ремеслу и военному духу.

Эта разница имѣетъ громадныя послѣдствія, какова бы ни была основательность, до которой надѣются довести милицію, она всегда будетъ имѣть больше свойствъ защиты, чѣмъ нападенія. Она больше пригодна къ сопротивленію, чѣмъ къ нападенію.

Турки, хотя безъ организаціи, выказали при защитѣ крѣпостей и укрѣпленій, въ Плевнѣ, какъ и въ Силистріи, упорство и значительное постоянство.

Подобныхъ примѣровъ приводится множество, и въ войнѣ 1870—1871 также защита была много лучше нападенія. Неподготовленныя войска сопротивлялись еще довольно хорошо; но они не могли нападать съ необходимою энергіею и настойчивостью.

Во многихъ обстоятельствахъ лю-

ди храбры; даже женщины отважно защищали укрѣпленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ горныхъ громадахъ, напримѣръ, можно энергически занять узкіе проходы и долго сопротивляться нападеніямъ непріятеля, и даже мѣшать ему проникнуть въ глубь страны. Мужество и патріотизмъ достаточно поддерживаютъ защитниковъ.

Совершенно иная бываетъ война походная, война движенія и нападенія, которая относится къ предыдущей, какъ плаваніе въ открытомъ морѣ къ береговому.

Чтобы идти на противника и заставить его принять аттаку, чтобы поддерживать съ безграничной энергіей продолжительныя сраженія широкимъ фронтомъ, продолжающіяся день и ночь; чтобы устоять подъ сильнѣйшимъ огнемъ, вытерпѣть мужественно грозные кризисы открытаго нападенія и довести до благополучнаго конца; чтобы перенесть безропотно самую трудную работу, самыя тяжкія лишенія; наконецъ, чтобы сохранить довѣріе къ вождямъ во время самой сильной опасности и особенно при пораженіи,—надо воинамъ имѣть данныя, которыя не встрѣчаются у милиціонеровъ.

Прочная организація и серьезное военное воспитаніе дѣлаются необходимыми.

Для успѣха необходимо нужна въ войскахъ военная доблесть, т. е. соединеніе военныхъ качествъ, доведенныхъ до высокой степени совершенства.

Безъ нея совершались прекрасныя дѣла, правда, болѣе шумныя, чѣмъ стойкія, болѣе блестящія, чѣмъ прочныя. Вандейцы храбро сражались, швейцарцы, американцы, испанцы послѣднихъ временъ имѣли успѣхъ, не имѣя военныхъ качествъ. Иногда обстоятельства позволяютъ обходиться безъ нихъ и достигнуть успѣха, несмотря ни на что.

Обыкновенно и особенно въ настоящемъ положеніи народовъ, невозможно провести счастливо войну, не владѣя нравственною силою высшаго могущества, которая заключается въ одномъ словѣ: дисциплина.

Увеличеніе численности войска дѣлаетъ дисциплину необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь; только при ней можно этимъ пользоваться, такъ какъ она даетъ средства достигнуть успѣха, не тратя напрасно усилій.

Военное воспитаніе клонится вообще къ внушенію дисциплины. Всѣ военныя обязанности ограничиваются послушаніемъ. Въ самомъ

дѣлѣ, послушаніе заключаетъ въ себѣ все: оно одно равняетъ характеръ солдата.

Носить мундиръ, владѣть оружіемъ, всадить пулю въ цѣль, выказать храбрость,—это дѣло милиціонера настолько же, какъ и солдата; между тѣмъ владѣть военнымъ духомъ, храбростью воина—это другое дѣло; и этого не бываетъ у милиціи. Кто не былъ наученъ, образованъ, воспитанъ спеціально, тотъ не можетъ имѣть гибкости воли, необходимой для сплочиванія, ни самоотверженія, подымающаго на высоту трудныхъ испытаній и составляющаго величайшую силу надежныхъ армій, способныхъ къ великой борьбѣ.

Необходимо остановиться на этомъ вопросѣ.

Войско можетъ исполнять на полѣ битвы только тѣ движенія, къ которымъ оно пріучено частыми упражненіями, которыя перешли, какъ говорится, въ плоть и кровь людей, сдѣлались для нихъ въ нѣкоторомъ родѣ второй природой, и исполняются по слову извѣстныхъ начальниковъ. Когда эти условія существуютъ, въ самые критическіе часы все сглаживается: опасность, страхъ, усталость, изнеможеніе,—все изчезаетъ, кромѣ голоса команды, привычное дѣйствіе которой продолжаетъ властвовать и увлекать.

Это свойство войскъ обученныхъ. Милиціи, естественно, не соединяютъ этихъ необходимыхъ условій, происходящихъ исключительно изъ спеціальнаго образованія и продолжительнаго увлеченія. У нихъ столько же храбрости, какъ у солдатъ, иногда даже болѣе увлеченія; однако, они не сравняются въ надежности. При первомъ столкновеніи, они способны на большую отвагу, но скоро имъ не хватаетъ упорства и настойчивости; это заставило Клаузевица сказать:

„Милиціи ведутъ себя въ сра„женіе, какъ войско низшаго каче„ства; у нихъ бываютъ сильные „порывы, но ихъ хладнокровіе и „упорство скоро истощаются“. (Том. II, стр. 288).

Это вина не ихъ, а самого учрежденія. Онѣ имѣютъ видъ войскъ, не имѣя ихъ содержанія. Масса удерживаетъ массу, пока обстоятельства благопріятствуютъ; чуть произойдетъ какой-нибудь случай, окажется какая-нибудь трещина, поколеблемое цѣлое распадется на части съ печальною быстротой.

Милиціи не имѣютъ и не могутъ имѣть соединенія всѣхъ качествъ,

нравственныхъ свойствъ, техническихъ знаній, дисциплины, солидарности, составляющихъ военную доблесть, или, если хотите, милитаризмъ. А это именно и есть самая сущность солдата.

XXXVII.

Недостатокъ духа части (l'esprit de corps) у милиціи и у всѣхъ импровизированныхъ воиновъ.

Техническаго совершенства и профессіональнаго искусства, конечно, недостаетъ милиціямъ. Въ особенности, онѣ лишены воинскаго духа, соединяющаго людей, и черезъ это именно, онѣ остаются импровизированными воинами.

Очень важно не смѣшивать военную доблесть—милитаризмъ съ воинственными стремленіями. Въ этомъ легко ошибиться. Судя по внѣшности, можно принять за военную доблесть немного искусственное возбужденіе импровизированныхъ армій. Разница между ними узнается по недостатку связи между людьми, по отсутствію связи между отдѣльными личностями, происходящимъ изъ отсутствія сословнаго духа (l'esprit de corps). Эту громадную порождающую довѣріе и солидарность силу, невозможно найти въ милиціи, а между тѣмъ при отсутствіи ихъ, трудно серьезно вести войну.

Въ минуты національнаго кризиса, особенно при переворотахъ, прославляли генераловъ и администраторовъ, которые въ нѣсколько дней вооружали, одѣвали, экипировали новый наборъ, назначали неподготовленныхъ офицеровъ и формировали армію или, по крайней мѣрѣ, сборъ вооруженныхъ людей. Извѣстна печальная участь этихъ послѣднихъ созданій, существованіе которыхъ было такъ кратковременно.

Перестраиваютъ матеріальную часть, собираютъ людей, составляютъ собранія, называютъ ихъ: полкъ, дивизія, армейскій корпусъ. Все это устраиваютъ безъ большихъ трудовъ и довольно скоро; это дѣло хорошо знакомое. Во Франціи много разъ такъ поступали; этому учитъ насъ опытъ. Онъ учитъ также тому, что результаты каждый разъ были посредственные.

Можно имѣть милиціонеровъ съ доброю волею и совершеннымъ недостаткомъ военныхъ способностей. На ихъ счетъ можно сказать, что когда то писалъ Лану о своихъ рекрутахъ: „Нѣкоторые „называютъ себя военными (gens

d'armes), другіе стрѣлками, но солдатъ мало", т. е. настоящихъ воиновъ.

Чего существенно недостаетъ этимъ быстро составленнымъ учрежденіямъ,—это духа части, солидарности, дисциплины. Духъ части является черезъ продолжительное время. Изчезаетъ же онъ скоро, въ особенности когда надъ нимъ смѣются и подкапываютъ его на всѣ лады. Разъ исчезнувъ, онъ съ трудомъ возвращается.

Можетъ быть, исчезновеніе его есть одинъ изъ печальныхъ законовъ будущаго. Тѣмъ хуже. Тогда исчезаетъ драгоцѣнный элементъ силы. Было бы разумно сохранить его возможно дольше; сохранить, по крайней мѣрѣ, равенство въ отношеніи къ другимъ націямъ; поддерживать его еще, если бы даже онъ ослабѣлъ въ другихъ мѣстахъ, чтобы получить отъ него нѣкоторое превосходство, и, въ виду этихъ причинъ, избѣгать добровольнаго уменьшенія его посредствомъ опороченія столь противнаго національному интересу.

Болѣе чѣмъ доказано, что нашъ способъ набора и наша организація не особенно стремятся усилить духъ части.

Въ Германіи онъ сохраняется довольно хорошо, благодаря мѣстному набору. Духъ округа, кантона, деревни соединяетъ людей одного полка, развиваетъ или замѣняетъ духъ части.

Очень жаль, что во Франціи не принимаютъ подобныхъ мѣръ вообще, а также не становятся на подобную точку врѣнія при военныхъ организаціяхъ. Слѣдовало бы стремиться группировать населеніе, а не разсѣевать его. Сводные полки, такъ часто употреблявшіеся прежде,—была отвратительная вещь; смѣшанные полки, устраиваемые теперь, составляютъ также печальный изворотъ, но не рѣшеніе.

Тѣ, кто восхваляетъ эти нераціональныя учрежденія, желаютъ, однако видѣть въ нихъ духъ части. Въ этомъ недостатокъ логики, невозможность результата, хотя есть признаніе насущнаго правила.

Духъ частей есть одна изъ самыхъ важныхъ нравственныхъ силъ на войнѣ. Онъ поднимаетъ на очень высокій уровень храбрость войскъ, онъ допускаетъ чудеса храбрости, самоотверженія, бодрости, настойчивости, презрѣнія опасности, безъ которыхъ лучшіе полководцы не могли бы довести до благополучнаго конца своихъ лучшихъ замысловъ.

Настоящая опасность въ томъ, чтобы пагубное чувство равенства не убило этого духа, столь дорогого и обильнаго великими дѣлами. Трудно понять нападки, цѣлью которыхъ онъ служитъ.

Духъ части—значительная сила, ничего не стоющая казнѣ. Ничего нѣтъ болѣе экономическаго. Зачѣмъ добровольно лишаться ее? Она состоитъ изъ одного чувства и заслуживаетъ почетъ и уваженіе. Почитать ее, увеличивать—будетъ патріотическимъ дѣломъ. Кто старается его уничтожить, очень виноватъ. Это потеря незамѣнимая, т. к. нечего поставить на ее мѣсто.

Желая оправдаться, публицисты, нападающіе, ссылаются на принципы, т. е. доказательства особенныя или пустыя. Они смотрятъ на духъ части, какъ на пополняющую часть милитаризма, какъ на самое его основаніе. Однако, бываетъ, что духъ корпораціи одушевляетъ людей одной профессіи; артисты или рудокопы, литераторы или обойщики основательно сознаютъ себя солидарными другъ съ другомъ.

Поэтому критиковать это чувство у военныхъ—явная ошибка и нѣкоторые писатели сознали ее. Вотъ какъ выражается одинъ изъ нихъ:

„Духъ части,—я его раздѣлялъ въ „продолженіи всей моей пяти-лѣт- „ней службы, но со времени моего „освобожденія, съ помощью Пари- „жа и литературы, я вспоминалъ „о немъ только для того, чтобы „посмѣяться надъ своими юношес- „кими увлеченіями, когда, сдѣлав- „шись корреспондентомъ „Фигаро„ „изъ Тонкина, я понялъ, двигателемъ „какого героизма былъ этотъ пред- „разсудокъ.—И я былъ недоволенъ „собою за свои насмѣшки надъ „этою силою".—(Поль Боннетенъ).

Какая прекрасная и почтенная поправка! Какъ она пріятна сердцу! Вѣроятно, многіе такъ думаютъ, но не многіе имѣютъ смѣлость заявить это громко.

Войска доходятъ до высшей степени храбрости только благодаря нравственному состоянію. За недостатками сословнаго духа, въ разныя эпохи пробовали замѣнить его природными національными свойствами, живыми страстями, иначе сказать энтузіазмомъ. Ошибка была очевидная. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, какъ на прекрасное дополнительное средство, ему приписали цѣнность, имѣющую особое значеніе, существенную, положительную, которой онъ далеко не имѣетъ.

Въ прошедшемъ ошибались; опытъ не открылъ глазъ и теперь еще раздѣляютъ эти ошибочныя мысли. Нашъ характеръ имѣетъ свои хорошія стороны; но въ немъ есть не мало очень посредственныхъ. Заблужденіе раздражаетъ его тщеславіе; не хотятъ допустить, чтобы пораженіе было слѣдствіемъ временнаго низшаго состоянія войска. Если дѣла плохо шли, то это чьянибудь ошибка, и общество никогда не вѣритъ тому, что оно само виновато.

Неподготовленные воины всегда имѣютъ этотъ недостатокъ; при первой неудачѣ они кричатъ о неспособности; объ измѣнѣ. Они не допускаютъ ошибки. Прежде гильотинировали полководцевъ, допустившихъ пораженіе, какъ будто такія вещи дѣлаются нарочно; какъ будто желаютъ обезчестить себя на зло своему правительству,—и однако этимъ глупостямъ и теперь не меньше довѣряютъ.

Основываясь на старинныхъ легендахъ, часто преувеличенныхъ или невѣрныхъ, воображаютъ, что въ извѣстное время будущія милиціи воодушевятся по-прежнему и ихъ патріотическій энтузіазмъ замѣнитъ имъ недостающія военныя качества. Наше отечество представило много прекрасныхъ примѣровъ этого. Во время войны галловъ, чувство національной независимости взволновало всю страну; во время крестовыхъ походовъ религіозная вѣра увлекала толпы; съ Жанною Д, Аркъ ужасъ къ иноземцамъ овладѣвалъ всею Франціею; 100 лѣтъ назадъ страсть къ свободѣ гальванизировала всѣ сердца.

Возвратятся ли періоды энтузіазма? Это сомнительно. Несмотря на значительныя заблужденія, многія умѣренныя люди допускаютъ еще эти великодушные порывы, эти блестящія заявленія и вѣрятъ въ ихъ осуществленіе. Преданіе позволяетъ вѣрить этому; исторія же дѣйствительная, безпристрастная, заставляетъ отказываться отъ этого, если желаютъ остаться на практической почвѣ.

Движенія высочайшаго возбужденія порождали замѣчательное самоотверженіе и произвели нѣсколько блестящихъ побѣдъ. Въ концѣже онѣ всегда заключались разореніемъ отечества,—во времена Венцингерторикса, въ концѣ прошлаго вѣка, какъ въ 1870—1871. гг.

Часто указывали на эти факты, не убѣждая ни-кого; въ общемъ обращаются къ людямъ, которые не хотятъ быть убѣжденными.

Энтузіазмъ есть огонь соломы пылающій и быстро потухающій. Сила мгновенная, безъ прочности. Такія импровизированныя войска, полныя увлеченія, въ день битвы, скоро послѣ того отказываются идти или перейти за границу. Дюмурье особенно испыталъ это въ бельгійскомъ походѣ. Такъ точно во Франціи недавно спорили о томъ, имѣютъ ли право посылать территоріальныя войска за границу территоріи; слѣдовательно, было ли законно вводить ихъ въ первую линію. Этотъ симптомъ не слишкомъ успокоителенъ.

Съ другой стороны, все такъ измѣнилось, что нельзя изъ прошлаго вывести предсказаніе для будущаго. Любятъ припоминать преданіе о волонтерахъ революціи, преданіе, какъ всѣ знаютъ, чрезмѣрно преувеличенное.

Эти тысячи людей, которые временно подчинились требованію, не имѣли ни обученія, ни военнаго воспитанія, не умѣли сначала ничего дѣлать. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ эти импровизированныя милиціи испытывали постоянныя неудачи, которыхъ не искупили нѣсколько мимолетныхъ успѣховъ. Онѣ дорого заплатили за свое ученіе.

Однако, это были добровольцы, имѣвшіе патріотическую вѣру, энтузіазмъ. Эта категорія болѣе не будетъ существовать.

Въ вооруженныхъ націяхъ, всякій здоровый человѣкъ до 45 лѣтъ будетъ воинъ, милиціонеръ. Добровольца можно было-бы встрѣтить только между людьми зрѣлыхъ лѣтъ, переѣдшими границу возраста и поступившими въ ряды по своему желанію. Они, конечно, будутъ въ небольшемъ числѣ и составятъ исключеніе.

Можетъ-ли энтузіазмъ, одушевлявшій нѣкогда добровольцевъ, овладѣть въ такой же степени милиціонерами, правильно созываемыми на мобилизаціи. Это мало вѣроятно, ихъ настроеніе совершено различно.

Доброволецъ поступилъ подъ вліяніемъ возвышеннаго чувства. Милиціонеръ будетъ руководствоваться приказомъ о сборѣ. Тотъ великодушно спѣшитъ на помощь отечеству въ опасности, этотъ будетъ слушаться предписаній закона. Первый является свободно, второй придетъ по принужденію и насильно.

Свобода, вещь нѣкогда новая, согрѣвала сердца, очаровывала воображеніе, увлекала молодежь. Этотъ страстный жаръ попятенъ и

объяснимъ; однако, тѣ, которые были заражены имъ, не составляли большинства.

Знаменитый генералъ Гиберъ предвидѣлъ это, когда писалъ: „Любовь „къ свободѣ, возвышая народъ выше „себя самаго, можетъ замѣнить „всѣ тонкости искусства и дисциплину, расхваляемыя военными „людьми... Это чувство, которое „дѣлаетъ иногда героями отдѣльныхъ людей, для толпы средство „менѣе надежное, чѣмъ дисциплина.“

Это мнѣніе не замедлило оправдаться. Добровольцы 1791 и 1792 гг. явились въ небольшомъ количествѣ и охотно вернулись въ большемъ числѣ.

Видно, къ чему ихъ тогда приводило увлеченіе; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Такое явленіе замѣчается у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Энтузіазмъ не имѣетъ силы составить армію; нужно, какъ говоритъ Гиберъ, употребить средства болѣе дѣйствительныя и продолжительныя.

Онѣ теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо. Возбужденіе труднѣе вызвать въ эпохи реализма, разслабленія, скептицизма. Великіе голоса Петра Пустынника или Камила Демулена не заставляли бы трепетать сердца. Теперь стали болѣе положительны, менѣе доступны возвышеннымъ порывамъ.

Патріотизмъ, чудный двигатель, чистое пламя рѣшительно отрицается интернаціоналистами. Другіе дѣлаютъ изъ него политическій вопросъ, хвастаются имъ, распространяютъ, подгоняютъ его ко мнѣніямъ, ко всѣмъ случайностямъ, превращаютъ его въ рекламу, а не въ вѣру. Вслѣдствіе этого онъ уменьшается, тощаетъ, у него отнимается обаяніе; у молодыхъ людей онъ дѣлается только покровомъ, „respectabilité“—не болѣе.

Понятый и употребляемый такимъ образомъ, какъ знамя, онъ теряетъ часть уваженія и главную часть своей волшебной силы. Расчитывать на него въ будущемъ, чтобы вызвать взрывъ энтузіазма, значитъ стать на ложный путь... Предполагая даже, что онъ равенъ по силѣ прошлому, его одного не хватитъ, чтобы доставить военную силу, необходимую для того, чтобы съ успѣхомъ выдержать будущія войны.

Условія войны перенесли огромныя измѣненія. Новые снаряды, усовершенствованіе оружія даютъ болѣе вліянія организаціи, механизму, пріемамъ и уменьшаютъ

въ извѣстной степени долю, почти исключительно предоставленную порыву, увлеченію, неустрашимости.

Еще недавно воспламенялись при видѣ приближающагося непріятеля, раздвигающаго полки, устроивающаго ряды для нападенія. При этомъ въ нѣкоторомъ родѣ возбужденіи, вызовѣ чувствовалось сильнѣйшее желаніе бѣжать навстрѣчу; иногда трудно было умѣрить нетерпѣніе войскъ. Всѣ страшныя стихіи шли въ дѣло, и если нельзя было вызывать противника, на манеръ героевъ Гомера, по крайней мѣрѣ, его различали, его пожирали взглядомъ, искали подходящаго мѣста для нападенія или удара. Возможность встрѣчъ лицомъ къ лицу поощряла смѣлость и личную храбрость.

Борьба принимала характеръ нравственнаго величія отъ личной дѣятельности, отъ неожиданнаго увлеченія. Въ этомъ высокомъ и и поэтичномъ поединкѣ встрѣчались лицомъ къ лицу, бились въ открытую. Это было хорошее время; черты героизма множились, хотя онѣ не всѣ прославлялись—этого не доставало.

Теперь не совсѣмъ такъ. Положеніе вещей значительно измѣнилось. Машины матеріализировали войну; слѣпыя силы заняли мѣста въ ущербъ силамъ разумнымъ. Теперь сражающемуся нужна громадная и стоическая энергія, чтобы нападать на невидимаго, чтобъ столковаться съ таинственнымъ противникомъ. Неизвѣстную опасность труднѣе перенесть, чѣмъ извѣстную. Сраженіе на далекомъ разстояніи требуетъ рѣшительности и дисциплины болѣе, чѣмъ прежде.

Артиллерія и новѣйшее ружье, сильныя дальностью и мѣткостью выстрѣла, шлютъ смерть раньше появленія непріятеля. Какъ при громовомъ ударѣ, ударъ чувствуется раньше, чѣмъ увидишь молнію. Можетъ быть, скоро броневыя башни, привезенныя на поле битвы, будутъ поражать навѣрняка; военныя машины, возобновленныя изъ древности механизмы борьбы—побѣдители безъ славы, вѣчныя угрозы.

Оврагъ, лѣсъ, ровъ, заборъ, гдѣ ничего не видно, можетъ быть, скрываютъ эти приборы безъ шума, безъ дыма, безъ свѣта. Все становится тайною и неизвѣстностью. Чувствуютъ удары, и не знаютъ даже, откуда они. Машина одержала верхъ надъ храбростью. Граната, воздушная торпеда, залповый огонь хлещутъ по землѣ и косятъ не-

опытныя войска, какъ порывъ вѣтра опрокидываетъ колосья спѣлой ржи.

Въ этихъ обстоятельствахъ безсиліе милиціи очевидно. Увлеченная сначала, она выказываетъ много храбрости въ нападеніи, потомъ ихъ хладнокровіе и настойчивость скоро истощаются. Впечатлительность, нервность займутъ мѣсто разсудка. За недостаткомъ довѣрія другъ къ другу, составныя части распадутся, онѣ ослабѣютъ частью даже безъ серьезнаго повода.

Милиціи или вооруженныя народности проявили въ нѣкоторыхъ случаяхъ личную инициативу въ мѣстностяхъ, очень пересѣченныхъ, гдѣ разбросанность соотвѣтствуетъ ихъ врожденнымъ качествамъ. При другихъ обстоятельствахъ онѣ не могутъ хорошо выдержать. Имъ недостаетъ элементарныхъ свѣдѣній о войнѣ; у нихъ не хватаетъ профессіональной ловкости; онѣ не знаютъ техническихъ условій, уменьшающихъ опасность или увеличивающихъ выгоды мѣстности. Онѣ, наконецъ, лишены необходимыхъ качествъ для дѣйствія массою, и часто бываютъ скорѣе вредными, чѣмъ полезными при подобномъ употребленіи.

Будучи силами вспомогательными, часто полезными въ соединеніи съ регулярными войсками, онѣ плохо держатся на мѣстѣ, оставаясь однѣ. Есть много примѣровъ, когда возставшія народности при встрѣчѣ съ непріятелемъ показывали то энергію, то слабость.

Какъ средство большаго стратегическаго сопротивленія, употребляемыя для отвлеченія и въ разсыпномъ строю, милиціи рѣдко показывали настоящую энергію въ правильномъ бою. Нѣсколько блистательныхъ случаевъ въ войнѣ иногда проявляли ихъ героизмъ; обыкновенное же ихъ поведеніе показывало, что военныя дѣйствія остаются всегда сомнительными съ импровизированными силами, съ милиціями, недавно созванными.

Война 1870—1871 гг. снова доказала ненадежность свѣжихъ наборовъ. Какъ въ 1792г., уничтоженіе регулярной арміи заставило прибѣгнуть къ силамъ, болѣе или менѣе перегулярнымъ; плохо снабженныя, плохо организованныя и еще хуже употребляемыя, онѣ въ результатѣ выдержали рядъ пораженій, между которыми встрѣчаются и прекрасныя военныя дѣла.

Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ, побѣжденная Франція не потеряла ни надежды, ни му-

жества; она пробовала продолжать борьбу; ея постоянство вызывало удивленіе, доставило ей уваженіе и почетъ, но не могло вернуть побѣды. Усилія ее были, конечно столь же значительны, какъ въ 1792 г.; хотя они спасли честь страны, но не спасли ее отъ нашествія.

Можно бы и слѣдовало бы изъ этихъ событій вывести полезныя заключенія и признать, что безъ основательно устроенной арміи нечего надѣяться на успѣхъ войны.

Выводы оказались противоположны. Общественное мнѣніе заблуждалось. Воспоминанія опередили сужденія. Многіе были мобилями, мобилизованными національными гвардейцами, волонтерами и пр. Часть была въ походѣ и даже въ сраженіи. Всѣ считали, что они были солдатами, и воображали, что дѣлали дѣло лучше, чѣмъ регулярная армія. Объ этомъ писали, прославляли на всѣ лады, каждый серьезно воображалъ, что покрылъ себя славою. Ихъ усердіе извиняетъ ихъ, но не можетъ измѣнить правды.

Мало пріятно слышать ее и еще менѣе—говорить. Между тѣмъ, это обязанность, которую нужно исполнить, и услуга, которую нужно оказать. Теперь роли измѣнились, перемѣшались, какъ бываетъ обыкновенно въ смутное время.

Политики захватили управленіе всѣми дѣлами, вмѣсто генераловъ. Ихъ безчисленные промахи неудивительны. Не зная работы, которую они на себя брали, они естественно плохо исполняли ее.

Нѣсколько настоящихъ офицеровъ, которыми они еще располагали, были выпровожены или подчинены другимъ. За то адмиралы распоряжались дивизіями и корпусами; бывшіе префекты, журналисты, командовали полками и устраивали новые наборы.

Склоность къ иррегулярнымъ полкамъ высказалась въ большомъ размѣрѣ. Вольные полки умножились. Добровольцы явились туда въ большомъ количествѣ. Тамъ они находили извѣстную свободу, почти распущенность, потому что ихъ выборные начальники принуждены были терпѣть слабую дисциплину.

Во главѣ большихъ полковъ всѣхъ сортовъ и названій фигурировали судьи, инженеры, профессора, промышленники, собственники; военныхъ тамъ не желали имѣть. Храбрости и уваженія было довольно, но профессіональныхъ знаній и дисциплины было мало.

Импровизированные начальники

плохо исполняли обязанность, которой они не понимали, они потратили безполезно труды и ревность своихъ войскъ, по неумѣнію ихъ употребить.

Это не хотѣли признавать въ то время, когда царствовало еще волненіе пережитыхъ происшествій. Даже теперь, когда всѣ успокоились, и, вопреки очевидности, не желаютъ признаться въ этомъ, всѣ люди, болѣе или менѣе участвовавшіе въ ошибкахъ національной обороны имѣли и теперь имѣютъ интересъ въ томъ, чтобы въ этомъ не сознаться.

Извѣстный писатель справедливо сказалъ: „Никогда не высказывали „столько ложныхъ идей, не фабриковали столько ложныхъ легендъ, „какъ о войнѣ 1870 г.“. (Жюль Ришаръ).

Въ извѣстныя времена не удивительно видѣть столько затуманившихся головъ, столько заблуждающихся умовъ. Это обыкновенный результатъ великихъ потрясеній. Интересъ къ національному прославленію повелъ къ возвеличенію болѣе или менѣе дѣйствительныхъ добровольцевъ 1870—1871 гг., какъ возвеличили болѣе или менѣе дѣйствительныхъ добровольцевъ 1792—1793 гг. Легенда составилась о послѣднихъ, какъ и о первыхъ, и ничего такъ не трудно уничтожить, какъ эти легенды, проникшія національное чувство. Оспаривать ихъ кажется антипатріотическимъ.

Теперь истина хорошо извѣстна, и будетъ услугой отечеству напоминать о ней, чтобы помѣшать ей опять впасть въ нее.

Апоѳеозъ волонтеровъ побуждаетъ считать армію безполезной. Иные считаютъ ее устарѣлымъ учрежденіемъ, не имѣющимъ мѣста въ соціальномъ порядкѣ будущаго. По ихъ мнѣнію, одна милиція есть „конецъ вѣка“. Она особенно удобна, освобождаетъ отъ обязательной службы и стоитъ мало денегъ.

Страшный доводъ можно противопоставить этому. Милиція—это уменьшеніе военнаго могущества страны, если не полное его уничтоженіе.

Граждане, призываемые къ оружію, приносятъ въ армію не однѣ патріотическія идеи. Избиратели, привыкшіе къ спорамъ, къ критикѣ, они придутъ съ идеями соціальными, политическими, интернаціональными.

Можно надѣяться, что энтузіазмъ проявится, гальванизація сердецъ будетъ, конечно, сильная, но если они не достигнутъ необходимой высоты, основанія нравственной си-

лы будутъ неполныя. Въ тоже время недостатокъ привычки къ дисциплинѣ, сомнительная солидарность, пониженіе профессіональныхъ знаній,—не остается почти ничего. Количество войскъ останется прежнее, но, при условіи значительнаго уменьшенія качествъ войскъ, противопоставленныхъ непріятелю.

Это очевидно; но не смотря на это, можно было еще въ этомъ году прочесть слѣдующее: „Мобили, „которые такъ храбро исполняли „свой долгъ, которые такъ хорошо „сопротивлялись закаленнымъ слу„жакамъ Вильгельма, не показыва„ли-ли намъ, что для того, чтобы „противиться непріятелю, побѣ„дить его съ успѣхомъ, наши мо„лодые французы не нуждаются и „не будутъ нуждаться, если пона„добится въ томъ, чтобы провести „три лучшіе года своей жизни въ „казармахъ?“

Серьезно ли это? Не похоже. Когда узнаемъ, что происходитъ по ту сторону границы,—наличныя силы, болѣе и болѣе многочисленныя, лучше обученныя, угрожающія у нашихъ воротъ, постоянно усиливающіяся, готовыя, такъ сказать, броситься на нашу страну,—то спрашиваемъ себя, какой злой рокъ побуждаетъ нашихъ писателей требовать для насъ обратное положеніе.

Представляетъ значительную опасность противопоставить непріятелю, вполнѣ вооруженному, импровизированныя войска, имѣющія за собою только мужество и энтузіазмъ. Это напоминало бы прежнія шайки пѣхоты, идущія на убой противъ рыцарей, закованныхъ въ желѣзо.

Будущій поединокъ арміи требуетъ не только равнаго числа; нужна еще одинаковая способность въ сраженіи; дисциплина и покорность въ трудныхъ работахъ военнаго дѣла, доводящаго утомленіе и лишеніе до послѣдней крайности.

Кто думаетъ, что импровизированныя войска, добровольцы или милиціонеры, безъ военнаго воспитанія, выдержатъ подобное нравственное напряженіе,—тотъ ошибается. Они никогда этого не дѣлали. Исторія напоминаетъ, что во всѣ времена, энтузіазмъ не могъ замѣнить технической способности.

Большая разница дѣйствовать мужественно на полѣ битвы или выдержать войну. Первое—дѣло минуты, второе—долгій промежутокъ времени. Настойчивость—дѣло солдата, но не милиціи.

Присяга при знамени есть вѣрный критерій дисциплинированныхъ войскъ. Если вечеромъ всѣ на мѣстѣ, это войско. Если-же является разбросанность, если люди потерялись, остались въ дорогѣ, зашли въ какіе-нибудь дома,—это милиція.

Тѣ, кто искренне говоритъ о войнѣ 1870 г., соглашается съ этимъ. Они вспоминаютъ всѣ эти прискорбные факты, имѣвшіе мѣсто еще у первыхъ волонтеровъ революціи. Можетъ ли это внушать довѣріе? Конечно, нѣтъ. Милиціи 1870 г., съ избыткомъ доказали, что онѣ не могли бороться съ успѣхомъ противъ войскъ; милиціи будущаго будутъ въ такомъ же положеніи, если, по несчастью, придется еще къ нимъ прибѣгнуть.

Однѣ и тѣ же причины приводятъ къ одинаковымъ результатамъ. Поэтому во всѣ времена милиціи осуждали. Монтекуккули говорилъ очень основательно: „Цѣль войны— „побѣдить непріятеля въ походѣ и „выиграть сраженіе. Такъ какъ „трудно выиграть его, то не бла„горазумно даже рѣшиться на не„го съ новыми войсками, которые „не были ни дисциплинированны, ни „закалены“. („О войнѣ“).

XXXXIII.

Чтобы побѣдить противника, надо его стоить.

Римскій народъ, такъ часто бывшій побѣдителемъ, въ началѣ не пропускалъ никогда случая послѣ похода перенять какое-нибудь оружіе или обычай отъ своихъ противниковъ, храбрость которыхъ онъ испыталъ. Теперь, кажется, нѣкоторые писатели проповѣдуютъ обратную систему, и требуютъ у насъ воспрещенія того, что составляетъ силу въ нашихъ сосѣдяхъ.

Мужество и самоотверженіе не восполняютъ недостаточности подготовки войскъ, ни малой пригодности кадровъ. Можно иногда быстро создать солдатъ, но никакъ не хорошихъ начальниковъ. А гдѣ недостаетъ начальника, недостаетъ всего. Энтузіазмъ милиціи рѣдко выполняетъ неравенство ихъ направленія. Вліяніе его было меньше во времена ограниченныхъ армій и простѣйшихъ дѣйствій. Поэтому позволительно утверждать, что во время будущихъ войнъ, успѣхъ сраженій будетъ преимущественно зависѣть отъ полководцевъ.

Средство привести въ исполненіе замыслы вождя, это дисциплина, а она существуетъ только въ

войскахъ устроенныхъ и обученныхъ. Количество не все. Это только одно изъ качествъ, а храбрость людей составляетъ еще важнѣйшее.

Мы знаемъ, какъ въ этомъ отношеніи были слабы созданія роковой войны. Этотъ урокъ не долженъ быть потерянъ для насъ, и онъ дополняется, и знаніе увеличивается повторными усиліями нашихъ сосѣдей. Они намъ предъявляютъ самый драгоцѣнный примѣръ, такъ какъ они научились у нашихъ учителей, и съумѣли приложить эту науку весьма рѣшительно.

Нѣмцы знаютъ, что чѣмъ толпа больше—тѣмъ хуже. Они сознаютъ, что при всѣхъ усиліяхъ они не могутъ достичь того, чтобы сформировать и обучить ее настолько, сколько это необходимо для первоначальныхъ дѣйствій войны. Это соображеніе заставило ихъ давно измѣнить ихъ систему и возвратиться къ древней французской арміи первой линіи и резервовъ.

Въ 1870 году, они дѣйствовали съ крайней осторожностью, мобилизовались медленно и не начинали дѣйствій до прибытія резервитовъ. Мнѣнія ихъ теперь совсѣмъ измѣнились, очевидно, въ виду количества людей, доставляемыхъ обязательною службой, обученіе которыхъ по-неволѣ оказывается недостаточнымъ.

Способъ развивать дѣйствующія силы быстрымъ сборомъ лучшей части резервистовъ, имѣетъ довольно ограниченные предѣлы. Мольтке совѣтывалъ для военнаго положенія половину солдатъ, половину резервистовъ. Онъ думалъ, что эта пропорція дастъ войска надежныя, и доказательства тому были въ 1870 году.

Мало по малу, нѣмцы нашли это отношеніе слишкомъ большимъ въ будущемъ и они не переставали его сокращать. Чѣмъ больше данная единица содержитъ резервистовъ, тѣмъ болѣе уменьшается цѣнность ея; идеаломъ было бы не имѣть ихъ сначала вовсе. Они постепенно увеличили наличныя силы мирнаго времени, особенно на границахъ, такимъ образомъ, чтобъ не имѣть нужды созывать болѣе двухъ пятыхъ резервистовъ, потомъ только четверть и даже одну пятую.

Развивая эту мысль, они дошли до уничтоженія резервистовъ въ арміи начинающей или нападающей. Необходимость быстро дѣйствовать заставляетъ ихъ уничтожать всѣ причины замедленія. Ожиданіе резервистовъ есть одна изъ тако-

выхъ необходимостей; посвятить несколько дней только для ихъ устройства—другая. Уничтоживъ эти двѣ причины, можно быть готовымъ къ дѣйствію съ самаго начала. Войска, правда, будутъ менѣе многочисленны, но ихъ достоинство будетъ выше.

Съ этою цѣлью они устроили недавно 173 полубаталіона, сокративъ срокъ дѣйствительной службы до двухъ лѣтъ, чтобы не увеличивать бюджетъ. Недавно они соединили ихъ по два и передѣлали ихъ въ 86 баталіоновъ, составляющихъ новые полки, что увеличиваетъ общую силу арміи на четыре армейскихъ корпуса.

Нѣмцы не скрываютъ этого. Ихъ военный министръ сказалъ въ прошломъ году, въ рейхстагѣ, безъ обиняковъ.

„Полевыя войска слѣдуетъ устраивать сильнѣе всѣхъ и особенно ту часть полевой арміи, которая призвана нанести первый ударъ въ случаѣ войны.... Полевая армія первой линіи, которая призвана давать сраженія, есть и должна оставаться арміей мирнаго времени, но постоянно мобилизованной.

„Резервныя войска, вновь сформированныя, не отборное войско; я полагаю, что нужно дважды подумать прежде, чѣмъ рѣшиться поставить ихъ въ первую линію при началѣ войны. Онѣ могутъ имѣть очень красивую внѣшность; но онѣ вначалѣ неспособны перенести столкновенія и сильныя потрясенія. . . . . .

. . . . . .

„Войско, вновь сформированное, слабая завязь котораго была въ мирное время предпочтительнѣе другого, вполнѣ новаго, но она все тамъ будетъ низшаго качества и не можетъ сравниться съ войскомъ существующимъ и въ мирное время, когда будутъ мобилизовать, исходя изъ дѣйствительнаго его достоинства“. . . . . .

. . . . . .

Нѣмецкій министръ кончаетъ такъ:

„Единственное средство увеличить дѣйствующую силу полевой арміи состоитъ въ увеличиваніи наличныхъ силъ въ мирное время, практически нѣтъ никакого усиливанія при помѣщеніи рядомъ организаціи уже существующія и вновь сформированныя въ началѣ войны, чтобы послать ихъ рядомъ противъ непріятеля“.

Мысль очень ясна. Нѣмцы хотятъ начать походъ безотлагательно, съ арміей мирнаго времени,

хорошо обученною, значительною и сопровождаемою резервами. Они остерегаются смѣшивать категоріи.

Они предвидятъ въ будущей войнѣ двѣ фазы. Дѣйствовать безотлагательно съ постоянною арміею, всегда готовой, и фазу — сложить противодѣйствіе непріятеля. Послѣ этого явятся резервы, разширятъ дѣйствія. Не откладывая, пустятъ въ ходъ войска лучшаго качества, не смѣшивая съ резервистами; потомъ употребятъ массу.

Стало быть, мысль состоитъ въ употребленіи постоянной дѣйствующей арміи для того, чтобы броситься немедленно на противника, сдѣлать прорывъ и провести вслѣдъ затѣмъ резервы, чтобы его увеличить и усилить дѣйствіе перваго удара.

Значеніе времени огромно. Атаковать немедленно съ хорошими готовыми войсками, ничего не ожидая въ первую минуту. Вторженіе внезапное и могучее, таковъ планъ, установленный и представленный парламенту. Никакого сомнѣнія быть не можетъ.

Съ такою силою, обученною и подготовленною, придется столкнуться въ случаѣ будущей войны. Возможно ли это съ добровольцами или милиціями? Нѣтъ, конечно. Въ теперешнемъ положеніи міра это было бы самоубійствомъ.

Очевидность поражаетъ всѣхъ, даже самыхъ миролюбивыхъ. Такъ что, отвергая милитаризмъ, оцѣнщики братства народовъ все-таки не прочь имѣть сильную армію. Они иногда думаютъ о достоинствѣ, о чести родины; они сознаютъ ея историческое величіе; они знаютъ необходимую роль, которую ея прошедшее предписываетъ ей въ будущемъ, и считаютъ долгомъ никогда отъ нея не отказываться.

Послѣ этихъ прекрасныхъ словъ, этого взрыва высшихъ чувствъ, ожидаешь, что будутъ поддерживать, восхвалять армію, необходимую для этого. Ничуть не бывало; тѣ же люди возстаютъ противъ милитаризма,—странная непослѣдовательность. Они, какъ будто, гордятся арміею и стараются отнять у нея военный духъ, составляющій ея силу. Они не хотятъ арміи и подаютъ голосъ за милицію. Это значитъ—принять идею соціалистическую, преслѣдовать разомъ двѣ несовмѣстимыя идеи.

Кто надѣется сопротивляться фразами положительнымъ народамъ, тотъ сильно ошибается. Распространяя подобныя мысли, идешь не по пути расплаты, но по пути разоренія

Нельзя довольствоваться словами. Кто хочетъ видѣть конецъ, тотъ хочетъ и средствъ. Поддерживать мысль о полномъ подъемѣ страны, надежду на будущее исправленіе нашихъ бѣдствій возвращеніемъ нашихъ отдѣльныхъ провинцій, это очень хорошо, отлично. Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ показать, какъ можно этого достичь, указать жертвы, на которыя нужно согласиться, усилія, нужныя для достиженія; настаивать, чтобы поступали лучше сосѣда, чтобы быть наравнѣ съ нимъ въ будущихъ войнахъ.

Представляются два способа, совершенно противоположные, и почти уничтожающіе нашу теперешную военную систему. Одинъ состоитъ въ возвращеніи къ прежней постоянной арміи, пріемомъ надолго на сверхсрочную службу. Онъ можетъ быть хорошъ, но навѣрно слишкомъ слабъ, и доставлялъ бы недостаточную защиту для страны.

Второй—это многочисленная милиція, съ медленной мобилизаціей, недостатокъ солидности и технической пригодности. Это любимая система декадентовъ, для которыхъ подача голоса все, а все остальное ничто.

Они пользуются ослѣпленіемъ противниковъ, которые не замѣтили отраженія выборнаго закона на законъ военный. Заботились о количествѣ сражающихся и только о количествѣ, не спрашивая себя, какова цѣнность этой толпы, призванной на службу, не заботясь о ея вліяніи на военныя учрежденія. Арміи дали оружіе, отнявши у нея право голоса, у резерва отобрали оружіе, не смѣя отнять у него право вотировать. Въ концѣ-концовъ, сила осталась за нимъ, и не мало людей подбиваютъ его употреблять свою силу къ большему вреду страны.

Въ результатѣ—огромное затрудненіе получить полезное и давно необходимое для приданія большей силы арміи: созданіе четвертыхъ баталіоновъ, отчасти достигнутое. Раздѣленіе 6-го корпуса, которое, наконецъ, скоро состоится, мѣра недостаточная, требовалась и изучалась съ давнихъ поръ. Устройство резервныхъ полковъ, подготовленныхъ въ мирное время, необходимость чего чувствуется, а исполненіе какъ будто удаляется. Принятіе областнаго рекрутскаго набора—требовалось много разъ, и постояно отвергалось и пр. пр.

Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ и ко многимъ другимъ, имѣющимъ цѣлью дать болѣе связи, болѣе силы

арміи, слѣдовало бы пріучать общественное мнѣніе, иногда немного непокорное: Это вопросъ традиціи, немного необдуманный во Франціи, гдѣ гальскій атавизмъ пустилъ крѣпкіе корни.

Слѣдовало бы повторять на всѣ лады, что основной законъ труда въ военномъ дѣлѣ также приложимъ какъ и въ другихъ; что ничего нельзя знать, не учившись, и что война не можетъ происходить безъ очень серьезной подготовки.

Особенно слѣдовало бы остерегаться восхваленій раззорительныхъ мѣръ, которыя оставили бы Францію беззащитною противъ намѣреній, подготовляемыхъ по ту сторону Рейна.

Слѣдовало бы особенно возставить противъ одного проекта, недавно разносимаго по салонамъ нѣкоторыми дамами, желающими устроить силу всеобщаго разоруженія. Идея столько же великодушная, какъ и несвоевременная. Не во Франціи ее можно распространить. Иниціаторы ея забываютъ раздробленіе Франціи и дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы предаваться сантиментализму, когда все требуетъ, чтобы мы приготовляли болѣе солдатъ.

Берлинская національная газета писала въ августѣ 1896 года, по поводу будущей войны:

„Если-бы мы побѣдили, мы при„няли бы безъ стѣсненія мѣры, „чтобы сдѣлать побѣжденныхъ на „долго безвредными“.

Говаривали также о линіи Роны, какъ границѣ Италіи; о линіи Саоны, какъ принадлежности Германіи. Это преувеличеніе, если хотите; во всякомъ случаѣ, эти заявленія не мѣшаетъ обдумать. Они заключаютъ въ себѣ формальный отвѣтъ тѣмъ, кто добивается, мечтою о милиціяхъ, ослабленія нашей военной организаціи.

XXXIX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Странность положенія Европы замѣчательная. Всѣ сердца желаютъ мира, всѣ интересы требуютъ его, гуманность совѣтуетъ, всѣ разговоры поддерживаютъ его сохраненіе. Въ то же время, поступки совсѣмъ противоположны: всѣ труды идутъ на приготовленіе къ войнѣ, предмету всеобщей заботы.

Желаніе увеличить военныя силы, которыми они располагаютъ, преобладаетъ въ политикѣ восточныхъ государствъ. Италія повысила на нѣсколько милліоновъ свой обыкновенный бюджетъ. Германія не-

престанно увеличиваетъ свою дѣйствующую армію. Бельгія уничтожаетъ замѣстительство и прибавляетъ 15 тысячъ человѣкъ къ годовому контингенту, чтобы создать армію, болѣе серьезную, которая, въ случаѣ осложненій, съиграла-бы важную роль и пр.

Таково положеніе дѣлъ,—не мы его создали, но не можемъ помѣшать ему существовать, и, вѣроятно, надолго. Нужно дѣйствовать не по нашему желанію, а имѣя въ виду настроеніе нашихъ сосѣдей. Осложненіе очень явное. Между нашими чувствами и необходимостью существуетъ разногласіе. Такъ какъ мы являемся членомъ системы независимыхъ государствъ, то самое элементарное благоразуміе обязываетъ насъ держаться съ ними на одной высотѣ, быть въ состояніи отразить нападенія, которыхъ мы ищемъ, но которымъ можемъ подвергнуться.

Уменьшить наши силы нельзя; уничтожить ихъ стало бы страшно гибельно. Тотъ, кто первый пойдетъ по этой мирной дорогѣ, навѣрно, будетъ угнетенъ, завоеванъ сосѣдями, оставшимися вооруженными, и сверхъ того, конечно, осмѣянъ за это безумное довѣріе.

Нѣкоторые допускаютъ это, объясняя, что они дожидаются только одновременнаго общаго разоруженія. Это великая теорія лиги мира. Исчезновеніе войны прекращаетъ всѣ вооруженія. Потому устранимъ это возраженіе, не отвѣчая на него. Дѣло можетъ совершиться когда нибудь; но оно еще не осуществилось, а слѣдуетъ заботиться о настоящемъ. Несмотря на общее желаніе и на искусство дипломатовъ, причины войны существуютъ; присутствіе ихъ чувствуется подъ внѣшностью народовъ, какъ лихорадка подъ кожею. Онѣ могутъ разразиться со дня на день.

Надо быть готовымъ выдержать бурю, когда она налетитъ. Отсюда нѣтъ выхода. Это невозможно, скажутъ намъ? Достаточно того, чтобъ это было возможно, чтобъ опредѣлить намъ образъ дѣйствій.

Еслибы армія была замѣнена милиціями, увѣряютъ иные, это нисколько не помѣшало бы Франціи быть готовой во время опасности. Конечно; но при какихъ условіяхъ? Храбрость, добрая воля, героизмъ не могли бы замѣнить организацію, медленное обученіе, профессіональное искусство, постоянное воодушевленіе. Вотъ главный вопросъ, который постоянно является. Предвидится вѣрное пораженіе.

Патріотическій энтузіазмъ, воин-

ственный пылъ, всѣ нравственныя свойства недостаточны для вѣрности успѣха въ настоящее время механизма и заводской промышленности. Необходимо прибавить къ нимъ матеріальную цѣнность, помогать имъ профессіональнымъ искусствомъ. Милиціи всегда будутъ лишены этого и ихъ рыцарскія усилія легко уступятъ опытнымъ войскамъ.

Таковъ главный вопросъ спора, серьезный, единственный, достойный вниманія. Для того, чтобы бороться, нужно быть сильнымъ. Сдѣлаться таковымъ можно только практикой, долгими экспедиціями, если это возможно, за недостаткомъ этого — солидной подготовкой, продолжительными упражненіями, упорнымъ трудомъ. Помимо этихъ необходимыхъ во всякое время вещей, остальное только мечты и химеры, ведущія, безъ всякаго сомнѣнія, къ раззоренію.

Это не ново, и болѣе ста лѣтъ назадъ генералъ Гиберъ высказалъ эту истину, когда писалъ:

„Теперь, не то, что было при „Людовикѣ XIV, и долго послѣ „него; не въ томъ дѣло, чтобы „собрать много добавочныхъ частей „передъ войной, а во время мира дѣлать большія реформы". *Успѣхи „искусства, необходимость обученія, „важность дисциплины заставляютъ „сдѣлать изъ мира школу войны и „содержать арміи въ такомъ состоя„ніи, чтобы онѣ могли выступить „въ походъ по первому сигналу"* (Политика, гл. IV.)

Болѣе чѣмъ когда-либо необходимо собрать запасы, изготовлять усовершенствованныя орудія. Запасаться лучшими снарядами, высшими средствами, и подготовлять во время мира, для пользованія ими, отличныя войска, привыкшія къ ихъ употребленію.

Утописты всѣхъ оттѣнковъ выставляютъ на видъ безпрестанно интересы торговые, промышленные, земледѣльческіе. Они доказываютъ необходимость не вредить имъ содержаніемъ большой военной силы.

Эти самые интересы нуждаются, прежде всего, въ свободѣ, въ независимости отечества, которое не можетъ иначе существовать, какъ при наличности хорошо устроенной арміи. Между этими двумя необходимостями нѣтъ противорѣчія, но сосуществованіе. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы ихъ соединить возможно лучше, не жертвуя одною въ пользу другой.

Другіе указывали, не кстати, на примѣръ Швейцаріи; хотѣли бы

резервы только во время мира, при арміи существующей во время войны. Это сведеніе военной силы къ ея минимуму, если не полному уничтоженію. Въ результатѣ будетъ неизбѣжная скорая гибель ея при столкновеніи съ постоянными войсками, хорошо обученными. Если принять милицію, то Франція будетъ не защищена, Франція погибнетъ.

Наши сосѣди постоянно домогаются качества соединеннаго съ количествомъ, чтобы достичь максимума могущества. Нѣкогда они пускали въ дѣло осторожность, ждали конца мобилизаціи, чтобы начать походъ массою, какъ въ 1870 г. Съ тѣхъ поръ ихъ мысли измѣнились; воодушевляясь стратегіей Наполеона, они рѣшили, что всякая будущая война ограничится значеніемъ первыхъ ударовъ, быстро нанесенныхъ и подкрѣпленныхъ преслѣдованіемъ безъ остановки.

Цѣль ихъ—напасть врасплохъ, чтобы такимъ образомъ, воспользоваться всѣми выгодами, подготовкой, которой у него нѣтъ и дѣйствуя непрерывно, помѣшать врагу возстановить потерянное преимущество. Они намѣрены оглушить противника неожиданными ударами и наступать на него безъ остановки.

Слѣдовательно, они хотятъ напасть внезапно со своими, мирными силами, безъ всякаго замедленія. Не ждать ничего отъ мобилизаціи для перваго столкновенія, а дѣйствовать съ достаточнымъ количествомъ опытныхъ войскъ, чтобы выиграть первую партію, партію рѣшительную. Для этого они устраиваютъ въ мирное время армію, сплоченную, обученную, отборную, готовую ринуться по первому сигналу. Всѣ ихъ заботы направлены къ этой цѣли.

На войнѣ французскій солдатъ скоро образовывается, благодаря своимъ способностямъ. Однако, нуженъ извѣстный срокъ; наши соперники знаютъ это хорошо и видятъ въ быстротѣ дѣйствій способъ лишить насъ этого преимущества.

Развѣ не было бы безумiемъ противопоставить имъ милицію? Можно ли было бы имѣть безсмысленную надежду на побѣду, когда все показываетъ невозможность этого? Количества будетъ недостаточно при первой встрѣчѣ. Нужны будутъ силы перворазрядныя, обученныя и надежныя, издавна готовыя къ бѣдствію, потому что первый шагъ будетъ существенно важенъ. Тѣмъ хуже для того, кто

недостаточно подготовился. А это случилось бы съ нами, еслибы вмѣсто нашихъ красивыхъ и хорошихъ войскъ для прикрытія устроили бы милицію,—промѣняли бы золото на мѣдныя деньги.

Тѣ, кто хвалитъ и превозноситъ милицію, не вспоминаютъ-ли себя? Нужно ли мнѣ напомнить ошибки людей, помѣшавшихъ подготовить защиту страны? Дорого обошлось все это намъ, захваченнымъ врасплохъ въ 1870 году, изумленнымъ, пораженнымъ. Намъ совѣтуютъ опять принять эту систему обмановъ, еще разъ предаться безоружными. Подобное поведеніе было-бы безсмысленно.

Ссылаются на уменьшеніе расходовъ; объявляютъ сокращеніе, даже отмѣну пребыванія въ полку. Обѣщаютъ не ослаблять силы страны. Увѣряютъ, что войска, сдѣлавшись моложе, проявятъ прежнюю доблесть. Обольщаютъ общественное мнѣніе тѣми способами, которые имъ чувствительнѣе. Льстятъ ему, говорятъ объ отплатѣ, отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ способъ получить ее превращеніемъ армія въ милицію.

Общественное мнѣніе легко скользитъ по этой наклонной плоскости, не замѣчая того. Если бы ему объяснили суть дѣла,—а это составляетъ цѣль нашего изслѣдованія,—оно непремѣнно протестовало бы и противодѣйствовало. Отъ него скрываютъ упадокъ, обольщая его огромнымъ количествомъ воиновъ, оружія, запасовъ. Цифры обладаютъ волшебною силою; онѣ ослѣпляютъ.

Остерегаются показать оборотную сторону медали. Увеличеніе количества говоритъ воображенію; улучшеніе качества трудно замѣтно, когда переходы медленны. Этого надѣются достичь. Армія измѣнится, мало по малу, ея цѣнность уменьшится, исчезнетъ, и милиція наслѣдуетъ ей, не замѣняя ее; это случится само собой.

Извѣстнаго рода безпечность, потомъ недостатокъ знакомства съ вопросомъ—предрасполагаютъ умы къ принятію описаннаго движенія. Онѣ находятъ ихъ весьма симпатизирующими этой мысли. Прогрессъ благосостоянія, значительные союзы, важные интересы, замѣшанные всюду, заставляютъ считать въ будущемъ войну невозможною. Спрашивается, для чего содержать военное сословіе, столь большое и дорогое, если не должно быть войны.

Оцѣнивая эту литературу, мы видимъ, что это не только сонъ, но

даже смерть для нашей страны, и противъ нея надо бороться до послѣдней возможности, всегда и вездѣ.

Когда плотная, очень опытная масса находится на нашей границѣ, постоянно угрожая намъ новымъ нашествіемъ,— было бы смѣшно надѣяться остановить ее патріотизмомъ, энтузіазмомъ импровизированныхъ легіоновъ, милиціями безъ военныхъ качествъ.

Очень важно, наоборотъ, поддерживать, усиливать наше военное могущество, отбросивъ всѣ эти утопическія предположенія, разносимыя во имя братства народовъ. Сантиментализма всегда недостаетъ между народами. Человѣколюбивые голоса вопятъ, но ихъ не слушаютъ. Народы занимаются только своими интересами и нашъ самый строгій долгъ—спасать наши.

Наша славная армія, солидная, обученная, дисциплинированная и постоянно совершенствуемая, еще долго будетъ лучшею защитою всякой внутренней свободы, также какъ она есть самая надежная, если не единственная, гарантія независимости нашего отечества. Нужно безпрестанно разъяснять необходимость ея, неустанно указывать на нее тѣмъ, кто увлекается жалкими химерами.

Восхваляемая такъ сильно, экономія имѣла бы слишкомъ мало цѣны, еслибы была затронута національная независимость. Она связана съ существованіемъ арміи, и всякая попытка уменьшить или уничтожить ее, была бы преступленіемъ противъ отечества.

Не попадемъ же въ западню, отвергнемъ вѣроломные совѣты. Вспомнимъ прошедшее и пусть опытъ послужитъ намъ на пользу. Импровизированныя войска—войска безсильныя. Франція достаточно богата, чтобы содержать хорошую армію. Экономія не улучшила бы ее судьбу, а повела бы къ гибели. Въ выборѣ нѣтъ сомнѣнія, и, если страна хочетъ продолжать благополучное существованіе, слѣдуетъ непремѣнно удалить опасность милиціи.

КОНЕЦЪ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Столб.	Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
18	1	14	Эта	Это—
19	1	9—10	но благодаря однородной организаціи они....	Но, благодаря однородной организаціи, они....
19	1	20	занятій	занятій.
19	2	31—32	въ немъ (въ Карѳагенѣ).	въ Карѳагенѣ.
20	2	25	войнаи	война
22	1	21	компанія	кампаніи
23	1	13	Правильной рекрутчины	Регулярнаго набора
24	2	1	весь	Весь
24	1	13	въ наборѣ	въ системѣ набора.
24	2	16	счастливаго	счастливаго
27	2	1	галло-римскій	галло-римской
27	2	2—3	не измѣнили свои традиціи и обычаи	не измѣнили своихъ традицій и обычаевъ
28	2	10	феодальныя	феодальная
29	1	16	4 участка	4 дневныхъ участка
30	2	21	Гуго Конета	Гуго Капета.
31	1	8	(въ 1106)	(въ 1108)
31	1	20	изъ 12 человѣкъ	изъ 6—12 членовъ
31	2	3	маловажныя, въ началѣ,	маловажная въ началѣ,
31	2	20—21	и число которыхъ составляло—5,6,7 человѣкъ	и всѣ они вмѣстѣ составляли копье, численностью въ 5,6 или 7 человѣкъ
36	1	29—30	въ нѣкоторомъ родѣ. О солдатчены	въ нѣкоторомъ родѣ осолдатчены
44	1	3	дорянина	дворянина.
51	2	18	воспроизвода	вводя
54	1	16	сдѣлался	былъ
61	2	23	замѣну	замѣняла
62	1	5	болѣе	вовсе
65	2	16—17	собраны	призваны
68	1	10	lagarge mobile	la garde mobile
69	1	30	обязательную службу	обязательной службы
70	2	4—5	Она была не безызвѣстна	Оно было не безызвѣстно,
72	1	31	dofin d'etudes	de fin d'etudes.
73	1	3	Она позабыла	Оно позабыло

Стран.	Столб.	Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
74	2	12	оппозицій	оппозиціи
77	2	30	ycomanry	yeomanry,
81	2	8	cerele militaire	cercle militaire.
81	2	27	широкіе	широкія.
82	1	20	mauvements	mouvements
97	2	23—24	израсходопова	израсходовано
89	1	23	для жителей	у жителей
89	2	20, 22	онѣ	они
101	1	16	Значително	Значительно.
103	2	33—34	выполнимъ	выполнилъ
104	1	27	опредѣлилъ	опредѣлитъ
104	2	19—20	считали военной хартіей	считали его военной хартіей
105	2	7	она	оно
105	2	18—19	граничущихъ	граничащихъ
108	1	10	повторяли	повторяли
108	1	27	рѣшителнаго	рѣшительнаго
108	2	19	ещо	еще
109	1	29	измѣнить	измѣнить
110	1	1	смѣшѣніе	смѣшеніе
110	2	31	странния	странная
111	1	9	раздорныя	задорныя
111	1	27	сообщитъ	сообщить
111	2	4	изученіе	знаніе
111	2	19	рекламируешъ	рекламируешь
112	1	18	появляется	появляется
112	2	14	decassès	declassès
112	2	20—21	призрѣніемъ	презрѣніемъ
113	1	5	порочитъ	позоришь
115	2	13	Голга	Гота
115	2	14	заставилъ	заставимъ
116	1	3—4	статиссамъ	статистамъ
116	2	31	страна	страны
117	2	25	анархизмъ	анархизмъ
118	1	1	Несомнѣнная	Несомнѣнно
118	1	22	положеніями	положеніями,
118	2	5	промышленности	промышленности
118	2	28	обратить и куда-нибудь	обратить куда нибудь
118	2	29—30	чтобы видѣть	чтобы видѣть,
119	1	14	однѣмъ	однимъ
119	1	29	нейдешь	найдешь
120	1	21	самоотрѣченія	самоотреченія

Стран.	Столб.	Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
121	1	28	насколко	насколько
121	1	34	огрубенія	огрубѣнія
121	2	3	аргументаціи	аргументаціи
122	1	9	возвеличеніемъ	возвеличеніемъ
125	1	27	индефферентизмъ	индифферентизмъ
126	1	18	отчетныхъ	почетныхъ
126	1	24	burcaux de tabac	bureaux de tabac
126	2	28—29	priviellegium	privilegium
128	1	15	надъ,	наукъ
131	2	29	сентиментализмѣ	сантиментализмѣ
132	2	4—6	и вперемѣну	и перемѣну
133	1	2	Не смотря	несмотря
137	2	31	въ этомъ широкомъ движеніи.	въ этомъ. Въ этомъ широкомъ движеніи.
138	1	24	Обструкцгонисты	Обструкціонисты.
141	2	1	Борда	Бордо.
143	1	15	подогрѣвать	и подогрѣвать
143	2	8	не смотря	несмотря
147	1	12	утратить	утратить
152	1	4	внушенной	внутренной
152	1	32	прилагаемыя	предлагаемыя
153	2	4	Бкразумію	благоразумію
153	1	20	спеціальныхъ	соціальныхъ
157	1	16	по	но
157	2	25	интересахъ	интригахъ
157	2	26	Въ этомъ горячемъ потокѣ	Въ этой горячей погонѣ
157	2	30—31	Ему, говорятъ,	Ему говорятъ
158	1	19	встрѣтитъ	встрѣчаетъ
159	1	20	Стараго	Статьи
160	1	6	представлена	предоставлена
161	2	32—35	l'ebucation	l'education
162	2	7	основательно онъ понялъ	основательно. Онъ понялъ
163	2	2	предложеніе	предложенія
166	2	34	отдѣленіе (escouade) пѣхоты, во	исключить
167	2	1—2	по два на семь	по два на отдѣленіе (escouade) пѣхоты, по восьми
167	2	33	выбиралась	встрѣчалась

Стран.	Столб.	Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
168	2	22—23	мы не пошли получать сами, мы заплатили	мы не хотимъ идти сами, мы заплатимъ
169	1	33	За него, какъ нѣкогда за галеры..	исключить
169	2	26—27	примѣненіемъ наборъ силою	примѣненіемъ. Наборъ силою
170	1	4	чести	части
170	1	25	disponilit'ité	disponibilité
170	2	13	статью	статьею
170	2	14	службы	службы
171	1	4	называли	называли-бы
171	2	6—7	Стоящуя	Стоящую
171	2	31	паролъ	пароль
176	1	1	Вызывали	вызывали
178	2	12	мачтатели	мечтатели
181	2	7	aurat véeu	ourait veeu
181	2	14	Или	Ими
181	2	16	регламентаціей	регламентаціи
181	2	17	особенно	вездѣ
182	2	18	знаній которыя	знаній, которыя
182	2	33	обучены	не обучены
183	1	10	совершенно:	совершенно,
183	1	14	интелегентный	интеллигентный
185	1	9	народы убежденные	народы, убѣжденные
186	1	21	ни чего	ничего.
186	2	11	прекрасные	прекрасныя
186	2	30	опять	*исключить*
186	2	31	получимъ	получили
187	1	5	Дайствующія	Полевыя
189	1	19—20	постоянными	полевыми
189	1	2	постоянныхъ	полевыхъ.
189	2	19	совершенно	несовершенно.
190	1	12	признанные	призванные
190	1	20	уменшился	уменьшился
190	2	10	матеріальной	территоріальной
191	1	31	miltaire	militare.
191	1	32—33	съ выраженіемъ	къ выраженіямъ
191	2	8	Содѣствовать	содѣйствовать
192	2	8	видахъ; военное	видахъ, военное
193	1	7	Эти	Это
193	1	18	сельскохозяйственное	сельскохозяйственная
193	1	25	организаціи,	организаціи.

Стран.	Столб.	Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
194	1	13	подъ ея	подъ этими
194	1	18	такое-же, какъ и ея	такое-же какъ и ея,
195	2	33	конецъ химерична	конецъ, химерична.
196	1	3—4	Добрая воля внѣ сомнѣнія, но искусство!	Не добрая воля подъ сомнѣніемъ, а искусство!
197	1	7	признакомъ	призракомъ
198	1	24	путанницы	путаницы
198	1	25	прошедшіе	произведенные
198	1	26	казались	казались-бы
198	1	27	раздавались	раздавались-бы
198	1	28	Протестовали	Протестовали-бы
200	1	20	во всѣхъ странахъ	по всей странѣ
201	1	28	выдать	предать
202	1	33	имѣть	имѣетъ.
202	2	5	она	оно
202	2	6	она	оно
202	2	20—21	послѣдованія	послѣдствія
203	2	13	болшаго	большого
204	1	11—12	нейтрачитета	нейтралитета
204	1	14	пейстралитетъ	нейтралитетъ
205	2	32	легіоновъ, милиціонеровъ	легіоновъ милиціонеровъ
206	2	28	невоможно	невозможно
209	2	13	обсудить	обуздать
211	1	1	разобратъ	разобрать
211	2	33	низшихъ	нисшихъ
212	1	25	пративника	противника
212	2	10—11	милиція	милиція
212	2	20	заблуждаются тѣ,	заблужденія тѣхъ,
214	1	17	высоты	высоту
214	1	19	успѣху и пренебречь	успѣху, и пренебречь
214	1	31	собособленность	обособленность
214	2	25	имъ когда	когда имъ
215	2	1—2	профессіоянальнаго	профессіональнаго
215	2	31	пизшимъ	нисшимъ
217	1	1	люди храбрые; даже женщины	люди мягкіе, даже женщины
217	1	26	перенесть	переносить
218	2	18—19	въ сраженіе, какъ войско	въ сраженіи, какъ войска
221	1	10	ее	ея
225	1	9	вызовѣ чувствовалось	вызовѣ, чувствовалось
2 6	2	23	какъ	такъ
230	2	1	XXXIII	XXXVIII

Стран.	Столб.	Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
232	1	1—2	несколько	нѣсколько
232	2	13	все тамъ	всетаки
232	2	26	время, практически	время; практически
234	1	21—22	надолго на сверхсрочную	надолго, на сверхсрочную
235	1	20	возставить	возставать.
236	1	11	сущеетвовать	существовать
236	1	23	нщемъ	не нщемъ
238	1	1	резервы	имѣть резервы
240	2	7	такъ сильно,	такъ сильно

2007111435